Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

УЧЕНИЕ ДАРВИНА И МАРКСИЗМ-ЛЕНИНИЗМ

(К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ДАРВИНА)

СБОРНИК СТАТЕЙ ПОД РЕДАКЦИЕЙ
П. И. ВАЛЕСКАЛН И Б. П. ТОКИНА

ПАРТИЙНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА — 1933

„Очень ценно сочинение Дарвина и годится мне как естественно-научная опора исторической классовой борьбы. С грубо-английской манерой изложения надо, конечно, мириться. Несмотря на все недостатки, здесь не только нанесен смертельный удар „телеологии" в естественных науках, но и эмпирически выяснено ее разумное значение".

Маркс — Лассалю 16 января 1861 г.

„Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений как на ничем не связанные, случайные, „богом созданные" и неизменяемые и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними,— так и Маркс положил конец воззрению на общество как на механический агрегат индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-экономической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс".

Ленин, т. I, 1893—1896, стр. 62—63.

От редакции

В настоящий сборник вошел ряд статей и заметок, посвященных 50-летию со дня смерти Чарльза Дарвина, напечатанных в центральных газетах, а также стенограммы докладов Н. И. Бухарина, Н. И. Вавилова и Б. М. Завадовского на торжественном заседании Комакадемии, Академии наук СССР и Академии сельскохозяйственных наук им. Ленина. Биографическая справка взята из „Большой советской энциклопедии".

Такой подбор материалов не мог не отразиться на характере сборника, который страдает рядом недостатков. В сборнике охвачены далеко не все даже важнейшие вопросы дарвинизма, ряд статей носит на себе печать спешности, некоторые не отражают полного единства взглядов и т. д. Однако и в таком виде сборник сослужит свою пользу, ибо он будит мысль к дальнейшей разработке основных положений Дарвина для использования их в практике социалистического строительства.

Дарвин родился 12 февраля 1809 г. в старинном городке Шрюсбери, в семье состоятельного, пользовавшегося широкой известностью врача Роберта Уоринга Дарвина, сына знаменитого натуралиста XVIII в. Эразма Дарвина. Дед Дарвина по матери (Сусанна Веджвуд) Джосайа Веджвуд был создателем знаменитого английского фарфора. Двоюродный брат Дарвина — основатель евгеники и биометрии Френсис Гальтон был также внуком Эразма Дарвина по второй его жене. Вообще к роду Дарвинов и Веджвудов принадлежало много крупных врачей, путешественников, натуралистов, предприимчивых фабрикантов и политических деятелей. В 1818 г. Дарвин был отдан в так называемую «грамматическую школу» в Шрюсбери, в которой главное внимание отдавалось изучению древних языков. Впоследствии Дарвин писал: «Школа как средство образования была в моей жизни пустым местом». Интересы мальчика шли совершенно в другую сторону: он собирал насекомых, минералы, наблюдал жизнь птиц и даже производил вместе со старшим братом опыты по химии. Мало дал Дарвину и университет. Сначала, в 1825 г. он поступает в Эдинбургский университет с целью сделаться врачом. Он не обнаруживает однако склонности к занятиям медициной и по настоянию отца переходит в 1828 г. в «Крейст-Колледж» (Коллегия Христа) Кембриджского университета для подготовки в священники. Особого усердия в изучении и этих наук Дарвин также не проявлял; он увлекается охотой и спортом, а приобретенные им в университете знакомства (ботаник проф. Ганслоу, геолог проф. Седжвик и др.) определяют окончательно круг его интересов. Он начинает самостоятельно работать по естествознанию, прочитывает порядочное количество книг, а летом 1831 г., после сдачи экзамена на бакалавра наук, совершает вместе с Седжвиком ге-

ологическую экскурсию по Северному Уэльсу. В том же 1831 г. Ганслоу рекомендует Дарвина в качестве натуралиста в состав экспедиции на корабле «Бигль», снаряженной английским правительством для съемки берегов Патагонии и Огненной Земли. «Бигль» должен был совершить вместе с тем и кругосветное путешествие с целью произвести в различных точках земли хронометрические измерения. Под начальством капитана Фиц-Роя «Бигль» в декабре 1831 г. покинул Англию, с тем чтобы вернуться через два года. Путешествие однако затянулось, и «Бигль» вернулся лишь в октябре 1836 г. Направившись к Бразилии, «Бигль» оставался у восточных берегов Южной Америки и у Огненной Земли до середины 1834 г. За это время Дарвин совершил ряд экскурсий внутрь страны, иногда затягивавшихся на 1—2 месяца. До октября 1835 г. происходило обследование западных берегов Южной Америки и близлежащих островов. Дарвин посетил острова Чилое и Чонос, дважды перешел через Кордильеры, исследовал ставший после его работ знаменитым Галапагосский архипелаг. В конце 1835 г. и в 1836 г. экспедиция посетила острова Таити, Новую Зеландию, Тасманию, и, пройдя Индийский океан, линию западного берега Африки и Атлантический океан, «Бигль» вновь направился к Бразилии, откуда вернулся в Англию.

Путешествие на «Бигле» сыграло исключительную роль в формировании Дарвина как естествоиспытателя. «Бигль» и явился для Дарвина подлинной школой. Созерцание величественных картин девственной природы, богатейшие геологические, ботанические и зоологические наблюдения, обширные коллекции, собранные Дарвиным во время путешествия, вызвали колоссальную работу мысли, положившую начало его дальнейшей ученой деятельности. Уезжая, Дарвин взял с собой недавно до того вышедший первый том «Основ геологии» Ляйелла, который впервые устанавливал медленное, эволюционное развитие земной коры, происходящее всегда под действием тех же факторов, какие незаметно для человеческого глаза видоизменяют лик земли и в настоящее время. Эта книга произвела на Дарвина огромное впечатление. В свои университетские годы он нисколько не сомневался в правильности церковной догмы. Теперь же наблюдения доставляли ему одно за другим документальные доказательства справедливости теории Ляйелла. Устранение сверхъестественных сил из истории земли, введение в нее нового фактора — времени гигантской продолжительности действия мелких, медленно слагающихся сил природы вынуждают Дарвина задуматься и над необычайными фактами из области зоологии, наблюденными им во время путешествия. Он заметил, что многие животные Южной Америки очень похожи на ископаемых животных, живших в прежние геологические эпохи там же (например броненосец и вымершие гигант-

ские глиптодонты, лама, вымерший Mackrauchenia и др.); вместе с тем эти животные характерны только для Южной Америки, не встречаясь нигде больше. Поразительные сходства он наблюдал также между обитателями Галапагосских островов и близлежащих частей Южной Америки. Они представляют собой несомненно различные виды, но их сходство не могло быть случайным: сама собой напрашивалась мысль, как и в случае с броненосцами и ламой, о родственном происхождении. В пампасах Южной Америки Дарвину пришлось увидеть явления массовой гибели животных при неблагоприятных условиях и усиленного размножения их при благоприятных. Так незаметно он начал накапливать факты, которые наталкивали его на проблему происхождения видов. Наблюдения над жителями Огненной Земли, которые по развитию своей культуры находились еще в стадии каменного века, также произвели на Дарвина огромное впечатление и несомненно зародили в нем неясные еще мысли об эволюции человека. Резко отрицательное отношение встретили в нем жестокие картины рабства негров; воспитанный в либеральных идеях, он не мог примириться с рабством и неоднократно впоследствии возвращался к этому вопросу.

По возвращении в Англию Дарвин подготовляет к печати свой дневник путешествия, который был издан впервые в 1839 г. как III том отчета об экспедиции «Бигля», а в 1845 г. вторично как самостоятельная книга. Для научной обработки своих коллекций Дарвин привлекает ряд ученых, оставляя за собой работу над всей геологической частью. В это время он тесно сближается с Ляйеллом и Дж. Гукером, которые впоследствии сыграли существенную роль в опубликовании его теории. В 1837 г. Дарвин получает степень магистра в Кембриджском университете; в 1839 г. женится на своей двоюродной сестре Эмме Веджвуд (1808—1896) и до 1843 г. остается в Лондоне, совершая иногда геологические экскурсии по Англии. В эти лондонские годы у Дарвина впервые в резкой форме проявилось мучительное заболевание, связанное с расстройством нервной системы и обмена веществ и не оставлявшее его затем в течение всей жизни. Он решил оставить Лондон и поселился в деревне Даун, в двух часах езды от Лондона. Здесь он жил до конца жизни, здесь выносил все свои великие идеи, произвел свои многочисленные зоологические и ботанические исследования и написал свои сочинения. Даун сделался центром, куда для бесед с Дарвином неоднократно приезжали самые выдающиеся натуралисты Англии, а после 1859 г. местом паломничества для ученых всего мира. Дарвин умер 19 апреля 1882 г., продолжая работать до последних дней своей жизни. Он похоронен в Вестминстерском аббатстве, рядом с гробницами Ньютона и Гершеля.

О К. МАРКСЕ И Ч. ДАРВИНЕ

Э. Кольман

Эпоха промышленного переворота, революционного подъема молодого капитализма дала этих двух великих людей как представителей двух классов: пролетариата и буржуазии. Оба они — гениальные ученые, совершившие подлинную революцию в науке, оба — смелые творцы новых научных теорий, опрокидывающих все привычное мышление. Но как бы велико в этом не было их условное сходство, еще больше разница в их облике, воплощающем в себе всю противоположность классов, которые каждый из них представляет.

С тех пор как сам Маркс назвал учение о естественном отборе «естественно-научной опорой исторической классовой борьбы», с тех пор как Энгельс в речи на могиле Маркса провел параллель между «открытием закона развития органической природы» Дарвином и «открытием закона развития человеческой истории» Марксом и повторил эту мысль в предисловии к английскому изданию «Коммунистического манифеста», — биологическое учение Дарвина и социально-экономическое учение Маркса сравнивали неоднократно.

Но Маркс был живым воплощением единства теории и практики. Он был не только величайшим теоретиком, не только создателем научной политической экономии и научной истории, он не только поставил с головы на ноги гегелевскую философию, создав диалектический материализм, не только сумел гениально охватить всю человеческую культуру, не только «в любой области, в которой он работал, — даже в математике он сделал самостоятельное открытие», — но он одновременно был и величайшим практиком революции. Всю свою жизнь, всю свою неутомимую энергию он отдал на борьбу за торжество своих идей, на их пропаганду, на организацию пролетариата для их осуществления. Он был пламен-

ным и неустрашимым руководителем Интернационала. И естественно, что злобная ненависть, грязная клевета и гонения со стороны господствующих классов сопровождали весь жизненный путь Маркса.

Дарвин же был типичным буржуазным ученым. Совершив своим учением переворот в биологии, нанеся своими открытиями «смертельный удар телеологии в естественных науках», Дарвин не только не боролся за торжество науки против мракобесия, но всячески избегал затрагивать «сильных мира сего», существующий буржуазный порядок, религию и церковь — верную союзницу буржуазного государства. Антирелигиозные выводы из дарвиновского учения о происхождении человека от обезьяноподобных животных делали другие, — и уже это одно доставляло Дарвину незаслуженные нарекания. Дарвин же уклонялся от прямого ответа на вопрос о том, каковы же выводы из его учения, хотя сам был атеистом.

Замкнувшись в узкие рамки своей специальности, удалившись в идиллическую тишь деревни Даун, Дарвин тщательно оберегал свое спокойствие, в испуге отворачивался от всего революционного. Когда Маркс прислал ему экземпляр французского издания «Капитала», Дарвин счел нужным вежливо «отмежеваться», подчеркнув, что он «считает себя мало достойным этого подарка, так как незнаком с политэкономией». Каково же должно было быть смущение Дарвина, когда 7 лет спустя Маркс попросил его просмотреть корректуры 12-й и 13-й глав английского издания «Капитала», где Маркс (в примечаниях 31 и 89) ссылается на дарвиновское «Происхождение видов», отзываясь об этой книге как о «сделавшей эпоху работе». Боязнь, что его заподозрят в том, будто он имеет какое-то отношение к «Капиталу», который подвергался бешеной травле со стороны всей своры буржуазных псов и свиней, заставила Дарвина отказаться от чести, которую хотел оказать ему Маркс посвящением этих двух глав. Вот характерный ответ Дарвина Марксу:

13 октября 1880 г.

Милостивый государь!

Я вам очень благодарен за ваше любезное письмо и приложение к нему. Для опубликования в какой бы то ни было форме ваших замечаний на мои книги вовсе не требуется моего согласия, и было бы смешно с моей стороны давать свое согласие на дело, для которого оно не требуется. Я предпочел бы, чтобы отдел или том вашего сочинения не был посвящен мне (хотя я благодарю вас за честь, которую вы хотели мне оказать), потому что это до известной степени означало бы, что я одобряю все сочинение, о котором я однако ничего не знаю. Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-таки думаю (правильно или неправильно — все равно), что прямые доводы против христианства и те-

изма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мыслей приносит постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем возможно, что тут на меня повлияла больше, чем следует, мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию.

Мне грустно отвечать отказом на вашу просьбу, но я стар и очень слаб, и просмотр корректур (как я убедился в последние дни на опыте) сильно меня утомляет.

Остаюсь преданным вам **Ч. Дарвин»**.

Боязнь вскрыть свои искренние атеистические убеждения, войти в конфликт с «общественным мнением» буржуазии — вот что мешало Дарвину быть последовательным дарвинистом.

Дело не в личном мягком характере Дарвина, не в слабости воли, не позволявшей ему выступить открыто и прямо в защиту своих искренних убеждений и создавшей это — вовсе не лестное для этого гиганта мысли — письмо. Большинство выступлений буржуазных ученых по вопросам мировоззрения всегда носило этот отпечаток агностицизма, отражающего противоречия капитализма. А в настоящий период, в период всемирного капиталистического кризиса, буржуазные ученые в своем большинстве не только отказываются от атеистических и вообще прогрессивных выводов из научных теорий, но изо всех сил стараются «научно» обосновать религию, «подтвердить» непротиворечивость веры и науки, поставить науку на службу расовой и национальной ненависти, сделать ее орудием капиталистического угнетения, бешеного роста вооружений и подготовки войн. Эйнштейн, Планк, Эддингтон, Дриш, Икскюль, крупнейшие физики, астрономы, биологи за последнее время все чаще и откровеннее высказываются за «союз науки с религией», за «развитие вселенной ко всеобщему хаосу», за «сверхматериальные жизненные силы». Председатель Британской ассоциации наук генерал Сметс на столетней годовщине этой ассоциации прямо заявил, что «материализм уничтожен, вселенная представляет собой целостный живой организм, движимый «целесообразными силами». Не случайно, что как раз в нашу эпоху капиталистического кризиса буржуазия устраивает «обезьяньи процессы», гонение на преподавание эволюционного учения, а вместе с тем использует учение о «борьбе за существование» для «доказательства» превосходства белой расы над цветной, «образованных классов» над «плебсом», для зверской расправы в Скоттсборо. Учение Дарвина на скамье подсудимых — таков итог развития буржуазной культуры в эпоху империализма — загнивающего, умирающего капитализма.

Пятидесятая годовщина со дня смерти Дарвина всего на один год предшествует пятидесятилетию со дня смерти Маркса. Но

в то время как «постепенное просвещение умов в результате прогресса науки», на которое надеялся Дарвин, отнюдь не наступило и самое учение Дарвина пролетарской науке приходится очищать от буржуазного мусора и хлама, революционное учение Маркса победоносно, гигантскими шагами движется вперед, являясь в руках пролетариата мощным орудием перестройки мира, острым, всепобеждающим орудием борьбы против респектабельного филистерства буржуазной науки, против реакционного мракобесия.

Только пролетариат, в неразрывном единстве сочетающий революционную теорию и революционную практику, вооруженный методом диалектического материализма, может взять из дарвинизма все положительное, подлинно научное, отбросив буржуазную шелуху, очистив его от тех продуктов разложения, которые в таком изобилии выделяет современная буржуазная культура. Только пролетариат, разбивающий оковы капитализма, под знаменем Маркса и Ленина строящий в огне борьбы со всеми реакционными силами старого мира социализм, критически овладевает всем лучшим, что дала культура прошлых веков, и движет развитие дальше. Только пролетариат может полностью использовать дарвинизм, овладевая им не по Дарвину, а по Марксу, и сделать его орудием великой социалистической перестройки природы, общества и человеческих голов.

УЧЕНИЕ ДАРВИНА В ОЦЕНКЕ МАРКСА, ЭНГЕЛЬСА И ЛЕНИНА

П. Валескали

Дарвин несомненно является величайшим биологом XIX в. Своим учением он буквально произвел переворот в воззрениях на происхождение видов животных и растений и на эволюцию органического мира в целом. Этим он поставил биологию на действительно научную основу, нанес сокрушительный удар религиозным представлениям о природе, этим же он нанес и решительный удар всей религии.

Вполне понятно, что это революционное по существу учение не могло не вызвать вокруг себя ожесточенной классовой борьбы, которая за пятидесятилетие, истекшее с момента смерти самого Дарвина, не только не замолкает, но, наоборот, все усиливается, принимая всевозможные — то явно открытые, то скрытые формы. Нам, марксистам-ленинцам как передовому отряду пролетариата в интересах классовой борьбы, в интересах социалистического строительства, в интересах дальнейшего действительного развития науки необходимо четко уяснить подлинное содержание учения Дарвина и значение этого учения. В этой работе отправной точкой для нас должна служить оценка, данная Дарвину основоположниками марксизма-ленинизма — Марксом, Энгельсом и Лениным.

На могиле Маркса Энгельс сказал: «Подобно тому как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории».

В этих кратких словах заключается яркая характеристика двух величайших людей XIX в. Хотя основная теоретическая работа их протекала и в различных областях, хотя они и стояли на различных социально-политических позициях, представляя два противоположных общественных класса, и уже поэтому являлись ве-

личинами несоизмеримыми, тем не менее это сравнение имеет свои основания. Они действительно имели некоторое, хотя и весьма условное, сходство. Оба сделали переворот в исследуемых ими областях, поставив на действительно научную основу изучение природных и общественных явлений. Сходство и в том, что оба они свои учения в значительной мере обосновывали и иллюстрировали на материале наиболее развитой тогда капиталистической страны — Англии.

Подобно тому как для Маркса Англия явилась классической страной капитализма, на которой можно было иллюстрировать теоретические выводы о капиталистическом способе производства в соответствующих ему отношениях производства и обмена, — подобно этому и для Дарвина Англия явилась классической страной по изучению изменчивости и отбора сельскохозяйственных животных и растений.

Вместе с развитием промышленности Англии капитализм укреплялся и в сельском хозяйстве. Экстенсивное ведение хозяйства заменялось постепенно интенсивными формами. Создавался ряд обществ по пропаганде усовершенствованных методов обработки почвы, введения в полеводство машин, по пропаганде рационального разведения сельскохозяйственных животных и т. д. В частности проводилась большая работа по разведению племенных животных. Все это давало богатый фактический материал. «Вот почему, — говорит Энгельс, — для разработки этих идей (идей эволюции. — *П. В.*) на родине у него (у Дарвина. — *П. В.*) не было лучшего материала для исследования, чем факты, связанные с разведением животных и растений».

* * *

Маркс и Энгельс внимательно следили за литературой, в том числе и естественно-научной, они прочли дарвинское «Происхождение видов» вскоре после выхода этой книги.

Уже 12 ноября 1859 г. Энгельс писал Марксу: «Вообще же Дарвин, которого я как раз теперь читаю, превосходен. В этой области телеология не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того до сих пор еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом. С грубым английским методом приходится, понятно, мириться».

Из этих слов ясно видно, почему основоположники марксизма высоко ценили Дарвина. Основных моментов тут два, а именно: Дарвин своим учением разрушил господствовавшую до тех пор в органических науках телеологию и показал историческое развитие в природе, нанося этим решительный удар метафизическим учениям о неизменности природы.

Во введении к «Анти-Дюрингу» Энгельс прямо пишет, что Дарвин «нанес сильнейший удар метафизическому взгляду на природу, доказав, что весь современный органический мир, растения и животные, а следовательно также и человек, есть продукт процесса развития длившегося миллионы лет».

Если метафизическим и религиозным взглядам в астрономии и космогонии был нанесен сокрушительный удар еще работами Коперника, Галилея, Канта и др., если в геологии такой удар был нанесен Ляйеллем, то в биологии до Дарвина метафизика и религия чувствовали себя еще прочно. Отдельные попытки натурфилософов и естествоиспытателей пробить брешь в этом мировоззрении по существу не пошли дальше отдельных умозрительных построений, часто самих не свободных от теологии. И на это были свои объективные причины, которые коренились в первую очередь в состоянии биологических наук того времени.

Одним из наиболее мощных всплесков идей эволюции до Дарвина явились несомненно работы Ламарка. «Но не следует забывать того, — говорит Энгельс в «Анти-Дюринге», — что во времена Ламарка науке далеко еще нехватало материала, чтобы высказаться по вопросу о происхождении видов иначе, чем в виде пророческих, так сказать, предвосхищений».

За время, истекшее с момента выхода «Философии зоологии» Ламарка (1809) до выхода «Происхождения видов» Дарвина (1859), т. е. за целое полстолетие, естествознание шагнуло значительно вперед. Был накоплен не только огромный фактический материал в области описательной зоологии и ботаники, но возник и ряд новых отделов наук или даже совершенно новых наук, из которых в основании эволюционного учения огромную роль сыграли эмбриология (изучение развития животных и растительных зародышей) и палеонтология (изучение ископаемых органических остатков различных эпох развития земной поверхности). В своем развитии эти науки показали, что между историей развития органического мира в целом и историей развития отдельных организмов существует определенный параллелизм, сформулированный впоследствии в виде закона Геккеля — Мюллера.

Предпосылки для разработки теории эволюции таким образом были созданы всем ходом развития науки и практики, особенно сельского хозяйства. Это нисколько не умаляет значения Дарвина, ибо даже при наличии этих предпосылок требовалась упорная работа для того, чтобы отдельные разрозненные факты обобщать в стройную теорию, как это сделал Дарвин.

Огромная заслуга Дарвина заключается еще и в том, что своим материалистическим учением он дал огромнейшее подкрепление всему материализму. В частности учение Дарвина дало богатейшее подкрепление и иллюстрацию основным законам ди-

алектики и целому ряду категорий диалектического материализма, например диалектической трактовке необходимости и случайности причинности, целесообразности и т. д. Вот почему Маркс в письме Энгельсу еще от 19 декабря 1860 г. по поводу «Происхождения видов» писал: «Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам».

Эту же мысль Маркс подтверждает и в 1862 г. в письме к Лассалю, где он говорит: «Очень ценное сочинение Дарвина и годится мне как естественно-научная опора исторической классовой борьбы».

В своей книге «Людвиг Фейербах» Энгельс писал: «Какие превращения ни предстоят в будущем этой теории (теория развития. — *П. В.*) в частностях, но в целом она и теперь решает рассматриваемую проблему более чем удовлетворительно».

Высоко ценя учение Дарвина, Маркс, Энгельс и Ленин отнюдь не закрывали глаза на целый ряд существенных недостатков его учения, часть из которых впрочем была связана с молодостью самого учения. «Сама теория развития, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — еще очень молода, и поэтому нет сомнения, что дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению теперешних, в том числе строго дарвинистских, представлений о ходе развития видов».

Один из наиболее полных отзывов об учении Дарвина Энгельс дает в письме к П. Лаврову от 12 ноября 1874 г., в котором он между прочим пишет: «Я признаю в учении Дарвина теорию развития, но способ доказательства (борьбу за существование, естественный отбор) Дарвина принимаю лишь как первое, временное, несовершенное выражение недавно открытого факта».

Большим недостатком Дарвина Маркс, Энгельс и Ленин считали то, что Дарвин некритически воспринял и перенес в природу неверный, абстрактный «закон» народонаселения Мальтуса. По этому поводу Маркс в письме к Энгельсу от 18 июня 1862 г. писал следующее: «У Дарвина, которого я теперь снова просмотрел, меня забавляет его утверждение, что он применяет «мальтусовскую» теорию также к растениям и животным, между тем как у господина Мальтуса вся суть в том-то и заключается, что его теория применяется не к растениям и животным, а только к людям — с выдуманной им геометрической прогрессией в противоположность растениям и животным. Замечательно, что Дарвин в среде животных и растений вновь открывает свое английское общество с его разделением труда, конкуренцией, открытием новых рынков, «изобретениями» и мальтусовской «борьбой за существование». Это гоббсово bellum omnium contra omnes (война всех против всех), и это напоминает Гегеля в «Феноменологии»,

в которой гражданское общество изображается как «духовное царство животных», между тем как у Дарвина царство животных представляет собой гражданское общество».

На дарвиновском учении о борьбе за существование неоднократно останавливался Энгельс, показывая односторонность этого учения.

В «Диалектике природы» Энгельс указывает, что до Дарвина «его теперешние сторонники подчеркивали как раз гармоническое сотрудничество в органической природе... но лишь только было признано учение Дарвина, как эти самые люди стали повсюду видеть только б о р ь б у. Обе эти концепции правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены».

Дальше Энгельс пишет:

«Все дарвиново учение о борьбе за существование есть попросту перенесение гоббсова учения о bellum omnium contra omnes и буржуазного экономического учения о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения из сферы общества в область органической природы. Проделав этот фокус (безусловная правомерность которого, в особенности, что касается мальтусовского учения, еще очень спорна), очень легко потом обратно перенести это учение из истории природы в историю общества, но наивно было бы утверждать, будто благодаря такому перенесению эти утверждения становятся вечными естественными законами общественной жизни». В другом месте «Диалектики природы» Энгельс показывает ограниченную роль борьбы за существование в мире животных и растений, применимую лишь в условиях действительного перенаселения.

Кроме некритического принятия теории Мальтуса Дарвин, к сожалению, отдал дань другому старому пережитку, именно учению о том, что природа не делает скачков (natura non facit saltus).

Стоя на точке зрения этого положения, Дарвин, а вслед за ним и другие эволюционисты стали видеть в природе только процесс постепенного количественного изменения того или иного явления, оставляя в тени переход одного явления в другое; этим, по существу на новой основе, давалась пища опять метафизическим взглядам.

Нашлись в дальнейшем «социологи», которые перенесли дарвиновское «natura non facit saltus» в общество, переделав его в «historia non facit saltus» (история не делает скачков).

Социальные революции подобные буржуазные «социологи» рассматривают как нечто незаконное, как незакономерное, беспричинное явление и конечно борются против революции. Это типичные теории социал-фашистов, проповедующих перед рабочими массами о вреде

революции, мнимом постепенном эволюционном переходе к социализму.

Несмотря на эти и другие, порой весьма существенные недостатки учения Дарвина, вызванные, с одной стороны, состоянием науки того времени, а с другой, и известной буржуазной ограниченностью самого Дарвина, основоположники марксизма тем не менее высоко ценили учение Дарвина, защищая его от необоснованных наскоков.

Общеизвестна защита Дарвина Энгельсом от таких необоснованных наскоков со стороны Дюринга, который, не понимая дарвинизма, не изучив его, третировал учение Дарвина как якобы полупоэзию и игру в метаморфозы. По мнению Дюринга, «специфический дарвинизм», за исключением тех положений, которые якобы он позаимствовал от ламаркизма, «представляет какое-то направленное против человечности зверство».

Основной прицепкой для Дюринга послужило то же перенесение в природу Дарвином поповско-мальтузианской теории о чрезмерном размножении народонаселения.

В ответ на это Энгельс писал, что хотя Дарвин и сделал большой промах, приняв «без оговорок учение Мальтуса, однако всякий сразу видит, что можно и без мальтусовских очков заметить в природе борьбу за существование, заметить противоречия между бесчисленным множеством зародышей, которых порождает в своей расточительности природа, и незначительным количеством тех из них, которые достигают зрелости, и противоречие это в действительности разрешается по большей части борьбой за существование, принимающей иногда крайне жестокий характер. И подобно тому как сохранил свое значение закон заработной платы даже после того, как давно заглохли мальтусовские аргументы, которыми обосновал его Рикардо, так и в природе может иметь место борьба за существование помимо мальтузианского его истолкования» [1].

Выпады Дюринга против Дарвина Энгельс назвал «жалким, противоречивым брюзжанием... по поводу колоссального прогресса естествознания, вызванного теорией Дарвина».

Энгельс придавал настолько огромное значение учению Дарвина, что находил возможным неоднократно сравнивать его даже с учением Маркса.

В 1883 г. в предисловии к английскому изданию «Коммунистического манифеста» Энгельс писал, что теория Маркса «призвана заложить для дальнейшего развития исторической науки такую же основу, какую Дарвин заложил для развития ест[illegible]».

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XIV, стр. 69.

Библиотека

* * *

Против сравнения Маркса с Дарвином между прочим у нас в девяностых годах яростно выступил глава народников субъективный социолог Михайловский. Воюя против материалистического понимания истории, Михайловский всячески стремился принизить значение Маркса.

«Прежде всего, — говорит он, — является сам собою вопрос: в каком сочинении Маркс изложил свое материалистическое понимание истории? В «Капитале» он дал нам образчик соединения логической силы с эрудицией, с кропотливым исследованием как всей экономической литературы, так и соответствующих фактов. Он вывел на белый свет давно забытых или никому ныне неизвестных теоретиков экономической науки и не оставил без внимания мельчайших подробностей в каких-нибудь отчетах фабричных инспекторов или показаниях экспертов в разных специальных комиссиях; словом, перерыл подавляющую массу фактического материала частью для обоснования, частью для иллюстрации своих экономических теорий. Если он создал «совершенно новое» понимание исторического процесса, объяснил все прошедшее человечества с новой точки зрения и подвел итог всем доселе существовавшим философско-историческим теориям, то сделал это, конечно, с таким же тщанием: действительно пересмотрел и подверг критическому анализу все известные теории исторического процесса, поработал над массою фактов всемирной истории. Сравнение с Дарвином, столь обычное в марксистской литературе, еще более утверждает в этой мысли. Что такое вся работа Дарвина? Несколько обобщающих, теснейшим образом между собой связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала. Где же соответственная работа Маркса? Ее нет. И не только нет такой работы Маркса, но ее нет и во всей марксистской литературе, несмотря на всю ее количественную обширность и распространенность».

Ленин в своей работе «Что такое «друзья народа», показав полную неспособность Михайловского понять работы Маркса, изложив основы марксова учения, пишет следующее по поводу сравнения Маркса с Дарвином: «Понятно теперь, что сравнение с Дарвином вполне точно: «Капитал» — это не что иное, как «несколько обобщающих, теснейшим образом между собою связанных идей, венчающих целый Монблан фактического материала...» Как Дарвин положил конец воззрению на виды животных и растений как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые и впервые поставил биологию на вполне научную почву, установив изменяемость видов и преемственность между ними, так и Маркс положил конец воззрению на общество как на механический агрегат

индивидов, допускающий всякие изменения по воле начальства (или, все равно, по воле общества и правительства), возникающий и изменяющийся случайно, и впервые поставил социологию на научную почву, установив понятие общественно-политической формации как совокупности данных производственных отношений, установив, что развитие таких формаций есть естественно-исторический процесс»[1].

Оглядываясь теперь назад, на пройденный этап в развитии науки и особенно на пройденный этап в развитии общественных отношений, мы воочию видим, что это сравнение не только возможно, но, более того, Маркс и марксистско-ленинская теория стоит неизмеримо выше Дарвина и дарвинизма, в первую очередь потому, что дарвинизм не получил должного дальнейшего развития, возвращаясь в учениях ряда эпигонов вспять, в то время как марксизм в лице Ленина и ленинизма получил мощное развитие.

Только будучи перестроенным на основах марксистско-ленинской теории — на диалектическом материализме, дарвинизм возвысится до действительной теории развития органического мира.

Диалектически поставленная Лениным проблема эволюции поднимает на новую, высшую ступень теорию развития.

Разбирая в своем фрагменте «К вопросу о диалектике» две концепции развития — «развитие как уменьшение и увеличение как повторение, и развитие как единство противоположностей, раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними», — Ленин показывает все преимущества второй концепции.

«При первой концепции движения, — говорит Ленин, — остается в тени «самодвижение» его двигательная сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, субъект и т. д.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения». Первая концепция мертва, бледна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового».

Еще Энгельс в «Анти-Дюринге» правильно отмечал, «что говоря об естественном отборе, Дарвин отвлекается от причин, вызвавших изменения в отдельных особях, он в первую голову исследует, как подобные индивидуальные отклонения становятся мало-по-малу признаками расы, разновидности или вида. Дарвин прежде всего интересуется не столько этими причинами, которые до сих пор отчасти совсем неизвестны, отчасти указываются лишь в самых общих

---

[1] Ленин, т. I, стр. 62, изд. 2-е.

чертах, сколько рациональной формой, в которой заключаются действия, приобретая длительное значение».

Ряд последующих за Дарвином эволюционистов занялись вопросами, вызывающими изменения в отдельных особях; однако они до сих пор дали мало ценных результатов в этом направлении.

Будучи неспособными возвыситься до действительной постановки вопроса, многие последарвинские эволюционисты в вопросе о причинах развития договариваются до боженьки.

Особенно конечно в этом отношении изощряется ряд церковников, желающих примирить дарвинизм с религией; но от этих церковников иногда не отстают и «ученые» вроде проф. Берга и пр.

Выяснением причин, вызывающих изменение в отдельных особях, много занимаются генетики. Однако и они, находясь в сетях буржуазной идеологии, не увязав теории с практикой, еще мало чего достигли в этом отношении. Для того чтобы добиться необходимых практических результатов, советские генетики должны в корне переделать свою науку.

Выяснение причин, вызывающих изменение в отдельных особях, и овладение умением управлять этими причинами должны играть огромнейшую роль в социалистическом строительстве; на эту сторону вопроса наши научно-исследовательские учреждения должны обратить особое внимание. Мы должны научиться управлять животным и растительным организмами, этого требуют интересы социалистического строительства.

Оценка учения Дарвина Марксом, Энгельсом и Лениным говорит нам о величайшем значении этого учения. Поэтому мы всемерно должны бороться за материалистические основы учения Дарвина против буржуазных фальсификаторов дарвинизма, против попов и социал-фашистов, отвергающих научное значение дарвинизма или использующих слабые стороны его в качестве орудия для укрепления господства капитализма.

Дальнейшая разработка материалистической стороны учения Дарвина на основах марксизма-ленинизма поможет в классовой борьбе пролетариату, поможет ему в строительстве социализма.

К 50-ЛЕТИЮ СО ДНЯ СМЕРТИ ЧАРЛЬЗА ДАРВИНА (1882—1932)

П. Бондаренко
В. Брандгендлер
П. Валескалн
Б. Токин

19 апреля исполнилось 50 лет со дня смерти великого ученого Чарльза Дарвина. Советская общественность отмечает эту дату не только для того, чтобы отдать должное одному из величайших представителей науки, «положившему конец воззрению на виды животных и растений как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые и впервые поставившему биологию на вполне научную почву» (Ленин), но и затем, чтобы снова и снова сосредоточить внимание на «теоретической разработке проблемы социалистического строительства и классовой борьбы пролетариата», на разработке конкретных узловых проблем, связанных с текущими задачами партии и пролетариата, со вступлением в период социализма и с задачей выполнения пятилетки в четыре года, с историческими задачами второй пятилетки — пятилетки построения социалистического общества, «задачами культурной революции в целом и с классовой борьбой мирового пролетариата на данном этапе».

Эта историческая дата отмечается в период, когда под руководством коммунистической партии и ленинского ЦК во главе с т. Сталиным развертывается в СССР победоносное строительство социализма, завершается первая пятилетка в четыре года, создающая предпосылки для окончательной ликвидации классового общества, для окончательного построения социализма.

Бурный рост производительных сил, всего народного хозяйства, ликвидация безработицы, рост благосостояния рабочего класса и

трудящихся масс, расцвет науки в СССР — все это является ярким показателем преимущества социалистической системы перед капиталистической.

Глубочайший кризис, охвативший капитализм, сопровождается деградацией производительных сил, чудовищной эксплоатацией пролетариата, обнищанием масс, обострением империалистических противоречий, обострением классовой борьбы, ростом ненависти буржуазии к СССР и подготовкой интервенции против отечества мирового пролетариата, против его ударной бригады. Кризис капитализма сопровождается и кризисом буржуазной науки, глубочайший анализ которому дал в свое время Ленин.

Современная буржуазная наука и философия объявили поход против материализма, культивируют идеализм и мистику, подпирая гнилые устои буржуазного общества реакционными формами идеологии.

* * *

Учение Дарвина возникло в тот период развития науки, когда капитализм переживал стадию подъема. Развитие капитализма, сопровождавшееся бурным ростом производительных сил, технической революцией, исторически обусловило появление великих открытий во всех областях техники и естествознания. К этим великим открытиям относится и дарвинизм.

Совершенно не случайно, что дарвинизм родился в Англии, в стране мощного уже в середине XIX столетия капитализма. Только развитое капиталистическое хозяйство Англии того времени создало непосредственные предпосылки для дарвинизма.

Процесс внедрения капитализма в сельское хозяйство, бурное развитие текстильной промышленности обусловили развитие крупных капиталистических животноводческих ферм и хозяйств. Сельское хозяйство Англии переходит на интенсивные формы. Ко времени разработки Дарвиным его теории накопился большой фактический материал по разведению и искусственному отбору сельскохозяйственных животных и растений. «Вот почему для разработки этих идей, — писал Энгельс, — на родине у него не было лучшего материала для исследования, чем факты, связанные с разведением животных и растений».

Историческая случайность — путешествие Дарвина на корабле «Бигль», в результате которого явилось накопление громадного материала наблюдений для доказательств идеи органической эволюции, эта важнейшая биографическая деталь, эта историческая случайность, необходимым образом связана с колониальной политикой Англии, снарядившей специальную экспедицию для изучения морских путей.

Разумеется учение Дарвина имело исторические предпосылки

в развитии философии, естествознания и в развитии самой биологической науки.

Целая плеяда натурфилософов и естествоиспытателей (Ламарк, Жоффруа Сент-Илер, К. Фр. Вольф, Окен, Гете, Бюффон и т. д.) подходила уже вплотную к обоснованию эволюционных идей. Но понадобился длинный путь развития философии и естествознания, понадобились условия бурного развития капитализма, для того чтобы от великих догадок, случайных аргументаций идеи эволюции органического мира Дарвин мог перейти к построению научно обоснованной теории.

Дарвин по праву может считаться основателем эволюционного учения, от него датируется новый этап в истории биологии. Учение Дарвина, обусловленное предшествующим развитием философии и естествознания, оказало в свою очередь громадное влияние на развитие всего естествознания.

* * *

Содержание учения Дарвина может быть сведено к следующим кратким положениям:

1. В природе нет постоянных, неизменных органических форм. Животный и растительный мир, все его разнообразие есть продукт исторического развития.

2. Появление новых видов животных и растений и исчезновение старых обусловлены не творческим актом богов и не какой-либо мистической силой, а являются результатом естественно-исторического процесса.

Дарвин действительно доказал факт изменчивости, эволюции органического мира. Он оперировал громадным фактическим материалом, почерпнутым из практики разведения домашних животных и культурных растений, почерпнутым из наблюдений живой природы.

Взгляды Дарвина на органическую эволюцию получили свое оформление в учении о происхождении видов на основе борьбы за существование и естественного отбора.

Всем растительным и животным организмам свойственна изменчивость. Она выражается появлением у отдельных особей случайных, в большинстве мелких и нередко наследственных изменений, отклонений, которые в своем накоплении, совершающемся при посредстве естественного отбора, обусловливают появление новых животных и растительных форм. Дарвин нашел в природе факторы, «которые без сознательного умысла, как в случае с разведением животных и растений, должны все-таки со временем вызвать в живых организмах изменения, подобные тем, которые вызывает искусственный отбор». Дарвин подметил несоответствие между громадным количеством создаваемых природой зародышей и ничтож-

ным числом действительно достигающих зрелости организмов. Громадное большинство из них на разных стадиях развития погибает, ибо сама природа кладет предел беспрепятственному размножению, не обеспечивая всем условий существования.

Отсюда между организмами происходит жестокая борьба за существование, борьба за пищу, пространство, свет и т. д.

Выживают притом те организмы, которые в процессе изменчивости, передаваемой по наследству, получили какие-нибудь, хотя бы и ничтожные, но выгодные в борьбе за существование в процессе приспособления к окружающим условиям особенности. Несовершенные виды уничтожаются. Происходит естественный отбор, или переживание наиболее приспособленных.

Изменчивость, наследственность и естественный отбор дают материалистическое объяснение целесообразного устройства организмов. Нет необходимости прибегать к мистике, божеским силам, которыми идеалисты и попы «объясняют» целесообразность в природе.

Дарвин доказал, что относительная целесообразность, существующая в органической природе, как и происхождение всего разнообразия животных и растительных форм, включая и человека, есть результат естественно-исторического процесса развития.

* * *

Своим учением о происхождении всех органических форм естественно-историческим путем Дарвин нанес смертельный удар теологии, религиозным представлениям о создании живых существ и об их преднамеренно целесообразном устройстве.

В свете учения Дарвина человек перестает быть «созданным по образу и подобию божьему» «царем природы»; происхождение человека и его выделение из царства животных Дарвин уже рассматривал как естественное развитие последнего. Однако Дарвин не возвысился до действительного объяснения происхождения человека. Это было сделано Энгельсом.

Отношение Дарвина к религии иллюстрируется его письмом к Марксу от 13 октября 1880 г., в котором Дарвин выступает как атеист. Оно вместе с тем разоблачает попытки буржуазных ученых и попов представить Дарвина религиозным и показывает, как условия классового буржуазного общества вынуждают даже великих ученых маскировать свои истинные взгляды. Поведение самого Дарвина в отношении религии, борьба против дарвинизма, а также попытки «примирить» дарвинизм с религией доказывают лишь правоту учения марксизма-ленинизма о том, что религия коренится глубоко в классовом устройстве общества, что буржуазия выступает против всякой науки и культуры, если только они угрожают ее

классовому господству, и что окончательная ликвидация религии возможна лишь на пути пролетарской борьбы за коммунизм.

* * *

Дарвин, утвердив идею развития органического мира на материалистических основах, разрушил догматы о неизменности существующего в природе порядка вещей, подорвал этим не только религиозные воззрения на органическую природу, но вместе с тем дал для марксизма естественно-научную опору исторической классовой борьбы.

Этим объясняется та острота классовой борьбы, которая развилась и развивается вокруг дарвинизма, исторически принимая различные формы, начиная с оголтелого отрицания основ дарвинизма идеалистами и попами, кончая утонченными формами приспособления и использования слабых сторон дарвинизма в буржуазно-классовых целях: реформистская трактовка эволюции социал-фашистами, «обезьяньи процессы», «социальный дарвинизм», буржуазная трактовка «расового вопроса», «биологическое оправдание» неравенства людей, линчевания негров, расстрелов рабочих и всех прочих зверств буржуазии.

Классовая борьба вокруг дарвинизма особенно усиливается по мере превращения промышленного капитализма в монополистический, по мере роста революционной борьбы пролетариата.

Ярким выражением использования учения Дарвина в буржуазно-классовых целях является «социальный дарвинизм», представленный в учениях ряда буржуазных и социал-фашистских биологов и социологов.

Перенося естественный отбор и борьбу за существование на человеческое общество, социальные дарвинисты (Аммон, Геккель, Кидд, Ланге, Циглер, Плате, Фишер, Осборн, Дженингс, Ист и т. д.) утверждают, что господствующие классы — это цвет нации, биологически отборные, наиболее одаренные элементы общества, что общественные классы представляют порядок людей, размещенных в соответствии с их дарованиями, что дарвинизм является аристократической теорией, основанной на победе наиболее приспособленных, что поэтому чем больше развивается культура, тем больше разница и пропасть между классами в обществе и т. д. Отсюда социальные дарвинисты пытаются навязать нелепый вывод, что якобы коммунизм с его стремлением уравнять жизненные условия людей есть возвращение к варварству.

Особенно широкое распространение это учение получило во время империалистической войны, когда услуживающие буржуазии социальные дарвинисты доказывали, что война представляет естественное проявление борьбы за существование, в которой гибнут слабые и выживают сильные, совершенные люди и нации.

Одним из отвратительнейших проявлений «социального дарвинизма» является трактовка последним расовой проблемы. Сущность всех расовых теорий социальных дарвинистов заключается в том, что расы делятся на «высшие» и «низшие». «Высшие расы заняли господствующее положение благодаря естественному отбору и выживанию приспособленных. «Низшие» расы и в нравственном отношении уступают «высшим», ибо и нравственность рассматривается расовыми шовинистами как биологическая категория.

Ужасающее положение колониальных народов, их нищета и рабский труд получают таким образом биологическое «обоснование» и «оправдание», равно как биологически «обосновывается» и империалистическая политика буржуазии. Подобные мысли на разные лады воспеваются почти всей буржуазной биологией (Плате, Ленц, Фишер, Ист, Давенпорт и др.). Говоря например о взаимоотношениях белых и негров в САСШ, видный биолог-генетик Ист замечает: «В конечном счете следует осуществить экономическую борьбу между этими двумя типами, резко различающимися в смысле своих умственных способностей, причем эта борьба... приведет к выживанию наиболее приспособленных». Эти «теории» особенно горячо подхвачены национал-фашистами и их собратьями социал-фашистами. О «высших» и «низших» расах толкуют Каутский, Бауэр и др.

Одним из новейших и наиболее бесстыдных выступлений подобного рода является заявление, сделанное известным биологом САСШ Конклином 28 января 1931 г. о том, что современный кризис капитализма и связанные с ним безработица и нищета трудящихся выгодно отразятся на биологических свойствах расы, поскольку в результате голодания вымрут неприспособленные и слабые, а останутся наиболее сильные и одаренные.

Рядом со школой социальных дарвинистов стоит органическая школа социологии, основанная Спенсером и развитая в дальнейшем Шефле, Лилиенфельдом, Вормсом и др. Эта школа рассматривает общество «как организм» или «сверхорганизм».

Для обоих направлений буржуазной социологии, долженствующих оправдать социальное неравенство в капиталистическом обществе, является характерным сведение специфических закономерностей человеческого общества к биологическим закономерностям.

Характерно, что теоретики II Интернационала не только не дали отпора этим направлениям в социологии, но ряд из них самих явно или косвенно исповедует эти буржуазные теории.

Что касается самого Дарвина, то хотя он и указывал, что социальная жизнь людей не может рассматриваться просто как жизнь животного или растения, что в ней играют роль еще и другие факторы, тем не менее он сам в известной мере стоял

на позиции социального дарвинизма и во всяком случае дал почву для него.

Энгельс неоднократно высказывался против одностороннего понимания учения о борьбе за существование даже в природе. Он указывал, что «многие сторонники Дарвина до появления его теории всячески подчеркивали как раз гармоническое сотрудничество в органической природе. Но лишь только было признано учение Дарвина, как эти самые люди стали повсюду видеть только борьбу. Обе эти концепции правомерны в известных узких границах, но обе одинаково односторонни и ограничены».

И дальше Энгельс пишет: «Все дарвиново учение о борьбе за существование есть попросту перенесение гоббсова учения о bellum omnium contra omnes и буржуазного экономического учения о конкуренции, а также мальтусовской теории народонаселения из сферы общества в область органической природы. Проделав этот фокус (безусловная правомерность которого — в особенности, что касается мальтусового учения — еще очень спорна), очень легко потом обратно перенести это учение из истории природы в историю общества, но наивно было бы утверждать, будто благодаря такому перенесению эти утверждения становятся вечными, естественными законами общественной жизни».

* * *

Ярким выражением классовой борьбы вокруг дарвинизма являются попытки «научного» преодоления Дарвина, часто даже проводимые под флагом дарвинизма.

Сюда относятся попытки сочетания дарвинизма с религией, проводимые наиболее ловкими представителями религиозного культа как в СССР (архиепископ Введенский и др.), так и за границей (Эттербек и др.). Сюда относятся прямые антиэволюционистские концепции крупных представителей буржуазной биологии, которые, исходя из отдельных нерешенных вопросов эволюции, отрицают или ставят под сомнение эволюционный процесс в целом (Лотси, Бетсон и др.).

Сюда же относятся и антидарвинистические учения, формально признающие эволюционный процесс, но «объясняющие» его с мистических, идеалистических позиций (Берг, Соболев и др.).

Более тонкой формой борьбы с дарвинизмом являются неоламаркистские и неодарвинистические течения, выхолащивающие революционное содержание учения Дарвина.

Неоламаркизм, выдвигающий на передний план единичный организм с его способностью целесообразного приспособления к окружающей среде, — течение, отвергающее конкретный исторический процесс эволюции и оставляющее лишь факт изменения индивидов при изменении условий существования.

Неодарвинизм, который, основываясь на метафизических обобщениях данных генетики, возрождает средневековую мистику преформизма, на деле рассматривает эволюционный процесс не как исторический, а как раскрытие заложенных в индивидууме возможностей, получающих известное направление благодаря отбору. Ожесточенная борьба между последними двумя лагерями буржуазной биологии, часто проявляющаяся как борьба вокруг схоластически поставленного вопроса о наследовании приобретенных признаков, не должна скрыть от нас существенного совпадения основной антиисторической, антидарвинистской позиции обеих метафизических концепций.

* * *

В условиях СССР сопротивление классовых врагов пролетариата победоносному ходу социалистического строительства находит отражение и в тончайших, завуалированных, прикрытых формах ревизии диалектического материализма. Это нашло свое отражение и в отношении механистов и меньшевиствующих идеалистов к дарвинизму.

Верные своей «теории» о том, что «наука — сама себе философия», не понимающие решающего в марксизме-ленинизме революционного учения о развитии, — материалистической диалектики, — капитулирующие перед буржуазной наукой механисты проводят борьбу с дарвиновским учением о развитии в мире живых существ то в пользу метафизики неоламаркистов (Обух и др.), то в пользу номогенетиков типа Берга (Сарабьянов и др.).

Меньшевиствующие идеалисты со свойственной им логистикой игры в понятия, позволяющей им любое реакционное содержание втиснуть в «диалектические» формулы, объективно также борются с дарвинизмом в пользу реакционнейших «последних достижений биологии» вейсманистского типа (Агол и др.).

Вместо разработки с марксистско-ленинских позиций эволюционных проблем, меньшевиствующие идеалисты в угоду вейсманистским концепциям по существу борются со стихийно-диалектическими сторонами дарвинова учения, в то же время провозглашая антимарксистский лозунг: «Дарвинизм есть методология биологии».

Наша задача — усилить, углубить борьбу на два фронта: против механистической опасности как главной на данном этапе и против меньшевиствующего идеализма, подвергнуть критической переработке все наследие буржуазной биологии, продолжить дело дарвинизма, развить имеющиеся в учении Дарвина научные материалистические стороны, преодолеть обусловленные буржуазной ограниченностью и уровнем биологической науки недостатки Дарвина и на основе теоретического наследства Маркса, Энгельса и

Ленина поднять биологию на новую высоту, соответствующую великим задачам построения социалистического общества в СССР и пролетарской революции во всем мире.

Оценка дарвинизма основоположниками марксизма-ленинизма и взгляды их на проблемы развития приобретают поэтому исключительное значение.

* * *

Уже 12 декабря 1859 г., т. е. немедленно после выхода в свет книги Дарвина «Происхождение видов», Энгельс писал Марксу: «Вообще же Дарвин, которого я как раз теперь читаю, превосходен. В этой области телеология не была еще разрушена, а теперь это сделано. Кроме того, до сих пор еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом. С грубым английским методом приходится, понятно, мириться».

Маркс в письме к Энгельсу от 19 декабря 1860 г. сообщает, что за последнее время читал между прочим и книгу Дарвина, и дает ей такую оценку: «Хотя изложено грубо, по-английски, но эта книга дает естественно-историческую основу нашим взглядам».

Маркс, Энгельс и Ленин высоко ценили сильные стороны учения Дарвина.

Общеизвестна защита Дарвина от необоснованных нападок Дюринга, которую провел Энгельс в своем «Анти-Дюринге».

Дюринг не понимал дарвинизма, сводил его на-нет, за вычетом тех положений, которые дарвинизм якобы позаимствовал у ламаркизма. Выпады Дюринга Энгельс называл жалким противоречием, брюзжанием против того колоссального прогресса естествознания, который был вызван теорией Дарвина.

В «Людвиге Фейербахе» Энгельс писал: «Какие превращения ни предстоят в будущем этой теории (теории развития. — *Авт.*) в частностях, но в целом она и теперь решает рассматриваемую проблему более чем удовлетворительно».

Это не значит, что Маркс, Энгельс и Ленин не видели слабых сторон и односторонностей в учении Дарвина.

В «Анти-Дюринге» Энгельс писал, что «сама теория развития еще очень молода, и поэтому нет сомнения, что дальнейшие исследования приведут к очень значительному видоизменению теперешних, в том числе строго дарвинистских, представлений о ходе развития видов».

В письме к Лаврову от 18 ноября 1874 г. Энгельс пишет: «Я признаю в учении Дарвина теорию развития, но способ доказательства (борьбу за существование, естественный отбор) Дарвина принимаю лишь как первое, временное, несовершенное выражение недавно открытого факта».

«Говоря о естественном отборе, — писал Энгельс в «Анти-Дюринге», — Дарвин отвлекается от причин, вызвавших изменения в отдельных особях, он в первую голову исследует, как подобные индивидуальные отклонения становятся мало-помалу признаками расы, равновидности или вида; Дарвин прежде всего интересуется не столько этими причинами, — которые до сих пор отчасти совсем неизвестны, отчасти указываются лишь в самых общих чертах, — сколько рациональной формой, в которой закрепляются действия, приобретая длительное значение.

Что Дарвин приписал при этом своему открытию излишне широкий круг действия, что он сделал из него единственный фактор изменчивости видов и пренебрег вопросом о причинах повторных индивидуальных изменений ради вопроса о форме их распространения, — это недостаток, свойственный ему, как и большинству людей, действительно двигающих науку вперед».

В связи с этим с особой силой необходимо подчеркнуть, что ленинизм, являющийся новым этапом в развитии марксизма, дает цельную теоретическую концепцию и в понимании проблем развития.

В своем фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин разбирает две концепции развития: «Развитие как уменьшение и увеличение как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними)».

«При первой концепции движения, — говорит Ленин, — остается в тени «самодвижение», его д в и г а т е л ь н а я сила, его источник, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, субъект, etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения». Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая жизненна. Т о л ь к о вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего, только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового».

В этом фрагменте Ленин дает определенный ответ о причинах развития, от которого обыкновенно отказываются эволюционисты: «Условия познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии, в их живой жизни есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей».

Если ряд буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков выступали и выступают против сравнения Маркса с Дарвиным, как например в 90-х годах у нас глава народников и субъективный социолог Михайловский, против которого решительно выступил Ленин, то мы должны со всей резкостью подчеркнуть, что Маркс и марксистско-ленинская теория стоят неизмеримо выше

Дарвина и дарвинизма, что только будучи реконструированным на основах диалектического материализма, дарвинизм возвысится до действительной теории развития органического мира.

* * *

Отмечая величайшие заслуги Дарвина в истории биологических наук, в истории материализма, в истории борьбы с религией, мы не берем дарвинизм догматически.

Основоположники марксизма-ленинизма, давая высокую оценку учению Дарвина, отметили историческую буржуазную ограниченность его, поставили по-новому разработку проблем развития, возникновения нового, проблем эволюции, указали основные линии нашей дальнейшей теоретической работы.

Классовая борьба пролетариата в эпоху империализма, империалистических войн и пролетарских революций, социалистическое строительство в СССР выдвигают все новые и новые грандиозные задачи для теоретической разработки. В СССР уже созданы небывалые в истории социально-экономические и идейные предпосылки для развития всех областей идеологии.

Энгельс писал об эпохе социализма: «От нее будет датировать новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности и в частности естествознание сделают такие успехи, что все совершенное до того покажется лишь слабой тенью».

Решения XVII партконференции дают колоссальный заказ всем областям науки и биологии в частности. Задачи социалистической реконструкции растениеводства, животноводства и т. д. диктуют повелительно форсированную разработку и эволюционных проблем.

Конечно последарвиновская биология дала много ценного в разработке отдельных проблем эволюции. Однако действительно поднять эволюционное учение и всю биологию на новую, высшую ступень можно только с позиций марксизма-ленинизма.

Мы должны дать анализ богатейшему, накопленному биологией материалу в эволюционных вопросах, дать анализ кризиса эволюционной науки, выдвинуть узловую тематику, соответствующую нашей эпохе, по-новому поставить разработку эволюционных проблем. Уже сейчас можно наметить целый ряд узловых задач, не стоящих и не могущих стоять перед буржуазной биологической наукой:

1. Буржуазные эволюционисты-«дарвинисты» принуждены применять идею развития. Но они трактуют эволюцию в пошлом, эволюционистском, реформистском понимании, и они же покидают историческую точку зрения в отношении самого эволюционного

процесса. Это и понятно: проблема развития, возникновение нового — центральный камень преткновения для метафизической мысли.

На очередь должна быть выдвинута задача разработки вопроса о качественных своеобразиях эволюционного процесса на разных этапах развития.

Не требует аргументаций то положение, что разработка этого вопроса прямым образом связана с необходимостью глубокого понимания закономерностей изменчивости различных групп животных и растительных организмов, с задачами управления закономерностями развития животного и растительного организмов.

2. В вопросах эволюционной теории до сих пор господствует вульгарный, «натуралистический» подход. Эволюционный процесс берется абстрактно натуралистически. Совершенно игнорируется принципиальное отличие процесса эволюции со времени появления человека на земле, игнорируются громадные изменения, производимые деятельностью человека в разные общественно-исторические формации. По существу с необходимостью выдвигается создание новой главы науки: «Человек как фактор эволюции органического мира». Мы берем не абстрактного человека, а конкретную человеческую деятельность в разные общественно-исторические формации.

Энгельс писал: «Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу, он не только переместил растительные и животные миры, но изменил также и вид и климат своего местопребывания и изменил даже растения и животных до того, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с гибелью всего земного шара».

«От природы Германии, какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чертовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности. Между тем изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого воздействия, ничтожно малы».

Социалистическое строительство в области животноводства, растениеводства, звероводства и т. д. требует от науки уметь, вскрывая диалектику живой природы, управлять закономерностями животного и растительного организмов, животных и растительных сообществ, суметь предвидеть и регулировать не только ближайшие, но и «отдельные последствия наших довольно обычных производственных процессов».

Но Энгельс со всей отчетливостью подчеркивал, что это невозможно сделать в условиях капитализма. Буржуазные биологи неспособны возвыситься до этих мыслей Энгельса и в лучшем случае

лишь подходят к вопросу, рассуждая абстрактно о человеческой деятельности.

3. Крупнейшая теоретическая задача, стоящая перед биологами, желающими действительно двинуть науку вперед, — уничтожение метафизического разрыва, исторически сложившегося благодаря кризису естествознания между науками, изучающими индивидуальное развитие организма и эволюцию.

Проблема взаимозависимости онтогении и филогении есть важнейшая теоретическая задача, глубокое разрешение которой дало бы возможность еще большего вмешательства в управление закономерностями животных и растительных организмов, сообществ и эволюционным ходом. Несмотря на очевидную с точки зрения современной биологии неправильность ряда положений биогенетического закона Мюллера — Геккеля, наша задача — не дать сломить основную его идею, идею связанности онтогении и филогении, поднять разработку этого вопроса на новую ступень.

4. Перед биологами совместно с историками и антропологами стоит задача дальнейшей разработки гениальных мыслей Энгельса о «роли труда в процессе очеловечения обезьяны».

Энгельс вскрыл конкретную историческую закономерность эволюционного процесса, диалектику перехода одних закономерностей в другие, вскрыл единство социального и биологического в процессе происхождения человека.

Дальнейшая разработка проблемы происхождения человека диктуется не только задачами антирелигиозной работы, но и задачами, выдвигаемыми ходом социалистического строительства и прежде всего задачами в области здравоохранения.

* * *

Этим далеко не исчерпываются громадные задачи, стоящие перед марксистами-биологами в разработке проблем эволюции. Разработка проблем органической эволюции должна быть подчинена нашим основным партийным задачам в области науки.

ДАРВИНИЗМ И МАРКСИЗМ

Н. Бухарин

На протяжении XIX столетия нельзя отметить двух других имен, кроме имен Дарвина и Маркса, которые бы выражали громаднейшие перевороты во всей мыслительной ориентации многих миллионов людей. Обе теоретические концепции — и дарвинизм и марксизм — выросли из практической потребности эпохи, и это их происхождение можно почти прощупать руками, — настолько ярко и осязательно оно выражено. Обе они являются громадными синтезами, хотя и далеко не равновеликого порядка. Обе они служат мощными рычагами практического действия, совершенными орудиями измерения мира. И, наконец, несмотря на их различный социальный генезис, марксизм включает в свое мировоззрение теорию Дарвина, взятую в ее существенных моментах. Обе теории стоят таким образом в исключительно специфических соотношениях.

I. Социальный генезис дарвинизма

«Происхождение видов» Дарвина вышло в 1859 г., в том же году, когда появилась на свет работа Маркса «К критике политической экономии». Эпоха, которую переживал в то время английский капитализм, была эпохой его победоносного утверждения и триумфального мирового шествия. В 1848 г. английская буржуазия раздавила последнее выступление чартистов, выставив под командой герцога Веллингтона полтораста тысяч белогвардейских «констэблей», сынков перепуганной лондонской буржуазии, против славного движения пролетариев. Почти одновременно она сокрушила повстанцев Ирландии, переживавшей полосу страшного голода.

Она прочно уселась у руля государственной власти и в порах общинного самоуправления, обеспечив себе при помощи рабочего класса еще с 1832 г. основные рычаги политического господства. Английский капитал жестокий, коварный, хитрый и крайне дрессированный и маневроспособный тяжелой поступью шел по мировой арене. Великобритания превратилась в гигантскую «мастерскую мира», индустриальный центр, hors concours, мирового рынка. Здесь она уже была монополистом, и ее фритредерская идеология как нельзя более соответствовала исключительному перевесу ее технических, коммерческих и военных сил. Под пацифистско-либеральную трескотню о «мире, экономии и реформе» («peace, retrenchment and reform») пираты капитала отхватывали себе один колониальный кусок за другим, выполняя заповеди бога прибыли и прогресса. Индустриальная мощь страны быстро возрастала, опираясь на развитие машинной базы и на лихорадочное железнодорожное строительство [1]. Сельское хозяйство после периода депрессии и низких цен обнаружило вдруг неожиданный поворот в сторону огромного подъема как раз вслед за отменой так называемых «хлебных законов». Технически прогрессивное капиталистическое хозяйство сделало громадный скачок вперед: комбинация зернового хозяйства и скотоводства [2], введение плодосменного хозяйства, дренажа, импортного искусственного удобрения и сельскохозяйственных машин создали рациональное сельскохозяйственное производство [3]. Открытия в области агрохимии, животноводства, растениеводства, сельскохозяйственного машиностроения и т. д. сразу получили крупнейшую базу. Механики, архитекторы, геологи, химики, физиологи, ботаники, зоо- и фитотехники мобилизуются и приводятся в движение. Крупнейшую роль играет Королевская сельскохозяйственная академия (Royal Agricultural Society), работы Либиха становятся настольной книгой капиталистического фермера. James Caird оценивает в 1852 г. положение так: «Ни один предыдущий период не имел большего генерального прогресса в области агрикультурных усовершенствований, чем настоящий период» [4]. А журнал «Quarterly Review» в 1858 г. с восторгом пишет: «Фермеры процветают (are prosperous), лэндлорды намереваются улучшать

[1] J. H. Clapham, An Economic History of Modern Britain. The early railway age 1820 — 1850. Cambridge. At Uniwersity Press, 1926.

[2] Hermann Levy, Entstehung und Rückgang des landwirtschaftlichen Grossbetriebes England, Berlin, Julius Springer, 1904, § 68, особенно 70.

[3] Marx, Das Kapital, B. I, где весь процесс обрисован с исключительной выпуклостью. Ср. также „Agriculture" in Encyclopaedia Britannica, изд. 1929, т. I. James Caird, Englisch Agriculture in 1850—1851. London. Longman, Brown, Green, and Longmans, 1852, проф. И Кулишер, История экономического быта Западной Европы т. II, Гиз, 1926, изд. 2-е.

[4] J. Caird, op. cit., p. 527.

свои имения, рабочие перестали ненавидеть сеялку и молотилку; во время последней жатвы в употребление вошла жнейка; компетентные судьи держатся того мнения, что почти готов и экономический паровой культиватор»[1]. Английский капитал чувствует свое собственное полнокровие и лондонской всемирной выставкой 1851 г. хочет показать urbi et orbi свое мировое могущество, мощь своей техники, непобедимую силу своей цивилизации. Он становится дирижером и законодателем всемирной моды; англомания делается религией каждого «образованного» буржуа, который преклоняется перед английской машиной и английскими баками, английским парламентом и по-английски подстриженной кобылой, перед английским искусством и английским ростбифом. Даже русские помещики испытывали на себе это обаяние английских чар.

Сочетание классовых сил за этот период было чрезвычайно оригинальным. Исходным пунктом развития был, как мы упоминали, разгром чартизма. В течение долгого ряда лет мужественное движение английского пролетариата создавало не раз критическую революционную ситуацию. Руками рабочих была проведена реформа 1832 г., социально-политически давшая власть промышленной и средней торговой буржуазии, но на базе компромисса с поземельной аристократией, этими «джентльменами без профессий». В 1834 г. либералы провели преобразование «закона о бедных», введя каторжный режим работных домов и вызвав возмущение тружеников. В 1846 г. были отменены «хлебные законы», и удовлетворенная мелкая буржуазия отошла от рабочих. Невероятная эксплоатация пролетариата, женщин и детей была фоном, который использовался «тори» против «вигов»: из рядов дворянства вышли своеобразные печальники о судьбе рабочих, заострявшие жало своей критики против безжалостной буржуазной эксплоатации, агитаторы за фабричное законодательство: таковы например письма Ричарда Остлера в «Лидском Меркурии» «о невольничестве в Иоркшире». Грозный гром рабочего движения и его использование со стороны дворянства привели к фабричному законодательству. Наиболее прозорливые из тори (ср. лорда Эшли) видели в этом законадательстве самое действительное средство отвлечения рабочих от чартизма, который выдвинул уже «партию физической силы», готовил восстание и рядом с государственным парламентом собирал свой «конвент», по сути дела совет рабочих депутатов. Поражение чартизма означало крутой перелом во всем движении. Это было началю гибели на целую историческую эпоху героических традиций революционного движения английского пролетариата: идеи «физической силы», интернационального братства, завоевания власти, социального ра-

[1] „Quarterly Review", 1858, H. 206, Art. IV: „The Progress of English Agriculture", p. 391.

венства уступали свое место идеям реформистского трэд-юнионизма и кооперации. На мировом рынке складывалась исключительная монополия расцветающей «владычицы морей», великой колониальной империи британского капитала. Господство буржуазии, но на базе умеренных подачек рабочим; борьба буржуазии с дворянством, но компромисс с ним; респектабельность, уважение к священным традициям, корона короля, шлейф королевы, парики в парламенте, господь бог в голове. Эта система сохраняла долгие годы свою устойчивость, пока развитие мирового хозяйства не опрокинуло английской супрематии и не вызвало могущественнейших тенденций совсем другого порядка [1].

Вот в такую эпоху выступил со своими работами величайший из биологов — Чарльз Дарвин. Он прямо вырос из почвенных сил прогрессивного сельского хозяйства Англии с его садоводами, скотоводами, рациональными хозяевами, опытными полями, прикладной химией, многолетней практикой, прочным эмпиризмом, осторожностью, расчетливой добротностью эксперимента, трезвой проверкой фактов. Колониальные научные экспедиции, ориентирующие щупальцы английского капиталистического мародержавия, его познавательные сосуны, расширяющие горизонт, доставляли добавочный разносторонний материал, а через ввоз искусственных удобрений и новые виды животных и растительных пород прямо обслуживали процесс материального производства. Таким образом развитие английской промышленности, колониальная экспансия и прежде всего прочный подъем английского рационального сельского хозяйства были базой, на которой возникла теоретическая концепция Дарвина. Недаром у него фигурирует так часто «искусный заводчик», столь ненавистный Дюрингу. Дарвин рос из многообразной живой практики, и в этом была его сила. «Заводчики, — пишет он, — обыкновенно говорят об организации животного как о пластическом материале, которому они могут придать какую угодно форму» [2]. Обоснование и объяснение великой идеи изменяемости видов выросли следовательно из теоретического обобщения реальной практики «заводчиков» (другой практики здесь, как известно, не было). «В начале моих исследований, — сообщает Дарвин, — мне казалось, что тщательное изучение домашних животных и растений, разводимых человеком, всего скорее может повести к разрешению этого темно-

---

[1] Elie Halévy, Histoire du peuple Anglais au XIX siècle. III. De la crise du reform bill à l'avènement de Sir Robert Peel (1830—1841). Librairie Hachette. Paris. 1923. Carl Brinkmann, Englische. Geschichte. 1815—1914. Berlin. 1924. „Великобритания" в Большой советской энциклопедии, Ф. А. Рогштейн. Очерки по истории рабочего движения в Англии, Гиз. 1925. Герман Шлютер, Чартистское движение, Гиз, Москва.

[2] Ч. Дарвин, О происхождении видов путем естественного подбора пер. с английского С. А. Рачинского, стр. 24, изд. 3-е, Москва 1873 г.

го вопроса. И я не ошибся... Я осмеливаюсь выразить мое убеждение в высокой важности исследований по этому предмету, хотя ими по большей части пренебрегают естествоиспытатели» [1]. Дарвин не устает ссылаться на этот исходный пункт, цитируя на сотнях страниц «искусных заводчиков» Иоуэтт, — «едва ли не лучший знаток сельскохозяйственной литературы и хороший знаток животных», — свидетельствует у Дарвина: «Оно (начало искусственного подбора. — *Н. Б.*) сельскому хозяину дает возможность не только видоизменять характер своего стада, но и вовсе изменить его. Это — магический жезл, посредством которого он может вызвать к жизни всякую форму, какую захочет [2]. Далее идут лорд Сомервил, «искусный заводчик сэр Джон Себрайт» и т. д. При этом Дарвин тут же отмечает, ссылаясь на Маршалла, что подобного рода практика требует массовых операций, когда например растения разводятся «в огромных количествах», что возможно лишь на базе крупного производства [3]. Практика садовода, скотовода, сельского хозяина дает материал для обобщений Дарвина: она доказывает эмпирически изменяемость видов, она дает идею «искусственного подбора», от которой Дарвин отправляется для обоснования идеи «естественного подбора»: садовник, выпалывающий слабые растения, скотовод, подбирающий «породу», — вот его экспериментальная массовая основа. Но Дарвин, как известно, формулировал свою теорию как теорию «б о р ь б ы з а с у щ е с т в о в а н и е», формула, которой не было у его предшественников — Ламарка, Жоффруа Сент-Илера и других. Здесь на него оказал могущественное влияние М а л ь т у с [4]. Однако и вопрос о влиянии Мальтуса и об оценке этого влияния не так прост, как это обычно полагают.

«Поп Мальтус», как величает его Маркс, кроме своей функции «священнослужителя» был профессором политической экономии в цитадели колониального грабежа, в коллегии знаменитой Остиндской компании. Он идеологически выражал в самой резкой форме английскую контрреволюцию, активизировавшуюся под влиянием событий на континенте: французская революция, мятежи в Англии, неслыханный рост пауперизма, бурная история классовой борьбы, пароксизм животного испуга поземельных собственников и владельцев машин породили «Опыт закона о народонаселении». Социально-классовая установка «Опыта» формулирована у Мальтуса так: «Чернь (a mob), которая есть следствие излишнего населения, возбужденная обидой за свои реальные страдания, но совершенно незнакомая с

---

[1] Ч. Д а р в и н. О происхождении видов путем естественного подбора, пер. с англ. С. А. Рачинского, стр. 3, изд. 3-е, Москва 1873 г.
[2] Т а м ж е, стр. 24.
[3] Т а м ж е, стр. 32.
[4] Т а м ж е, стр. 50.

источниками их происхождения, является из всех чудовищ наиболее роковым для свободы»[1]. Эта боязнь за свободу эксплоатации и выдвинула апостола реакции на передовые позиции пропаганды против бедноты, пролетариата, «черни». Один из английских филантропов предлагал даже в своей брошюре, изданной под псевдонимом Маркуса, подвергать всех новорожденных детей рабочих безболезненной смерти, лишь бы только продупредить угрозу восстаний и «мятежей». Не подлежит ни малейшему сомнению, что ожесточенная классовая борьба и гибель десятков тысяч людей в предыдущий период английской истории не могли не оказать на Дарвина огромного влияния. Не подлежит также никакому сомнению, что факт bellum omnium contra omnes и контрреволюционное теоретическое выражение этого факта оказали на Дарвина свое давление и подсказали ему формулу «борьба за существование». Но если внимательно присмотреться к работам Дарвина, то мы увидим и нечто другое. Коротко сформулировав основные положения своего учения, Дарвин прибавляет: «Это — учение Мальтуса, приложенное к растительному и животному царству и приложенное в строжайшем его смысле потому, что тут невозможно ни искусственное умножение пищи, ни осторожное воздержание от брака»[2]. Дарвин не замечает, что этим он целиком уничтожает теорию Мальтуса, ибо злостная «ошибка» Мальтуса и состоит в том, что он выбрасывает возможности производства, возводя капиталистическую нищету масс в вечный закон общественного бытия. Жало всей концепции Мальтуса направлено против «черни». Жало всей концепции Дарвина направлено — мировоззренчески — против теологии, технически-экономически — против остатков средневекового хозяйства. Для Мальтуса характерен антиисторизм, для Дарвина, наоборот, сугубый историзм. Поэтому так различна судьба этих учений. Теория Мальтуса, воспетая многими обскурантами, просто смешна, в особенности теперь, в свете мрачных лучей развернутого кризиса перепроизводства. Теория Дарвина жива в своих основных моментах. Но социальный генезис дарвинизма не смог не наложить своей печати на все его великое построение. Вообще уже самая идея «историзма» и «эволюции» у буржуазных идеологов имела на разных флангах идеологии разный оттенок консерватизма. Будучи в основе глубоко прогрессивной, она нередко включала идею абсолютной постепенности, голой непрерывности процессов: особенно ярко это проявилось в «исторической

---

[1] T. R. Malthus, On the principle of population. Vol. II, p. 187. Everyman's Library ed. Ernest Rhys. London. „A mob, which is generally the growth of a redudant population goaded by resentment for real suffering but totally ignorant of the quaiter from which they originate, is of all monsters the most fatal to freedom".

[2] Ч. Дарвин, l. c., p. 50.

школе» права, в «исторической школе» политической экономии, в «органической школе» социологии и т. д. Если некоторые историки времен французской реставрации (в особенности Гизо, Минье и Огюстэн Тьерри) представляют собой в высокой степени передовое явление и в известном отношении могут быть даже рассматриваемы как предшественники социально-исторической теории Маркса (учение о классовой борьбе) [1], то нельзя, с другой стороны, не отметить, что в борьбе с механически-математическим рационализмом ряда философов XVIII в. идея исторической постепенности противопоставлялась антиисторизму как аргумент против социальных катастроф, что идея «органической» связи (против механической связи социальных атомов, рассматриваемых как геометрические точки) и идея «органической» иерархии выдвигались как аргумент против абстрактного равенства просветителей, как заслон против радикальных перемен, как теоретическое выражение поговорки: «всяк сверчок знай свой шесток», что самое погружение в глубины истории и идея медленной эволюции должны были «доказать» прочность исконных традиций и начал, медленность образования новых форм общества, их неизбежно эклектический характер. Дарвин отдал дань этому, хотя его же собственный материал нередко бунтует против обручей такой концепции. Дарвин отдал дань и компромиссному буржуазному «духу времени», снабжая свои работы искусственными теологическими привесками, которые, как жалкое тряпье, болтаются на великолепном здании этой теории. Но это последнее он переживал уже как внутреннюю трагедию, о чем свидетельствует его знаменитое письмо к титану пролетарского мировоззрения — Марксу, положившему начало совершенно нового этапа в развитии науки и философии.

II. Теоретическая концепция дарвинизма

К дарвинизму, чтобы его понять и оценить, необходимо подходить, как и к другим объектам исследования, исторически. До Дарвина типичными были теологические и телеологические представления о животных видах; идея их постоянства, вопреки практике садоводов и скотоводов, была communis doctorum opinio. На протяжении многих столетий и даже тысячелетий в разнообразных формах господствовали, по сути дела, донаучные взгляды на происхождение и развитие органического мира. Фантастические космогонии религиозно-поэтического характера вроде грандиозных концепций вавилонян и евреев, Индии и Китая, скандинавов и финнов;

[1] Г. В. Плеханов, Ог. Тьерри и материалистическое понимание истории (т. VIII); Его же, К вопросу о развитии монистического взгляда на историю, гл. II „Французские историки времен реставрации"; Его же, Предисловие к русскому переводу „Манифеста коммунистической партии".

натурфилософской системы старинных мыслителей; средневековая католическая схоластика; натурфилософия позднего времени, не говоря уже о широкой идеологии, распространяемой для всеобщего употребления, почти целиком стояли на точке зрения «творческого акта», однократного или многократного, грубо антропоморфического или тонко одухотворенного. В старой Индии бог выступает то как гончар или архитектор, то как Vac, голос, разум, нечто вроде греческого Λόγος'а, то он — почти философская тень, то он «устает» от акта творения, почти «бездыханен», «измучен до смерти». То бог творит мир из хаоса, из первичной материи, из глины, из чего-то. То он — как у блаженного Августина — творит из ничего. Но во всех этих случаях мир обязан существованием своему демиургу, творцу и создателю. Так называемые «конечные причины», мистические causae finales, a priori данные и определяющие собою реальные изменения, поскольку они признаются, есть другая форма того же теологически-телеологического начала, от «энтелехии» Аристотеля до «blan vital» Анри Бергсона. Еще Лейбниц (1646—1716) представлял себе космос как царство ступенчатых монад, непрерывно связанных друг с другом, но отнюдь не переходящих друг в друга, во главе с высшей монадой, которая есть бог. Женевский натуралист Charles Bonnet (1720—1793) в своем Traité d'insectologie построил целую «лестницу естественных существ» echelle des êtres naturelles), включающую и ангелов, серафимов и херувимов, созданных божеством. Знаменитый шведский натуралист Линней считал, что видов существует столько, сколько их сотворило «бесконечное существо». «Tot numeramus species, quot ad initio creavit infinitum ens». «Species tot sunt, quot formae ab initio creatae sunt». В своей речи «De telluris habitabilis incremento» он серьезно заявляет, что «рай» был островом под экватором, ибо: «Если бы от сотворения мира твердь была бы так же велика и суша нашего земного шара так же распространена, как теперь, то Адаму было бы трудно, даже невозможно, найти всех животных» [1]. Знаменитый Кювье стоял на точке зрения одного творческого акта, но уже его ученик д'Орбинь и ввел повторные операции господа в связи с повторными геологическими катастрофами [2]. Разумеется и Дарвин имел своих отдаленных и близких предшественников. Великие построения никогда не возникают как

---

[1] Heinrich Schmidt, Geschichte der Entwicklungslehre. Alfred Kröner. Verl. Leipzig. 1918. S. 271. (Однако у него есть и другие высказывания. См. названное сочинение, стр 464.) См. также H. F. Osborn, From the greeks to Darvin. London 1929 С другой стороны, E. T. Brewster, Creation. A History of Non-Ewolutionary Theories; Indianopolis. The Bobbs-Merrill Company. 1927.

[2] Ю. Филиппченко, Эволюционная идея в биологии, стр 29, изд. Сабашниковых, Москва 1923 г.

deus ex machina; они имеют, как и все на свете, историю своего возникновения. Сам Дарвин в предисловии к американскому изданию «Происхождения видов» называет целый ряд авторов, трудами которых складывалась новая теория, в том числе Жоффруа Сент-Илера и Ламарка. Исключительное влияние на Дарвина оказал геолог Ляйэлл, этот антипод Кювье. Однако — как совершенно справедливо говорит в «Анти-Дюринге» Ф. Энгельс — «не следует забывать того, что во времена Ламарка науке далеко еще нехватало материала, чтобы высказаться по вопросу о происхождении видов иначе, чем в виде пророческих, так сказать, предвосхищений». Интересно между прочим отметить, что основатель «критической философии» и автор «Всеобщей естественной истории и теории неба» И. Кант, подойдя совсем близко к идеям изменения видов, отшатнулся от них, ибо они «так чудовищны, что разум с дрожью отступает перед ними (vor ihnen zurückbebt)»[1].

Происхождение видов, в частности происхождение человека, законы органической эволюции как естественно-исторические законы — вот проблема, которую поставил и по-своему решил Чарльз Дарвин. Его работа, в основе своей обусловленная техническим прогрессом капитализма и борьбой его с феодальными традициями, была окружена атмосферой напряженного умственного творчества. В 1842 и 1845 гг. Роберт Майер обосновал «закон сохранения силы»; в 1844 г. вышли знаменитые «Химические письма» Юстуса Либиха; за год до появления «Происхождения видов» Рудольф Вирхов обосновал целлюларную патологию («Лекции врачам по целлюларной патологии»); в 1860 г. Марселен Бертло издал свою «Органическую химию, основанную на синтезе» («Chimie organique, fondée sur la synthése»); а в 1861 г. Пастер выступил со своими открытиями по микробиологии. На другом полюсе общества это время дало: в 1845 г. — «Святое семейство», в 1847 г. — «Манифест коммунистической партии», в год издания «Происхождения видов» — «Zur Kritik»; а в 1867 г. вышел первый том самого великого творения Маркса.

Итак Дарвин начинает от практики. Из наблюдений над материалом «искусных заводчиков» он заключает: 1) об изменчивости организмов, 2) о наследственной передаче части изменений, 3) о произвольном направлении органических изменений путем скрещивания и искусственного отбора. Затем Дарвин ставит аналогичный вопрос уже по отношению к стихийным процессам органической природы. Что здесь заменяет регулирующее искусственное влияние человека? Каков стихийный регулятор процесса

[1] H. Schmidt, l. c., S. 64.

органических изменений, дающих ему то или иное направление? На это Дарвин отвечает: «борьба за существование», «struggle fornar life» «естественный отбор». Его основа — противоречие между огромной воспроизводительной силой и ресурсами питания, а также другими необходимыми для организмов ресурсами окружающей природной среды.

«Борьба за существование, — пишет Дарвин, — необходимо вытекает из быстрой прогрессии, в которой стремятся размножиться все органические существа. Всякий организм, производящий в течение своей жизни много яиц или семян, должен подвергаться истреблению в известные возрасты или в известные времена года, не то в силу геометрической прогрессии число его потомков быстро возрастало бы так безмерно, что никакая страна в мире не была бы в силах их пропитать. Следовательно так как родится больше особей, чем сколько может их выжить, во всяком случае должна происходить борьба за существование либо с особями того же вида, либо с особями другого вида, либо с физическими условиями жизни»[1].

Какие же особи выживают? Те, которые приспособлены к среде. Любое отклонение, хотя бы самое небольшое, обеспечивающее большую приспособленность, есть лишний шанс на выживание. При массовости процесса мы получаем закон: выживают наиболее приспособленные. «Борьба» губит слабых, поддерживает сильных. «Борьба» выпалывает неприспособленных, как садовник выпалывает из грядки неполноценные экземпляры растений. Борьба следовательно отбирает по признакам объективно полезных организму отклонений; «естественный подбор» подхватывает эти отклонения, передаваемые по наследству, закрепляет и усиливает их. Так на основе индивидуальных отклонений, причины которых разнообразны и многозначны, т. е. случайны в объективном смысле слова, получается закономерность направленности изменений, закономерность естественного отбора. Это и есть основной закон развития органического мира, открытый Дарвином. Таким образом процесс в целом складывается по Дарвину: 1) из изменчивости, 2) из наследственности, 3) из естественного отбора. Эти три фактора Дарвин монически синтезирует, причем примат принадлежит у него естественному отбору как формирующему принципу, определяющему процесс эволюции вида, взятый в его целом. Из этого однако вовсе не следует, что Дарвин не делал никаких попыток анализировать причины отклонений, являющихся, так сказать, сырым материалом для процесса отбора, и не ставил перед собой вопроса о законах наследственности, которые, метафорически говоря, используются его механизмом. На вопрос о наследственной из-

[1] Ч. Дарвин, Происхождение видов, стр. 50.

менчивости Дарвин, не дав здесь строго выдержанной научной концепции, отвечал очень просто: по его мнению, приобретенные признаки, по правилу, все наследуются. Здесь он, как показало дальнейшее развитие науки, явно ошибался. На вопрос о причинах изменений он отвечает следующим образом: «Изменчивость подлежит множеству известных нам законов, из которых особенно важен закон соотношений развития. Некоторую долю изменений следует приписать прямому действию жизненных условий, некоторую — употреблению и неупотреблению органов. Окончательный результат таким образом становится бесконечно сложным»[1]. Здесь Дарвин в значительной мере использует работы своих предшественников: Кювье (соотносительная — «correlated» — изменчивость Дарвина соответствует «correlation organique» Кювье) и Ламарка (прямое влияние среды, упражнение или неупражнение органов как причины изменений). Особняком, но в связи с теорией наследственности, стоит у Дарвина его так называемая «временная гипотеза», учение о «пангенезисе», которое сам Дарвин считал впоследствии «вздорным» и которое несущественно с точки зрения его концепции в целом[2]. Итак для дарвинизма как определенной биологической теории специфическим, существенным, резко выделяющим эту теорию от всех других теорий эволюции моментом является учение об естественном отборе: именно в этом, а не в чем либо ином, и заключается научная «суть» дарвинизма. Но Дарвин проделал и дальнейшую работу: он включил и цепь органической эволюции и человека как биологический вид. Он рассмотрел и этот «венец творения» естественно-исторически как необходимый и закономерный исторический результат органической эволюции. В своей работе «Происхождение человека и подбор по отношению к полу» Дарвин чрезвычайно смело по тогдашним временам заявляет:

«Тот, кто не смотрит, подобно дикарю, на явления природы как на нечто бессвязное, не может думать, чтобы человек был плодом отдельного акта творения. Он должен будет признаться, что великое сходство между человеческим зародышем и зародышем например собаки; тождество плана в строении черепа, конечностей и всего тела независимо от употребления, которое могут иметь эти части у человека и других млекопитающих; случайные возвраты различных образований, например особенных мышц, которых человек

---

[1] Ч. Дарвин, l. c, стр. 33. См. также Ч. Дарвин, Прирученные животные и возделанные растения, т. II, главы о законах изменчивости.

[2] E. Study, Eine lamarkistische Kritik des Darwinismus. Sonderabdruck aus der Ztschr. für induktive Abstammungs und Vererbunglehre. 192[illegible]. Bd. XXIV. Heft I; «Dahin gehört... Darvins «provis rische» Pangenesishypothese, zu der Darwin nicht wegen der Selektion, sondern wegen des lamarkistischen Faktors in seiner Theorie sich genötigt glaubte» (S. 57).

обыкновенно не имеет, но которые свойственны четырехруким, и множество других аналогичных фактов, — что все это ведет весьма положительным образом к заключению, что человек и млекопитающие произошли от одного общего прародителя»[1].

Необходимо помнить, что именно на этот вопрос было наложено священное табу всеми богословами, учеными, философами и так называемым «общественным мнением»: как раз здесь обретался тот punctum saliens, перед которым в величайшем смятении остановился даже кантовский «Чистый разум». Необходимо помнить, что как раз боязнь этого тезиса была тем тяжелым прессом, который давил на развитие биологии как науки и превращал ее в своеобразный придаток догматического богословия и теологизирующей фантастической натурфилософии. Дарвин проломил здесь огромную брешь и сразу продвинул науку на неизмеримо более высокую ступень ее развития: именно Дарвин доказал факт и объяснил механизм органической эволюции, объяснил исторически факт разнообразия видов, их трансформацию, явления так называемой целесообразности в органическом мире — проблема, которая являлась камнем преткновения для научного мышления и золотоносной жилой для «старателей» из лагеря теологии и метафизики, — включив в эволюционный исторический ряд и носителя «божественной искры», человека.

Разумеется нельзя требовать от Дарвина того, чтобы все без исключения его теоремы оправдались в ходе дальнейшего развития науки: многое из теперь известных фактов и обобщений он просто не мог знать, как не мог например знать теории империализма или искусства управления автомобилем системы Форда. Его научное величие отнюдь не пострадало от того, что частные элементы его теории (пангенезис, наследование приобретенных признаков и т. д.) оказались превзойденными и отброшенными дальнейшим прогрессом биологии: существенно как раз то обстоятельство, что сердцевина его теории — учение о селекции — целиком выдержало в боях с антидарвинизмом суровую историческую проверку. Эта проверка касается прежде всего двух основных пунктов: 1) вопрос об изменчивости, ее характере и ее отношении к селекционному принципу; 2) вопрос о значении отбора в общем процессе эволюции. Современная генетика, наука, порожденная в значительной мере самим развитием дарвинизма[2], ставит своей специальной и специфической задачей раскрытие законов наследственности и изменчивости. За весь последарвиновский период

---

[1] Ч. Дарвин, Происхождение человека, т. II, стр. 293, изд 2-е, СПБ 1873 г.

[2] См. W. E. Gaetle, Genetics and Eugenics. Cambridge. 1930: «This things (данные современной генетики.— *Н. Б.*) came as fruits of the evolution theory» (44).

накопилось огромное количество новых фактов, новых экспериментов, новых проблем. Дарвин констатировал многочисленность и многозначность факторов, обусловливающих изменчивость и пестроту самой этой изменчивости как в приспособительном характере этой изменчивости (полезные, вредные, нейтральные вариации), так и в ее степени (незаметные отклонения и крупные «скачки», вроде указанных Дарвином «sporting plants», окрещенных де-Фризом «мутациями»).

Современная генетика подтверждает этот взгляд Дарвина. Опыт показал, что: 1) на организмы действуют самые разнообразные факторы, вызывающие те или иные мутации (воздействие рентгеном, радием, ультрафиолетовыми лучами, температурой и т. д.); 2) одинаковые факторы могут вызывать в принадлежащих к одному виду организмах различные мутации (например разные мутации у Drosophila под влиянием одинаковых доз рентгеновских лучей); 3) разные факторы могут вызывать одинаковые мутации; 4) мутации не только качественно, но и количественно носят самый разнообразный характер; 5) пестрота мутаций однако имеет известные границы, в пределах которых и колеблются соответствующие наследственные изменения: об этом повидимому между прочим и говорит так называемый «закон гомологических рядов» Н. Вавилова, являющийся пока «эмпирическим законом» (родственные систематические единицы дают сходные ряды мутаций). Разумеется дело не в одних только мутациях в смысле де-Фриза, ибо они не являются монопольным поставщиком материала для механизма отбора. Нельзя повидимому наголо отрицать и случаев прямого действия среды, и постольку некоторые элементы ламаркизма не просто должны быть отвергнуты, а лишь, выражаясь гегелевским языком, «сняты». Но уже одной теорией мутаций опрокидывается ламаркистская концепция прямого приспособления, которая пытается объяснить эволюционный процесс без отбора, полагая, что воздействия внешней среды обязательно вызывают необходимую целесообразную реакцию, передающуюся — точно так же в обязательном порядке — по наследству.

С другой стороны, и другие попытки построить эволюционную теорию, выключая механизм отбора, оказались не в состоянии материалистически объяснить процесс трансформации органического мира: все они неизбежно скатываются к телеологической концепции, роковым образом вводящей в той или иной форме старинную мистику аристотелевой «энтелехии». Крупные открытия генетики (учение о комбинативной изменчивости на основе законов Менделя, учение о «чистых линиях» Иогансена, обобщения американской школы во главе с Морганом) ни в коей мере не затрагивают основ дарвинизма и могут быть рассматриваемы как дальнейшее развитие дарвинизма.

Таким образом позднейшее развитие науки подтвердило основные положения дарвинизма. По Дарвину изменчивость не имеет строго направленного (так называемого «ортогенетического») характера, и соответствующие изменения могут быть — как мы упоминали — либо полезны, либо нейтральны, либо вредны. Другими словами, «совершенствование», возрастающая приспособленность, эволюция объясняются не изменчивостью, взятой «в себе», а отбором на основе изменчивости. Бесконечное количество опытов показало, что изменения действительно не имеют однотипной направленности, и их законы являются неизмеримо более сложными, хотя диапазон возможных вариаций и имеет известные границы. Развитие генетики показало громадное значение наследственных комбинаций (менделеевские соотношения). У Дарвина этот фактор как материал для механизма отбора почти отсутствовал. Но совершенно очевидно, что он может быть включен в концепцию Дарвина без всякого для нее вреда, ибо здесь ни в малой степени не затрагивается роль и решающее значение механизма отбора. Ламаркисты и автогенетики нападают именно на этот пункт и терпят здесь наиболее жестокое поражение. Отбор есть реальный фактор, объективный закон развития органической жизни, а отнюдь не «чисто логическая» конструкция. Отбор, с другой стороны, отнюдь не есть «чисто негативный» фактор, ибо как раз он и оказывается решающим для направления эволюции. Именно здесь лежит основная закономерность развития. Но из этого не следует, что не нужно искать и специфических закономерностей изменчивости и наследственности, на базе которых действует механизм отбора со своей решающей закономерностью. Здесь еще огромнейшее поле работы. Значительные успехи достигнуты в области изучения законов наследственности (например законы образования новых комбинаций на основе работ Менделя — Моргана); что касается закономерностей изменчивости, то здесь выяснен ряд лишь очень приблизительных «эмпирических» закономерностей. Однако каковы бы ни оказались законы изменчивости, это не разрушило бы концепции Дарвина как — синтетической теории эволюции, где закономерности изменчивости и наследственности соподчинены основной закономерности естественного отбора[1].

Яркую общую характеристику дарвинизма дал Фридрих Энгельс еще в 1859 г. в своем письме к Марксу. «До сих пор, — писал Энгельс, — еще не было такой грандиозной попытки доказать историческое развитие в природе, да еще с таким успехом».

---

[1] Поэтому неправильны возражения, например Kronacher'a: Züchtungslehre. Eine Einführung für Züchter und Studierende. Berlin, Verl. Paul Parey, 1929, S. 6.

Эта характеристика была целиком оправдана всем развитием общей биологии, ее частных дисциплин, прогрессом смежных отраслей знания и исключительной ролью дарвинизма как несокрушимого оплота науки в ее борьбе с виталистической мистикой [1].

III. Дарвинизм и марксизм

В речи над гробом Маркса (17 марта 1883 г.) Энгельс говорил: «Как Дарвин открыл закон развития органической природы, так Маркс открыл закон развития человеческой истории: тот простой, до сего дня скрытый под идеологическими нагромождениями факт, что люди должны в первую очередь есть, пить, где-нибудь жить и одеваться, прежде чем они смогут заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т. д.; что следовательно производство непосредственных материальных средств к жизни и вместе с тем каждая (jedesmalige) экономическая ступень развития народа или какого-либо отрезка времени образует основу, на которой развились государственные учреждения, правовые воззрения, представления в области искусства и даже рели-

[1] Здесь необходимо отметить, что у Маркса и Энгельса была оживленная переписка по поводу оценки различных факторов дарвиновской теории: В письме Ф. Энгельсу от 7 августа 1866 г. Маркс сообщал своему другу о книге P. Tremaux, Origine et transformations de l'homme et des autres êtres, Paris 1865, пишет: „При всех замеченных мною недостатках, это очень значительный прогресс по сравнению с Дарвином. Его два главных положения: croisements, порождают не различия, как обыкновенно полагают, но, наоборот, типическое единство вида. Напротив, геологические наслоения создают различия (не сами по себе, но в качестве главнейшей основы). Прогресс — у Дарвина чисто случайный, — здесь вытекает с необходимостью, на основе периодов развития земного шара... Такою же необходимостью является постоянство... однажды сложившегося espèce...и т. д. Энгельс взял Тремо под энергичнейший обстрел и разгромил его в ответных письмах к Марксу. Его общее заключение: «Книга ничего не стоит, это — чистая конструкция, которая вопиюще противоречит всем фактам (письмо от 2 октября 1865 г.). В письме от 5 октября Энгельс дает подробный разбор Тремо. Во всей этой переписке сугубое внимание заслуживает то обстоятельство, что Маркс отнюдь не предлагает успокаиваться на случайных (хотя бы и в гегелевском смысле) изменениях, а считает нужным и здесь искать необходимые закономерности. Это лучшая отповедь восторженным почитателям комбинации случайного и необходимого в дарвиновской теории. См. К. Маркс и Ф. Энгельс, т. XXIII, Гиз, 1930 г. Что касается теологической мистики, то Дарвин со скрытой иронией цитировал в свое время Нодена с его finalité «puissance mystérieuse, indéterminée; fatalité pour les uns; pour les autres, volonté prov dentielle, dont l'action incessante sur les êtres vivants détermine, à toutes les époques de l'existence du monde, la forme, le volume et la durée de chacun d'eux, en raison des destinés dans l'ordre des choses, dont il fait partie. C'est cette puissanse qui harmonise chaque membre à l'ensemble en l'appropriant à la fonction qui est pour lui sa raison d'être».

Ч. Дарвин, О происхождении видов (предисловие к американскому изданию).

гии соответствующих людей, и из которой они поэтому должны быть объяснены, а не наоборот, как это случалось до сего времени» [1].

Эта мысль Энгельса о соотношении между дарвиновскими законами исторической эволюции органического мира и марксовыми законами исторической эволюции человеческого общества, между исторической трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур можно было бы хорошо иллюстрировать на сопоставлении заключительной страницы «Происхождения видов» и вводной страницы «Zur Kritik der politischen Oekonomie». Подобно тому как Дарвин сжато формулирует материалистическую основу изменяемости видов, формулируя селекционную теорию, Маркс дает классическое чеканное выражение теории исторического материализма [2]. Внутреннее родство теорети-

---

[1]. Friedrich Engels. Rede am Grabe von Karl Marx. Karl Marx als Denker, Mensch und Revolutionär. Verl. für Lit. und Politik, Wien — Berlin.

[2]. См. Charles Darwin, On the Origin of species. London 1901. «These laws, taken in the largest sense being Growth with Reproduction Inheritance which is almost implied by reproduction; Variability from the indirekt and direkt action of the external conditions of life, and from use and disuse; a Ratio of Increase so high as to lead to a Struggle for Lnfe, and as a consequence to Natural Selection, entailing Divergence of Character and the Extinction of less-improved forms. Thus from the war of nature, from famine and death, the most exalted object which we are capable of concieving, namely the production of the higher animals, directly follows (p. 376).

(«Эти законы в обширнейшем их смысле суть развитие и воспроизведение; наследственность, почти необходимо связанная с воспроизведением; изменчивость, обусловленная прямым или косвенным действием внешних условий жизни и употреблением или неупотреблением органов; прогрессия размножения, столь быстрая, что ведет к борьбе за жизнь, а следовательно к естественному подбору, включающему расхождение признаков и вымирание менее совершенных форм Так из войны в природе, из голода и смерти, непосредственно следует самое высокое явление, какое мы можем себе представить, а именно производство наивысших животных»). Ср. с этим. Karl Marx, Zur Kritk der politischen Oekonomie; Vorwott: «In der gesellschaftlichen Production ihres Lebens gehen die Menschen bestimmte, notwendige, von ihren Willen unabhängige Verhältnisse ein Productionsverhältnisse, die einer bestimmten Entwicklungsstufe ihrer materiellen Productivkräfte entsprechen. Die Gesamtheit dieser Productionsverhältnisse bildet die ökonomische Struktur der Gesellschaft die reale Basis, worauf sich ein juristischer und politischer Ueberban erhebt, und welcher bestimmte gesellsshaftliche Bewusstseinsformen entsprechen. Die Productionsweise des materiellen Lebens bedingt den sozialen, politischen und geistigen Lebensprozess überhaupt Es ist nicht das Bewusstsein der Menschen, das ihr Sein, sondern umgekehrt ihr gesellschaftliches Sein. das ihr Bewusstsein bestimmt Auf einer gewissen Stufe ihrer Entwicklung geraten die materiellen Productivkräfte der Gesellschaft in Widerspruch mit den vorhandenen Productionsverhältnissen, oder, was nur ein juristischer Ausdruck dafür ist, mit den Eigentumsverhältnissen, innerhalb deren sie sich bisher bewegt hatten. Aus Entwicklungsformen der Productivkräfte schlagen diese Verhältnisse in Fesseln derselben um. Es tritt dann Epoche sozialer Revolution ein. Mit der Veränderung der ökonomischen Grundlage wälzt sich der ganze ungeheure Ueberbau langsamer oder rascher um".

ческих построений вытекает здесь из внутреннего родства объектов исторического развития. Оно есть продолжение органической эволюции, но продолжение качественно особое, специфическое, имеющее поэтому, несмотря на общую основу, свои исторические закономерности, свой особый, свойственный только обществу тип развития. Материальное единство мира (или единство материального мира) не состоит из голой тождественности его элементов: оно в то же время состоит из их различия, их объективной качественной особенности. Поэтому и единство неорганического, органического и социального моментов предполагает их различие. Главный недостаток механического материализма, недостаток, питающий однобокость и фальшь всех идеалистических построений, заключался именно в том, что он не видел качественных особенностей, вводил универсальную количественную обезличку, крайне обеднял действительность, был абстрактен, антиисторичен, «сер» и не мог поэтому втиснуть богатое многообразие природы и общества в прокрустово ложе своих исключительно количественных теорем[1]. Родство органической эволюции и социальной истории отнюдь не есть тождество. Поэтому нелепо переносить законы биологии на явления общественной жизни, точно так же, как например нелепо было бы переносить, скажем, «закон кратных отношений» из химии на развитие видов или таблицей Менделеева объяснять происхождение человека. Но если нелепо переносить законы физики и химии непосредственно на биологию, то так же неостроумно переносить законы биологии на историю общества. С другой стороны, эта нелепость ни в малой степени не опровергает исторического происхождения органического мира из неорганического, исторического развития общества из развития и трансформации биологических видов.

Если мы стали бы искать аналогий в теории подбора и в

---

[1] „В Бэконе, как первом творце материализма, в наивной еще форме скрыты зародыши всестороннего развития этого учения. Материя улыбается своим поэтическим чувственным блеском всему человеку. Но изложенное в афористической форме учение Бэкона еще полно теологической непоследовательности.

В своем дальнейшем развитии материализм становится односторонним. Гоббс является систематиком бэконовского материализма. Чувственность теряет свои яркие краски и превращается в абстрактную чувственность геометра. Физическое движение приносится в жертву механическому или математическому движению, геометрия провозглашается главной наукой. Материализм становится враждебным человеку. Чтобы преодолеть человеконенавистнический бесплотный дух в его собственной области, материализм должен сам умертвить свою плоть и сделаться аскетом. Он выступает как рассудочное вещество, но зато он с беспощадной последовательностью развивает все выводы рассудка" (К. Маркс и Ф. Энгельс, т. III, „Святое семейство", стр. 157).

теории исторического материализма, мы могли бы говорить об известной аналогии между «органами» животных и техническими «орудиями» человека, между «видом» и «обществом», между «образом жизни» («Lebensweise») и «способом производства материальной жизни», между трансформацией видов и исторической сменой общественно-экономических структур, между эволюцией организмов, сопряженной с эволюцией естественных органов-орудий и сменой общественных формаций, сопряженной с изменением в системах искусственных орудий труда. Но из этих аналогий никоим образом нельзя «выводить» общих законов какого-либо «биосоциологического» порядка: это значило бы зачеркивать весь реальный исторический процесс, создавший новые качества, принципиально новые, специфические закономерности; это значило бы не видеть тех огромных, исторически возникших различий, которые появляются вместе с возникновением «производящего общества». В подобную ошибку, которая имеет и свои социально-классовые основания, впадают все направления и оттенки так называемой органической школы в социологии (Кант, Спенсер и его школа, Вагнер, Шеффле и их новейшие эпигоны, а также вся школа так называемых «социальных дарвинистов»). Не имея никакого познавательного значения, упражнения такого рода ученых вырождаются в игру понятиями, классификациями, бесконечными вымученными и часто курьезными схемами. Еще у Гоббса в «Левиафане» верховная власть государства—его искусственная душа, судейские чиновники — сочленения, награды и наказания — нервы и т. д.; у Спенсера (ученика Канта и современника Дарвина) земледелие и промышленность — это органы питания, торговля — социальное кровообращение, полиция и армия — социальная защита, внешняя ткань (экзодерма) — класс военных и судей, внутренняя ткань (эндодерма) — класс земледельцев и промышленников, средняя ткань (мезодерма) — класс торговцев. Шеффле с величайшим тщанием перечисляет различные «органы» общества, его «центры», «ткани», «нервные узлы» и т. д. Из государствоведов нового времени Mutechli писал о мужском поле государства и женской сущности церкви, а если брать новейшие примеры, достаточно назвать нашумевшую работу шведского социолога Rudolfa Kiellen'a «Der Staat als Lebensform», где мы между прочим читаем следующие рассуждения насчет сексуальных характеристик государств: «Все мы знаем «moder Svea», женщину точно так же, как «la belle France», и не нужно долго перелистывать «Review of Reviews», чтобы встретиться с «John Bull'ем» или «Uncle Sam'ом». Правительства меняются, поколения сменяют друг друга, а государства повидимому остаются теми же, или изменяются во всяком случае со столетия на столетие.... Они суть объективные реальности вне и над индивидуумами, и одновременно в них и подчиняются по-

своему власти основных законов жизни»[1]. Все это в высокой степени напоминает акробатические фокусы-покусы социологизирующих фрейдианцев (вроде Кольнаи), видящих в системе ломбардских оросительных каналов сублимацию уретрально-эротического характера, а в лозунге «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» — гомосексуальные влечения рабочего класса. Этот пошлый вздор есть неизбежное следствие механического перенесения биологических закономерностей на общество, приема, который с силой древнегреческой Λλαγχη влечет к бессмысленной и пустопорожней словесной игре. Маркс, которого Л. Вольтман чуть ли не причисляет к лику святых органической школы[2], едко высмеял подобную «методологию» в одном из своих писем к Кугельману: «Господин Ланге, — пишет он, — сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается в фразе «struggle for life», «борьба за существование» (выражение Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — законы Мальтуса о народонаселении или, скорее, о перенаселении. Таким образом вместо того чтобы анализировать «struggle for life», как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «struggle for life», а эту фразу — под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли»[3].

Чтобы понять закономерности общественно-исторической жизни,

---

[1] R. Kjellen, Der Staat als Lebensform, 4 Aufl., 1924, S. 35. Даже некоторые буржуазные ученые издеваются над органической школой. Так например у Лориа («Социология», СПБ, изд. «Общественная польза», 1903, стр. 45) мы читаем: «Немецкий ученый Шеффле дошел прямо до смешного, перечисляя социальные полости, органы, сегменты, двигательные центры, нервы и нервные узлы. Но остальные социологи этой школы не более умерены; они описывают социальное бедро, социальный главный симпатический нерв, социальные легкие, — сосудистая система общества олицетворяется, по их мнению, сберегательными кассами; один сорбоннский профессор назвал духовенство ожиревшей...тканью... другой социолог сравнивает нервные волокна с телеграфными проводами... Третий пошел так далеко, что различает государства мужские и женские: мужскими... являются государства..., подчиняющие себе другие по праву завоевания, тогда как завоеванные государства...суть женские. «Хорошую сводку новых упражнений на эту тему можно найти в работе Hans'a Kelsen'a, Allgemeine Staatlehre, Berlin, 1925. Verl. Julius Springer, S. 375. Однако сам автор — кантианец, и его собственные построения, несмотря на остроумную критику органической школы как крайней формы гипостазирования, поднятого до мифа, должны быть решительно отвергнуты по всему фронту.

[2] См. его статью в сб. «Дарвинизм и марксизм», Гиз Украины, Харьков 1932 г.

[3] К. Маркс, Письма к Л. Кугельману, пер. с нем. М. Ильиной, под ред. и с предисл. Н. Ленина, Гиз, П. 1920 г., стр. 101.

необходимо выйти за пределы категорий биологии, ибо «вид» через «стадо» уже превратился в нечто совершенно особое, в производящее общество с его особенностями и следовательно со специфическими определениями; со своими особыми «законами движения» и следовательно со своим особым теретическим выражением этих законов. Исторически завязался новый «узел» — человеческое общество, имеющее свое собственное движение.

Вид есть совокупность сходных организмов, дающих при скрещивании плодящее потомство и ведущих сходный образ жизни. Общество есть прежде всего совокупность производственных отношений, есть сотрудничество противоречивое или «организованное», классовое или бесклассовое, опирающееся на систему орудий труда. Органы животного играют «орудийную» роль. Работы акад. Северцова [1] особенно ярко подчеркнули тот факт, что приспособленность данного организма к среде есть не что иное, как приспособленность строения и функций орудий — органов, которые в свою очередь связаны со строением всего организма в целом. Маркс, который называет «Происхождение видов» трудом, «создающим эпоху» («epochenmachendes Werk») [2], считает теорию животных органов «естественной технологией». Но органы животного совсем не то, что орудия общественного труда. «Дарвин, — пишет Маркс, — обратил внимание на историю естественной технологии, т. е. на образование растительных и животных органов как инструментов производства жизни растений и животных. Разве история образования производительных органов общественного человека, история материального базиса каждой особенной общественной организации не заслуживает равного внимания? И не легче ли было бы ее создать (liefern), ибо, как говорит Вико, человеческая история отличается от естественной истории тем, что одну мы проделали, а другую нет. Технология раскрывает (enthüllt) активное поведение (Verhalten) человека к природе, непосредственный процесс производства его жизни, вместе с тем и его общественных жизненных отношений и вытекающих отсюда духовных представлений» [3].

Здесь Маркс блестяще вскрывает все принципиальное различие между системой натуральных органов и системой технических орудий труда, хотя и в том и в другом случае говорит о «технологии». Органы — естественны. Орудия — искусственны. Органы образовались стихийно. Орудия сделаны человеком (человек, в отличие от животного (tool making animal). Органы — средства пассивного приспособления. Орудия — инструменты активного

[1] А. Северцов, Эволюция и психика. См. также К. Тимирязев, Ч. Дарвин и К. Маркс в сб. «Дарвинизм и марксизм».
[2] K. Marx, Das Kapital, Volksausgabe, S. 288, Fussnote 31.
[3] K. Marx, l. c. S. 317, Fussnote 89.

приспособления. Поэтому история вида делается, а историю общества делают сами люди.

Вид — как мы упоминали — нечто совершенно отличное от общества. Искать во внутривидовых категориях общественные классы или наоборот — бессмысленно, хотя и там и здесь есть «борьба». Маркс прекрасно выясняет и эту сторону дела с глубиной, которая подымет его на недосягаемую высоту по сравнению с пигмеями буржуазной социологии и кликушествующими ныне «социальными дарвинистами». В том же I томе «Капитала» мы читаем:

«Природа не создает, с одной стороны, владельцев денег или товаров, а, с другой — владельцев только собственной рабочей силы. Отношение это совсем не естественно-историческое; столь же мало оно — общественное отношение, которое было бы общим для всех исторических периодов. Очевидно оно само — результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, гибели целого ряда прежних формаций общественного производства».

Общественные классы предполагают средства производства, общественный труд, отношения собственности и т. д. Искать эти категории в недрах животного мира — значит стать на грубо антропосоциоморфическую точку зрения, поистине достойную дикаря. Легко понять поэтому, что «образ жизни» животных не то (и не может быть тем), что «способ производства» у общественного человека. Легко понять, что не может быть поэтому и одинаковой конкретной закономерности в «органическом» и в «социальном» круге явлений. Теория естественного подбора потому и неприложима к обществу, что она верна по отношению к животным видам. Теория исторического материализма потому и неприложима к животным видам, что она верна по отношению к человеческой истории. В сущности сам Дарвин понимал, хотя и недостаточно отчетливо, огромную принципиальную разницу между развитием биологических видов и развитием общества. Мы уже видели, как он в связи с теорией Мальтуса делает замечание, что в обществе возможно искусственное расширение питательной (в широком смысле слова) базы через производство, и далее регулирование процесса размножения. Эти замечания опрокидывают теорию Мальтуса, который оперирует с более или менее стационарной техникой (как и позднейшие мальтузиански окрашенные концепции, вроде пресловутого «закона убывающего плодородия почвы» или «diminishing returns»). Непонимание (или злостное игнорирование) этого факта как раз и лежит в основе «биологических», «органических» и тому подобных «социологий», имеющих поэтому более или менее легко обнаруживаемое антиреволюционное острие [1]. «Людей можно отличать от животных по созна-

нию, вообще по чему угодно. Сами они начинают отличаться от животных, лишь только начинают производить необходимые для своей жизни средства — шаг, обусловленный их телесной организацией. Люди, производя необходимые для своей жизни средства, производят косвенным образом и свою материальную жизнь»[2]. Но законы движения материального производства, проходящего в конкретно исторических формах общественного труда, есть нечто особое и специфическое, для чего биологические законы составляют лишь известную «естественно-историческую основу», как неоднократно выражался Маркс. Проблематика социологии не есть поэтому проблематика биологии и не может быть ею. История природы и история общества суть части единой истории. Величайшей заслугой Маркса было то, что он само историческое развитие общества включил в общую цепь развития. «Маркс, — писал Ленин, — рассматривает общественное движение как естественно-исторический процесс, подчиняющийся законам, не только не зависящим от воли, сознания и намерений людей, а, напротив, определяющим их волю, сознание и намерения (к сведению для господ субъективистов, выделяющих социальную эволюцию из естественно-исторической именно потому, что человек ставит себе сознательные «цели», руководствуется определенными идеалами»[3]. Другими словами, законы истории общества суть тоже объективные законы, включенные, как звено, в совокупность законов движущейся материи. В этом смысле они — естественно-исторические законы. Однако из этого отнюдь не вытекает голое тождество законов, которым «подчинены» качественно различные группы явлений объективного мира. Общество есть часть природы: оно не супранатуральная, не «сверхъестественная» категория. Но в то же время оно в известном смысле не только отлично от природы, но и противостоит ей, — это такой «составной элемент» природы, который активно приспособляется к ней, приспособляя ее к себе, подчиняя ее, овладевая ее законами, изменяя ее через и посредством процесса производства, производственной практики, порождающей процесс теоретического познания природы, в свою очередь опосредствующий материальный процесс труда. Поэтому разные фазы развития материи и разные качественно отлич-

---

[1] См. например Oscar Hertwig, Der Staat als Organismus, Jena, 1922, где мы читаем такие строки: «В своих крайних направлениях, как например в коммунизме, рабочий социализм со своими учениями противоречит (verstösst gegen) не только закону разделения труда и диференциации, но и фактам размножения народонаселения; он противоречит следовательно двум естественным законам, которым подчиняется вся органическая жизнь» (стр. 172).

[2] К. Маркс и Ф. Энгельс, О Фейербахе. «Архив Маркса и Энгельса», кн. 1.

[3] Н. Ленин, Что такое «друзья народа», Соч., т. I, изд. 2-е, стр. 94

ные формы ее движения имеют и свои отличные законы, свою специфическую научную проблематику. Здесь есть налицо специфичность объективных законов, относительная их особенность, а не абсолютный разрыв, предлагаемый идеалистами, для которых человек выпрыгивает из системы объективных закономерностей, подлежит исключительному ведению телеологии и даже сам диктует внешнему миру его законы. Качественные особенности закономерностей, но в пределах объективных закономерностей материального мира; смена одних закономерностей другими, более сложными, по мере того как мы идем по пути исторического развития материальных форм, от простых к более сложным со все более богатым содержанием и нарастанием все новых «моментов» — такова точка зрения, адекватная действительности [1].

Но из того обстоятельства, что животный мир отличается от человеческого общества, хотя последнее есть продукт исторического развития этого животного мира; из того обстоятельства, что органический мир отличается от неорганического, хотя он есть тоже его историческое порождение, не вытекает однако, что не существует всеобщих связей всех явлений, всеобщих законов движущейся материи. Мир есть единство в многообразии и многообразие в единстве. Многообразие его раскрывается в специфических законах его различных качественных форм. Его единство вскрывается законами материалистической диалектики, которые являются самыми общими законами бытия и становления, законами, которые неразрывно связаны со всем многообразием специфических связей и закономерностей.

Дарвинизм есть биологическая теория, имеющая огромное значение для всего мировоззрения. Впервые ею были вскрыты объективные законы развития органического мира. Впервые процесс развития этого мира был понят как естественно-исторический процесс. Впервые были вскрыты причинные основы целесообразности в природе, — загадка, которая до тех пор иллюзорно «разрешалась» апелляцией к мудрости и планам творца-вседержителя. Впервые человек как биологический вид сам был понят как продукт исторического развития. Но биологический вид «человек», «homo sapiens», сам исторически трансформируется в производящее человеческое общество. Закономерности развития вида трансформируются в закономерности историко-общественного развития. Качественно особым продолжением истории вида является история общества в чередовании его конкретных экономических формаций. Таким образом между дарвинизмом и марксизмом неизбежно возникает особая связь, дикту-

[1] Ф. Энгельс, Диалектика природы, passim. О соотношении законов биологии и истории, см. также письма Энгельса к Лаврову.

емая связью объектов познания, их исторической преемственностью и материалистической основой метода. Теория Дарвина более или менее непосредственно увязывается таким образом с теоретическими построениями Маркса. «Значительнее всего, — писал Энгельс в своей работе о Людвиге Фейербахе, — три следующие великие открытия, благодаря которым наше знание общей связи явлений природы сделало гигантские шаги. Первое — открытие клеточки... Второе — открытие закона о превращении энергии... Наконец третье — открытие сделано Дарвином». Оставалось еще общество и исторический процесс его развития. «В этой области, — продолжает Энгельс, — предстояло сделать то же, что и в области понимания внешней природы, — устранить искусственно созданную связь явлений и найти действительную. Эта задача в конце концов должна была привести к открытию всеобщих законов движения, господствующих в истории человеческого общества»[1]. Эти «всеобщие законы» движения общества были открыты Марксом в его теории исторического материализма. Но Маркс этим не ограничился: он создал, с одной стороны, на базе предшествующего развития философии и в частности развития классической немецкой философии новую форму материализма — диалектический материализм, этот гениальнейший синтез синтезов; с другой, — он вскрыл частные законы движения определенной общественной формации, «капиталистического способа производства», где с невиданной в истории идей прозорливостью предсказал неизбежное превращение капитализма в социализм через социалистическую революцию и диктатуру пролетариата. То обстоятельство, что марксизм есть грандиознейшее и самое величественное построение, какое только знала мировая история; то обстоятельство, что дарвиновская теория лежит на линии общей концепции марксистского материализма, — делает необходимым включение этой теории в общее мировоззрение пролетариата. Но это включение отнюдь не означает «приятия» дарвинизма в его «химически чистом виде». Выше мы видели, что дарвинизм носит на себе родимые пятна своего социального генезиса. Его теологические привески есть механически прилепленные побрякушки, несмотря на то, что весь дух теории и даже все ее буквы вопиют против этого насильственного бесплатного приложения. Иначе обстоит дело с толкованием эволюции как только непрерывного процесса. «Natura non facit saltus» — есть не случайная формула у Дарвина. На это Дарвину указывал еще Huxley, который, прочтя впервые «Происхождение видов», писал автору: «Что касается вашей доктрины, то я готов взойти на костер для поддержания главы IX и большей части глав X, XI и XII...» И далее,

[1] Ф. Энгельс, Людвиг Фейербах. Курсив наш. — *Н. Б.*

перечисляя свои критические замечания, он прибавляет: «Во-первых, вы создали себе ненужную трудность, принимая так, без оговорок, «Natura non facit saltus...» [1]. Здесь у Дарвина налицо либерально-буржуазная трактовка эволюции, которая является истоком самых вульгарных последующих «эволюционистических» построений». Эту сторону дарвинизма необходимо подвергнуть остракизму. Таким образом в своем очищенном и освобожденном от скверны виде дарвинизм включается в наше мировоззрение, что налагает на нас обязанность дальнейшей разработки проблем биологии при сознательном (а не стихийном) применении метода диалектического материализма.

IV. Дарвинизм, марксизм, современность

Дарвинизм вырос из практики. Но, выросши из практики в мощное теоретическое построение, он сделался рычагом дальнейшего практического действия. Его значение во всем потоке общественно-исторической жизни развивалось по двум главным руслам: мировоззренческому, идеологическому, непосредственно связанному с практикой теоретической классовой борьбы, и производственно-техническому, непосредственно связанному с борьбой экономических общественных укладов, имевших, разумеется, своих классовых носителей. Через полстолетие после смерти великого биолога в корне изменилась вся историческая картина: другие сочетания экономических формаций, другое соотношение классовых сил, иные всемирно-исторические проблемы, иные масштабы, иные идеологии. Буржуазия в значительной мере перестала быть носительницей технического прогресса и адекватного ему рационального познания. Она уже ни в какой мере не ведет борьбы с идеологическим средневековьем: наоборот, она, кликушествуя против атеизма пролетариата, сама развивает — по всему фронту идеологии — телеологические и теологические тенденции. С другой стороны, впервые в истории пролетариат как господствующий класс, класс-диктатор, имеет свой собственный экономический уклад, строящийся социализм. Поэтому, если ранее дарвинизм, включенный в общую цепь марксистского мировоззрения, играл роль тарана против теологии, то теперь — главным образом через генетику — он имеет для рабочего класса практическое значение и по линии производства. «В отличие от XIX в. исследователь подходит ныне к проблеме происхождения организмов прежде всего как экспериментатор, как инженер... Мы ставим перед собой совершенно конкретную, больше того, утилитарную задачу овладеть этапами формообразования, строительным материалом, для того чтобы на основе его развертывать творческую работу биолога по созданию видов и форм по

[1] А. Некрасов, Борьба за дарвинизм, стр. 49—50.

произволу»[1]. Огромные задачи социалистического строительства при соответствующих материальных предпосылках дают всей научной работе невиданную базу и невиданные возможности.

В области теоретической буржуазия переживает кризис исключительной остроты. Идет атака на самые основы рационального познания: громится принцип причинности, объявляется упраздненным детерминизм, устарелой — идея объективной закономерности вообще. Всерьез развивается — через многоразличные формы идеализма — тяга к мистике, магии, «парафизике», «астральным телам», таинственным «эманациям духа». Блестящие успехи физики (радиоактивность, квантовая теория и т. д.) натыкаются на ограниченные методы познания и стремятся как бы замереть, передвигая мысль в область метафизики худшего сорта. Эддингтон прокламирует конец детерминизма, Эйнштейн объявляет пространство единственной реальностью, Дирак впадает в прямую мистику. В области биологии свирепствует витализм всех видов и оттенков, быстро перерастая в откровенную теологическую апологетику. Известный дарвинист Ludwig Plate не гнушается «прилагать» биологические законы к обществу в целях грубо империалистической политики и вовне и внутри страны, объявляя религию «высшим добром» и обосновывая милитаризм тем, что «die ganze Natur ist militaristisch» («вся природа милитаристична»). Венский биолог К. С. Schneider объявляет галлюцинации «высшей реальностью», говоря о «духовном продолжении существования» («spirituelle Fortexistenz») человека за гробом. «Социальные дарвинисты», исходя из якобы неравенства биологических расовых типов, стремятся придать ему характер вечного закона и обречь неарийцев на перманентное пребывание в рабах, одновременно обрекая пролетариат на бесконечную эксплоатацию ad majorem «органической теории». «Арийская», «тевтонская», «белорасовая» разнузданность доходит до крайних границ и до своеобразной циничной откровенности. Фашизм, так называемые «фундаменталисты» в САСШ и другие аналогичные течения идут в одну ногу с откровениями Davenport'a, East'a, Lunborg'a, Lenz'a и других теоретиков современного обскурантизма. Таким образом по отношению к дарвинизму, с одной стороны, мы имеем его полное отрицание: Driesch, столп и утверждение виталистической истины, объявляет его сплошным и смешным заблуждением; с другой — «социальные дарвинисты» «прилагают» закон естественного подбора к обществу, биологизируя социальные явления и объявляя биологически устойчивыми преходящие категории капиталистического общества. И в том и в другом случае

[1] Достижения и перспективы в области прикладной ботаники, генетики и селекции, ст. Н. Вавилова, Проблема происхождения культурных растений в современном понимании, стр. 1—2, Ленинград, 1929 г.

перед нами идеологическая реакция. Только марксистский синтез обеспечивает прогрессивную функциональную роль великому творению Дарвина.

Не иначе обстоит дело с другим руслом практического воздействия дарвинизма. Колоссальные технические успехи конца прошлого столетия и начала нынешнего не подлежат сомнению. Сам Дарвин писал еще: «Не во власти человека изменить существенные условия жизни; он не может изменить климат страны; он не прибавляет никаких новых элементов к почве; но он может перенести животных или растения из одного климата в другой, с одной почвы на другую; он может дать им пищу, которою они не питались в своем естественном состоянии...» [1]

Это — явная ограниченность, продиктованная ограниченностью современной Дарвину техники, ограниченностью производительных сил. С тех пор появился легион новых пород, изменился весь лик земли, естественный ландшафт превратился в производственный, в штандарты качественно различной продукции, в систему специализированных хозяйственных районов и зон. Но и здесь общий кризис капитализма делает свое дело. Он подрывает корни дальнейшего технического прогресса, он создает антитехническую идеологию, реакционную до мозга костей. В то же время в стране строящегося социализма создаются основы громадного расцвета технической культуры. Здесь впервые практически можно ставить вопросы о рациональном размещении производительных сил, о планомерной специализации районов, о распределении животных и растительных пород, о гигантских мелиорациях, о селекционной практике в масштабах громадных пространственных зон, о научном использовании ряда факторов и их комбинаций с точки зрения оптимальных результатов. Генетика, селекция, зоо- и фитотехника, опытные поля, гигантские экспериментальные базы и новые, невиданные возможности практической реализации теоретических достижений — все это пролетариат подымает на щит. Дарвинизм становится таким образом зоо- и фитоинженерией в общественном масштабе. Будучи включен в марксистское мировоззрение, он функционирует одновременно и как пожиратель теологии и телеологии, как таран против виталистического мракобесия современной буржуазии, как самострел против «социального дарвинизма», так и в качестве научной производительной силы, непосредственно связанной с материальным производственным процессом, превращающим сельское хозяйство в научно поставленную отрасль социалистической промышленности.

Вокруг проблем дарвинизма идет ожесточенная борьба течений,

---

[1] Ч. Дарвин, Прирученные животные и возделанные растения, т. I, стр. 2, Петербург 1868 г. Курсив наш.— *Н. Б.*

которая есть выражение и великих социальных конфликтов нашей эпохи. «Сумерки богов» капиталистического режима все сгущаются, и из мрачных облаков уже начинает сочиться зловещая кровавая роса. В полумраке этой эпохи, озаренной молниями революции, капиталистический мир выдвигает на сцену своих новых героев, которым уже не по плечу доспехи и латы рационального познания, технического прогресса, социального оптимизма. Унылые воители настоящего, неудачные душегубы будущего, они атакуют сейчас и дарвинизм, заменяя его мистическими концепциями, от витализма до оккультизма включительно. Они же, не смущаясь, проституируют теорию отбора Дарвина, «применяя» ее к социально-историческим проблемам дня и строя самые бестиальные, самые постыдные концепции зоологического хищничества, циничного угнетения народов, справдания и возвеличения наиболее грязных и кровавых сторон современного империализма. В боях — материальных и идейных — с капиталом, грозящим гибелью всей культуры, варварством и одичанием на долгие годы, пролетариат берет то оружие, которое осталось ему в наследство от буржуазии. Он очищает его от ржавчины и мобилизует его как составную часть своих вооруженных сил. Против теологов, мистиков, кликуш — за рациональное познание; против идеалистов — за материалистическую диалектику; против виталистов — за очищенный дарвинизм; против проповедников кирки и лопаты — за технический прогресс; против капитализма — за революцию, за строительство социализма, за коммунизм. Так ставит сейчас вопрос история. Знамя прогресса выпало сейчас из рук дарвиновских искусных скотоводов и заводчиков. Оно в руках миллионных армий пролетариата.

РОЛЬ ДАРВИНА В РАЗВИТИИ БИОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Н. Вавилов

Полвека отделяет нас от Дарвина, однако в известной мере можно сказать, что Дарвин и его учение не только не отдаляются от нас, но становятся все ближе к нам. В сотнях тысячах экземплярах на разных языках выходят новые и новые издания «Происхождения видов», «Происхождения человека». Если при жизни Дарвина знали тысячи, то ныне его и его в основном материалистическую теорию знают и хотят знать миллионы. Учение Дарвина — дарвинизм — в широком смысле ныне основа современной биологии. Без Дарвина трудно представить современную биологию.

В свете задач, выдвигаемых перед современной биологией, проследим роль, которая выполнена и которую предстоит еще сыграть учению Дарвина в развитии биологических исследований.

В историческом развитии биологии можно наметить четыре основных периода:

Первый — до Дарвина, охвативший весь XVIII в. и первую половину XIX в.

Второй — утверждение эволюционного учения Дарвина, 1859—1882 гг.

Третий — развитие эволюционного учения на растительных и животных объектах. Этот период охватывает всю вторую половину XIX и часть XX вв.

Четвертый — экспериментальное исследование эволюционного процесса и овладение формообразованием у растений и животных. Этот период начинается в XX в.

Период до Дарвина

Что было до Дарвина? С открытием Нового света перед натуралистом встал новый мир животных и растений, открылось необъ-

ятное поле для описательной работы. Использование восходящим капитализмом новых естественно-производительных ресурсов явилось могучим стимулом в развитии естествознания. Появляются обширные фолианты, посвященные описанию видов растений и животных, «Театры ботаников и зоологов». Биолог поглощен описательной работой. XVIII в. — начало расцвета систематики растений и животных. Линней дает искусственную схему для приведения в порядок многообразия видов; Жюсье, Ламарк, Декандоль, Агасисс и другие закладывают основы естественной классификации организмов. Микроскоп открывает новый мир организмов. Путешествия натуралистов в новые страны открывают тысячи новых видов. Гумбольдт закладывает основы ботанической географии. Из путешествия в Южную и Центральную Америку он привозит тысячи новых видов растений. Гукер описывает богатейшую флору Индии. Уоллэс в течение 12 лет исследует флору и фауну Бразилии и Малайского архипелага.

Казалось бы, географические открытия, десятки и даже сотни тысяч видов животных и растений, найденных на всех континентах, правильности в их географическом распределении должны были привести к постановке вопросов происхождения. Путы теологии и метафизики однако сковали умы естествоиспытателей. Линней заявляет о том, что число видов постоянно и таково, каким оно создано. Кювье, основоположник сравнительной анатомии и палеонтологии, казалось бы особенно близко должен был подойти к эволюции, ибо камни говорят самым убедительным образом об эволюции; однако вместо этого он со всем авторитетом категорически выдвигает теорию катастрофических смен фаун. Зоологи и ботаники продолжают описывать виды, останавливаясь в изумлении перед поразительными приспособлениями.

Идея постоянства видов и телеология господствовали в биологии XVIII и XIX вв. Религия пронизывала естествознание. С точки зрения религии все прекрасно и совершенно в природе, ибо так устроено всевышним. Чего проще! Стоит ли ломать голову, когда все решено великим творцом вселенной, который создал по своему образу и подобию природу.

Кант в конце XVIII в. беспомощно останавливается перед загадками целесообразности в органическом мире. Историк естествознания первой половины XIX в. Юэль не видит возможности применения исторического метода в биологии, хотя геолог Лайэль ввел в это время историзм в изучение неорганического мира.

Эволюционные идеи однако, как магнит, влекут к себе наиболее сильные умы. Дед Дарвина Эразм Дарвин — поэт, врач и натуралист, Бюффон, Гете в идее метаморфоз, Ламарк, Жоффруа Сент-Иллер подходят к проблемам эволюции. В их произведениях временами светится эволюционная идея со всей отчетливостью

особенно видимой нам, взошедшим уже на историческую гору, с которой многое становится понятнее и яснее. Однако даже Ламарк, наиболее близко подошедший в своей «философии зоологии» (1809) к эволюционным идеям, настолько запутал их метафизическими представлениями, что объективный Дарвин не смог оценить по достоинству то положительное, что было в работах французского натуралиста. Для современников Ламарк остался почти незаметным. Слепой и брошенный он умирает в нищете. Горькой иронией звучат слова дочери Ламарка, выгравированные на его памятнике в Париже: «Отец, потомство вас не забудет, оно отомстит за вас».

Дарвин и борьба за дарвинизм

Ни об одном натуралисте мы не имеем таких исчерпывающих биографических данных, как о Дарвине. В совершенно исключительной по разработанности 3-томной биографии основателя биометрики Голтона, двоюродного брата Дарвина, Карл Пирсен проследил генеалогию семьи Дарвинов до V в. Сохранились черновые записи Дарвина о его работах с 1837 г., огромная переписка, большей частью изданная. В Кембридже находится библиотека Дарвина со всеми его пометками и записями, по которым можно проследить детали развития мышления великого натуралиста. Сохранился в полной сохранности дом в Дауне, где в течение 40 лет жил и работал Чарльз Дарвин. В Лондоне можно видеть в музее естественной истории, в котором много работал Дарвин, экспонаты, на которых зарождалась и развивалась мысль об эволюции. До сих пор почти в нетронутом виде пребывает Линнеевское общество, членом которого состоял Чарльз Дарвин. Наконец мы имеем подробную, замечательную по искренности автобиографию. Можно во всех деталях проследить историю оформления концепции эволюционной теории.

Как ряд классиков-натуралистов того времени, Дарвин начинает свою научную деятельность с путешествия вокруг света. Путешествие на корабле «Бигль», основательное изучение флоры и фауны и геологии Южной Америки, Австралии в течение 5 лет, чтение во время путешествия замечательной книги Лайэля о геологических изменениях в природе, а затем занятия по систематике животных приводят Дарвина к вопросам эволюции организмов. Опыт систематика приводит его на конкретных примерах к пониманию условностей видовых группировок. Одновременное занятие по систематике, геологии и географии животных приводит к размышлениям об эволюции организмов в пространстве и во времени. Дарвин впервые вводит в биологию исторический метод. Чтение книги Мальтуса о народонаселении привлекает мысли Дарвина

к вопросам рождаемости, смертности, перенаселения, к вопросам борьбы за существование.

Англия в начале XIX в., в эпоху восходящего развития капитализма, уделяя еще большее внимание сельскому хозяйству, несомненно представляла наиболее благоприятные условия для идеи селекционизма. Укрупнение ферм, имевшее место к этому времени, вызвало исключительное внимание к племенному животноводству. Выводятся новые породы рогатого скота, лошадей, быстро развивается овцеводство. Никогда еще в Западной Европе селекция животных и растений не привлекала такого внимания. Создаются сотни клубов, занимающихся апробацией новых пород собак, кошек, мышей, голубей, кур. До сих пор сельскохозяйственные и специальные животноводческие выставки представляют исключительный интерес для изучения изменчивости и роли отбора животных и растений.

Дарвин всемерно использует наблюдения над усовершенствованием животных и растений человеком; они приводят его к признанию искусственного отбора как могущественного фактора в эволюции культурных растений и домашних животных.

Перечитывая книги Дарвина, приходится констатировать исключительную широту, изобилие фактов, умение группировать их и неотразимость аргументации. «Происхождение видов» представляет собой изумительную книгу по своей цельности, убедительности, поразительной ясности, мастерству изложения и всестороннему охвату огромной проблемы. Равной ей нет книги в биологии.

Основная и величайшая заслуга Дарвина в естествознании состоит в утверждении эволюции органического мира.

На основе колоссального материала Дарвин устанавливает преемственность в развитии организмов. Исчерпывающим образом для своего времени он обосновал факт эволюции и окончательно разрушил господствовавшую до него теорию постоянства видов. Вместо теологического объяснения им устанавливаются «простые начала, по которым возникали и продолжают возникать несметные формы — изумительные, совершенные и прекрасные». Дарвин вскрыл, как он сам пишет, «основные закономерности, по которым из свирепствующей природы, войны, голода и смерти непосредственно возникают самые высокие результаты, которые ум в состоянии охватить, образование высших форм животной жизни». В сознании бессилия останавливался перед совершенством организмов натуралист прошлого. Дарвин дал поразительные по простоте объяснения бесчисленным фактам изумительного совершенства организмов. Он впервые вводит исторический метод в понимание биологических процессов.

По характеру избегавший коллизий, стремившийся даже в рели-

гиозных вопросах обойти углы, итти на компромиссы, Дарвин фактами утвердил в основном материалистическую теорию в биологии. Для тех, кто хочет видеть происхождение видов путем естественного отбора, это безапелляционная ликвидация божеского начала и метафизики в биологии. Дарвинизм же — учение Дарвина — есть целостная в основном материалистическая биологическая теория, увязывающаяся с марксизмом, подтверждающая его и, наоборот, от него получающая свое подтверждение. Как марксизм дал стройную материалистическую теорию общественного развития, так дарвинизм положил начало материалистическому пониманию развития в органическом мире.

Несмотря на неотразимую аргументацию, которая сразу привлекла всех наиболее свободных от предубеждений, учение Дарвина встретило ожесточенное сопротивление со стороны реакционеров. Эволюционное учение затрагивало не только ботаников и зоологов; оно нарушило покой людей, совершенно чуждых естествознанию, затронутых за живое смелыми, дерзкими мыслями.

Клерикальные круги быстро поняли, что в учении Дарвина, в маленькой зеленой книжке с специальным биологическим заглавием, подрывается вера в божественное происхождение жизни и, что особенно существенно, самого человека, ибо по существу дарвинизм устанавливал естественные законы, по которым жизнь, возникши некогда на земле из неживого, проделала длинный и сложный путь развития, приведшего к появлению ныне населяющих землю растений, животных и самого человека.

Развертывается борьба за эволюционную идею. На съезде Британской ассоциации в 1860 г. на диспуте по эволюции выступает епископ оксфордский со всей аргументацией, которую только можно было ожидать от представителя метафизики и теологии. На долю Гексли в Англии, Аза Грея в Америке, Эрнеста Геккеля в Германии, а у нас К. А. Тимирязева выпала роль апостолов эволюционного учения, борцов за учение Дарвина.

С исключительным остроумием и эрудицией защищал Гексли учение Дарвина. Смелый Геккель со всей прямотой развивает идеи филогенеза. Блестящие статьи К. А. Тимирязева и Гексли доныне представляют лучшее изложение дарвинизма. Редко в естествознании великие идеи имели таких блестящих адвокатов.

Вся вторая половина XIX в. заполнена борьбой за дарвинизм. Корни антидарвинизма находятся в религии. Телеологизм облекается в форму витализма.

Борьба за эволюционную идею продолжается и сейчас. До сих пор еще в САСШ имеются университеты, в которых запрещено преподавание эволюционного учения.

Загнивающий капитализм ведет бешеную борьбу против на-

учной биологии, но дарвинизм быстро завоевывает позиции в биологии.

Великая идея эволюции уже проникла в естествознание. Разбиты оковы метафизики. Открылся необъятный простор для исследовательской работы. Эволюционная мысль придала новый смысл и интерес всем зоологическим и ботаническим исследованиям. Открылись целые контингенты фактов, полных глубокого смысла и значения. Работа систематика получила новые импульсы, новый смысл, связуясь с вопросами генезиса, филогении. Факты получили новую значимость. Если Линней знал 10 тыс. видов растений и животных, то ныне число описанных видов определяется миллионами. Вьяллетон (1929) насчитывает вместе с ископаемыми формами около 8 млн. видов. Одних ныне существующих растений насчитывается до 250 тыс: видов, и число это далеко не окончательное. Тысячи исследователей начинают работать над отдельными ветвями эволюционного учения; вырастают новые дисциплины, пронизанные эволюционизмом: эмбриология, сравнительная анатомия, палеонтология растений, которые по существу являются частями эволюционного учения. Познавательные способности растут, развивается физиология растений и животных. Идея эволюционизма проникает в медицину.

Так вырастает колоссальное здание биологических наук, проникнутых единой целостной идеей эволюции. Факты эволюции утверждаются в пространстве и во времени.

Дарвинизм нанес смертельный удар витализму. Вряд ли найдется натуралист, который сможет ныне выступать против эволюционного учения. Тем не менее виталистические идеи живы и в той или другой форме появляются время от времени в биологических науках.

В 1922 г. с критикой дарвинизма выступил наш известный зоолог и географ С. Л. Берг, опубликовавший книгу «Номогенез или эволюция на основе закономерности» (1922 г., английское издание 1926 г.). Не отрицая эволюционного учения Дарвина в целом, Берг попытался противопоставить дарвинизму, селекционной идее факты закономерной изменчивости, старательно, с огромной эрудицией собранные им среди животных и растений. Наиболее интересная группа фактов, проводимая им, так называемые явления параллельной изменчивости, по существу однако не только не противоречат дарвинизму, но подтверждают и развивают его. Такие факты были известны частично и самому Дарвину. Они установлены в огромном количестве при изучении культурных растений и названы нами «законом гомологических рядов». Такого рода параллельная изменчивость обусловливается прежде всего генетическим единством — родством, появляясь отчетливо у близких родов и видов. У конвергирующих отдельных семейств (на-

пример кактусы и молочаи) оно связано в значительной мере со сходными условиями среды. При этом параллелизм у разных видов, родов конечно не является абсолютным и замкнутым. Исследования изменчивости культурных растений и ближайших к ним дальних родичей показывают колоссальную амплитуду различий внутри вида, охватывающую сотни признаков, представляя огромные возможности для отбора. Самое сходство изменчивости является одним из доводов в пользу учения об эволюции, ибо характер изменений наряду с условиями среды определяется специфической природой организмов, и поэтому параллелизм родственных видов и родов отнюдь не представляется неожиданным явлением. Гораздо страннее было бы, если бы большинство признаков проявлялось бы только у одного вида.

Попытка Берга объяснить явление вымирания организмов помимо внешних причин автономическими причинами, так же как сведение закономерностей в формообразовании к автогенезу, стирает грань между номогенезом и. витализмом. Весьма мало убедительно в свете известных фактов утверждение Берга о том, что виды происходят сразу, путем крупных мутаций, на больших территориях на массах индивидуумов. Неубедительна выдвигаемая в противовес Дарвину идея множественного происхождения видов (полифилитизм). То, что ныне представляется полифилитичным, могло в прошлом иметь общие корни.

Критические выступления против дарвинизма со стороны некоторых крупных генетиков, например Бетсона, главным образом состоят в указании трудностей конкретно, в свете современных экспериментальных генетических данных, объяснить начальную динамику происхождения и обособления видов. При этом обычно забывается, что эволюционный процесс происходит в пространстве и во времени, при этом нередко он связан даже для современных видов с огромными сроками.

В то же время и скептический генетик, бессильный что-либо противопоставить дарвинизму, должен сознаться, что единственную до настоящего времени научную материалистическую попытку объяснения эволюции представляет теория естественного отбора. В последнем издании своей книги «Введение в изучение наследственности» (1930) известный генетик Эрвин Баур пишет: «В отношении простоты и малочисленности допущенных вспомогательных предположений теория отбора является идеалом учения, призванного объяснить такой невероятно сложный процесс, как эволюция, и в том числе прежде всего происхождение целесообразности».

Переходим к четвертому периоду в развитии биологии. Если вторая половина XIX в. посвящена была главным образом разработке доказательств эволюционной теории и развитию биологических дисциплин, проникнутых эволюционной идеей, то XX в.

открывает новый этап — экспериментального изучения эволюционного процесса. Уже Дарвину для его концепции эволюционной теории нужен был эксперимент. Дарвин тщательно изучал селекцию домашних животных и культурных растений. Его двухтомное сочинение «Изменчивость прирученных животных и растений» и поныне представляет фундаментальный свод знаний по отбору, по происхождению культурных растений и животных. В последние годы жизни Дарвин вместе со своим сыном Френсисом, впоследствии известным физиологом растений, приступает к экспериментальному изучению изменчивости. Еще раньше он проводит обширные опыты по гибридизации. Приходится изумляться огромному труду Дарвина, проникнутому в то же время основной великой идеей.

Эволюционный процесс в органическом мире слагается из изменчивости организмов, наследственности и отбора. Исследования прошлого главным образом констатировали факты эволюционизма, преемственности в развитии видов, намечая филогенетические отношения. Растущие практические задания по овладению животными и растениями приводят исследователя к углублению познания изменчивости и наследственности организмов. Начало XX в. ознаменовано крупными открытиями законов наследственности и установления значимости явления мутаций у животных и растений в смысле формообразования. Углубление в теоретическую разработку проблемы эволюции и в неменьшей мере в практические запросы селекции приводят к постановке широких экспериментальных исследований по изменчивости и наследственности; закладываются основы новой научной дисциплины — генетики.

Биология вступает в век эксперимента. Физиологические исследования перебрасываются на явления размножения; из описательной морфология становится все более экспериментальной наукой. В свете экспериментальных генетических данных становятся доступными пониманию отдельные моменты, слагающие эволюционный процесс. Связь генетики с практической селекцией обусловливает широкий размах генетических исследований. Генетика становится одной из наиболее активных частей современной биологии.

Не прямым путем идет история. В сужении, свойственном экспериментальной работе, обрываются иногда нити, связывающие целое с частью. Генетика, выросшая как ветвь эволюционного учения, временами пытается оторваться от эволюционизма и создать свою собственную, замкнутую систему, оторванную от общей эволюционной идеи. В современной генетической литературе появляются заявления о том, что эволюция — это одно, а генетика — другое. Что это далеко не так, показывает одна из важнейших книг последнего периода «Проблемы генетики» Бетсона (1913),

автора самого термина «генетика». Его «Проблемы генетики» сплошь состоят из глав, посвященных эволюционным вопросам, как понятие вида и разновидностей, заходящие формы, географические и климатические расы. В генетических журналах большое число работ посвящено по существу эволюционным и селекционным вопросам.

Игнорирование эволюционного учения делает даже крупнейших экспериментаторов-генетиков теоретически беспомощными, приводит их к признанию абсолютной контактности генов — носителей наследственности — порочному метафизическому кругу, из которого нет выхода. Учение о «чистых линиях» Иогансена, при всей его огромной практической значимости, как показали исследования последних лет, нуждается в коррективах даже у самоопыляющихся растений. В свете диалектики понятие о чистых линиях селекции или генетики не может быть иным, как относительным, что отнюдь не умаляет его теоретического и практического значения.

Ход событий, диалектика фактов во всякое время сильнее метафизики. Исследователь неумолимо и неуклонно вовлекается в экспериментальные исследования эволюционного процесса, продолжая дело Дарвина.

После моментов разрыва мы входим снова в период установления тесной связи экспериментальных исследований с разработкой эволюционных проблем. В последнее время одна за другой появляются работы, посвященные эволюции в свете данных генетики. Весь смысл генетических исследований во всяком случае в овладении формообразованием и в освещении эволюционного процесса.

Для нас эволюционная теория является одной из теоретических основ диалектико-материалистического мировоззрения в решении конкретных огромных задач, выдвигаемых социалистическим земледелием. Заданием наших дней является овладение управлением животным и растением, мы хотим управлять организмами так же, как и средой, меняя их по воле экспериментатора, преобразовывая их в те формы, которые нужны для производства. Генетика и селекция вовлечены в работу по овладению формообразовательным процессом. В масштабах, доступных только крупному социалистическому производству, построенному на данных науки, мы должны научиться в короткий период изменять породы и сорта животных и растений соответственно нашим потребностям.

Нельзя представить себе серьезную исследовательскую работу с культурным растением или животным в отрыве от эволюционного учения. Достижения последних лет в области селекции и генетики по существу есть правильное использование и дальнейшее развитие учения Дарвина. Мы научились перегруппировывать наследственные свойства у близких пород и сортов, установили

законы, по которым происходит сочетание свойств; более того, генетика и селекция уже фактически решают вопросы отдаленной гибридизации. Перекидываются мосты через пропасти, которые отделяли еще недавно отдельные виды и роды. Генетик нашего времени научился получать плодовитые формы, скрещивая разные виды и роды.

Исследования происхождения культурных растений, проведенные в последние годы, дают новую базу для углубленного понимания эволюции культурных растений в пространстве и во времени и, — что самое существенное, — подводят нас к овладению видовой изменчивостью без практической селекции. Установление методов ускорения мутационного процесса открыло новые горизонты перед исследователем в смысле овладения формообразованием. Мы живем в период огромных сдвигов в смысле решительного вмешательства человека в управление растением и животным. XX в. повидимому суждено было быть преимущественно веком развития генетики, но не генетики узкой, оторванной от эволюционизма, а генетики как экспериментального изучения проблем происхождения эволюции, овладения формообразовательным процессом.

Идут крупные наступления и на других биологических фронтах, которые по существу также ведут к овладению животным и растением.

Физиология нашего времени делает решительные шаги к управлению растением и животным. В области эндокринологии установлены факты первостепенного значения по регулированию динамики развития животных организмов. Замечательные исследования школы И. П. Павлова подводят биолога к управлению процессами нервной системы — тайны тайн, на пороге которой остановился естествоиспытатель прошлого века.

В растительной физиологии последнего времени обнаружены факты первостепенного значения, определяющие возможность коренного изменения растения в смысле сдвижения фаз развития. Исследователь уже научился превращать поздние растения в ранние, заставлять тропические растения цвести и плодоносить на севере.

Физиолог и генетик идут в направлении, которое даст возможность, по выражению Тимирязева, «лепить формы» по произволу исследователя. В широком смысле, как это было предугадано Тимирязевым, наступает век экспериментальной морфологии, экспериментального формообразования.

Вся исследовательская работа с растением и животным должна быть пронизана идеями эволюционизма, ибо только на базе их возможно овладение организмами.

Вспоминая Дарвина, его величайшие заслуги в естествознании, цельность и последовательность его исследовательской работы;

оценивая его значение в историческом аспекте, мы обдумываем генеральный план биологических исследований, по которым должна пойти научная работа ближайших лет.

В превосходной статье «Столетние итоги физиологической работы» Тимирязев пишет: «Успеха в жизни достигает только тот, кто, поставив себе самые широкие задачи, умеет разбить ведущий к ним путь на этапы, чтобы следить за тем, насколько в течение каждого из этапов он успел приблизиться к далекой цели».

Величайшие заслуги Дарвина заключаются в том, что он открыл широкий простор общественного воздействия на изменение внешних условий существования, на изменчивость природы растений, животных и самого человека. Идея эволюции в биологии достигла беспримерных успехов. Особенно теория Дарвина дорога для нас, строящих социализм, который обеспечивает подлинное распространение дарвинизма и его дальнейшее развитие.

ДАРВИН И ЭВОЛЮЦИОННАЯ ТЕОРИЯ

Б. Завадовский

Юбилейная дата для буржуазии — это предлог для целого потока фальшивых фраз и неумеренных похвал, следующих мещанской традиции: о мертвых или ничего, или следует говорить только хорошее. Это способ борьбы за торжество реакционных идей против научной революционной теории и мировоззрения пролетариата. Для пролетариата всякий юбилей — это стимул для объективной оценки пройденного пути и для руководства к действию на будущее, это способ упрочения своего подлинно научного мировоззрения.

Эту задачу мы должны больше всего помнить и сегодня, когда мы отмечаем пятидесятилетие со дня смерти Дарвина, одного из тех, основы учения которого вошли как существенное звено в источник построения единого диалектико-материалистического мировоззрения.

Историческая заслуга Дарвина состоит прежде всего в том, что Дарвин подорвал в корне религиозные представления о постоянстве видов, разрушил идею о божественном происхождении человека. Она состоит также в том, что, по блестящему выражению Маркса, он нанес смертельный удар телеологии, разъяснив рациональный смысл органической целесообразности в природе. И наконец заслуга Дарвина заключается и в том, что он эти идеи, эту работу осуществил на стихийно материалистической основе. Он дал концепцию движущих факторов эволюции, причем он эту концепцию построил, сам того не сознавая, на раскрытии объективной диалектики природы, на осознании глубочайшего взаимодействия всех явлений природы и в частности организма и окружающей среды. Несомненной заслугой Дарвина является то обстоятельство, что он ясно отдавал себе отчет, насколько завоева-

ние идеи превращения, доказательства факта эволюции необходимо требовали также и раскрытия основных путей и движущих факторов эволюционного развития.

«Что касается вопроса о происхождении видов, — говорит Дарвин, — то вполне мыслимо, что натуралиста, размышляющего о взаимном родстве между органическими существами, об их эмбриологических отношениях, их географическом распределении, геологической последовательности их, подобные факты могли бы привести к заключению, что виды не были созданы независимо одни от других, но произошли, подобно разновидностям, от других видов. Тем не менее подобное заключение, хотя бы даже хорошо обоснованное, было бы неудовлетворительно, пока не было бы показано, почему бесчисленные виды, населяющие этот мир, изменились таким именно образом, что получилось то совершенство строения и приспособления, которое справедливо вызывает наше изумление» [1].

В своих поисках основных движущих причин и факторов эволюционного развития Дарвин стихийно подошел к раскрытию объективной диалектики процессов, протекающих в природе, и прежде всего сумел поднять на большую высоту понимание процесса видообразования как единого целостного процесса целостной природы. Мы находим у него ряд замечательных страниц, в которых он сумел возвыситься над грубой эмпирией непосредственно наблюдаемых фактов и раскрыть ту сложную картину взаимодействия и взаимозависимости, которая объединяет все явления природы в единую, целостную систему.

«Строение каждого органического существа, — пишет Дарвин, — самым существенным, хотя иногда и скрытым образом, связано со всеми другими органическими существами, с которыми оно приходит в состязание ради пищи и места обитания, которыми оно питается или от которых само ищет спасения. Это очевидно обнаруживается как в зубах и когтях тигра, так и в конечностях с прицепками паразита, цепляющегося за шерсть этого тигра. Но в прекрасно опушенной летучке одуванчика и в распластанной и отороченной ножке водяного жука, на первый взгляд, усматривается только отношение к стихиям. Но однако преимущество семян с летучками очевидно находится в соотношении с густотой населения страны другими растениями. Благодаря этому строению семена могут далеко разноситься и попадать на незанятую еще почву. У водяного жука ножки, приспособленные к нырянию, позволяют ему состязаться с другими водяными насекомыми, охотиться за добычей или становиться самому добычей других животных» [2].

---

[1] Дарвин, Происхождение видов, изд. 1907 г. Ленковского, стр. 65.
[2] Там же, стр. 115, 116.

И еще: «Когда мы глядим на травы и кустарники, столпившиеся на густо поросшем берегу, мы склонны приписать состав этой растительности и относительную численность ее представителей так называемому случаю. Но как превратно это мнение! Бросьте на воздух горсть перьев, и каждое из них упадет на землю согласно вполне определенным законам. Но как проста задача определить, где упадет каждое перышко, в сравнении с задачей выявить все действие и противодействие бесчисленных растений и животных, определившиеся в течение веков, состав растительности и относительную численность древесных пород, заглушивших древние и индийские развалины».

Развивая свои воззрения на базе этого целостного подхода к явлениям природы, вскрывая последовательно основные факторы наследственности, изменчивости и борьбы за существование и — как результат их комплексного действия — естественный отбор более приспособленных и вымирание менее приспособленных органических форм, Дарвин умел возвышаться в ряде мест до подлинного диалектического понимания идеи развития органической природы и до материалистической интерпретации факта относительной целесообразности живых существ как единства противоположностей и как результата этого сложного взаимодействия, существующего между организмом и средой.

Ему же принадлежит диалектическое определение понятия вида как законченной разновидности и разновидности как зачинающегося нового вида; им же дано блестящее определение относительности понятия уродства как одного из проявлений резкой изменчивости и блестящие строки, подчеркивающие роль и значение практики сельского хозяйства для развития теоретического исследования. Именно эти главнейшие концепции Дарвина определяют его место в научно-материалистическом мировоззрении марксизма и ту оценку, которая была дана Дарвину со стороны основоположников марксизма уже в первые моменты появления «Происхождения видов».

Вот что писал Энгельс уже через несколько дней после появления книги Дарвина в 1859 г.: «Дарвин, которого я как раз теперь читаю, превосходен. Телеология в этой области до сих пор еще не была разбита. Теперь это сделано. К тому же до сих пор еще не было сделано такой превосходной попытки доказать историческое развитие в природе, и меньше всего с таким успехом. Конечно приходится мириться с неуклюжей английской методой».

А Маркс, спустя некоторое время после того, продолжая мысль Энгельса, пишет Лассалю: «Очень ценное сочинение Дарвина и годится мне как естественно-историческая основа для исторической борьбы классов. Приходится конечно мириться с грубоватой

английской манерой изложения. Несмотря на все недостатки, в ней впервые не только нанесен смертельный удар телеологии в естествознании, но и эмпирически разъяснен ее рациональный смысл».

Эти определения и оценки основоположников марксизма остаются непоколебленными для нас и по сию пору. И сейчас мы видим в теории Дарвина одну из основ антирелигиозного научно-материалистического воззрения на природу и одну из основ для понимания объективной диалектики явлений живой природы.

Ряд частных моментов, развивающих и дополняющих эти основные мысли Дарвина, дополняют нашу оценку его творчества как одно из наивысших достижений буржуазного естествознания, стихийно-диалектический характер его трудов, подчеркивают пробивающиеся сквозь грубоватую английскую манеру изложения и эмпиризм, о которых пишут Маркс и Энгельс. Сюда мы относим то глубокое понимание связи теоретической и исследовательской мысли с практикой человеческой деятельности, которая сознательно привела Дарвина к тому, что он искал разрешения вопроса о факторах изменчивости видов в естественных условиях природы, в практическом опыте современного ему сельского хозяйства и в частности в опыте племенных заводчиков и селекционеров. У Дарвина же мы находим блестящие страницы, утверждающие могущество человека как творца новых форм, свидетельствующие о том оптимизме и вере в свои силы, которые хранили в себе прогрессивные круги буржуазного капиталистического общества в этот период еще продолжающегося относительного расцвета капитализма. Наконец вся концепция борьбы за существование в той мере, в какой она была разработана Дарвином в приложении к проблемам органической эволюции, носит в себе все черты глубокого проникновения в понимание жизни природы.

И все же, подчеркивая все эти положительные черты в творчестве Дарвина, определяющие собою революционное содержание и так сказать «вечное» значение его учения, — мы не должны просматривать те черты буржуазной ограниченности и эмпиризма, которые являются второй, не менее ярко выраженной характеристикой личности и творчества самого Дарвина и которые одни только делают понятной ту резкость, с которой и Маркс и Энгельс неоднократно возвращаются в характеристике Дарвина, к «неуклюжести его английской методы».

С сожалением мы должны констатировать, что Дарвин не сумел сам осознать во всем объеме значения своей теории, сделать все обязательные и необходимые выводы из своего учения и расширить свою идею органической эволюции до действительно целостного мировоззрения, до понимания единства и связанности всех форм движения и эволюции природы. Мы видим, как по от-

ношению к той же проблеме происхождения жизни как начального момента эволюции живых существ. Дарвин в последней главе «Происхождения видов» мучительно колеблется и не решается принять окончательный вывод, выбирая между идеей происхождения жизни из неорганической природы и какой-то иной формой иных путей возникновения жизни.

Ту же самую нерешительность, Дарвин проявляет и в смысле окончательного развернутого анализа высших моментов эволюции, т. е. в смысле распространения своего учения на эволюцию человека. Правда, для себя эту проблему Дарвин сумел решить, но превратить свое учение об органической эволюции в действительное оружие для других, для распространения последовательного материалистического мировоззрения — этого Дарвин к сожалению долго не решался сделать. И даже тогда, когда он подошел к разрешению этого вопроса, он остановился на моменте раскрытия биологических предпосылок, способствующих очеловечению обезьяны, т. е. он разрешил только одну часть проблемы биологической эволюции человека, — оставаясь этим на полпути. Только один из основоположников марксизма — Энгельс — эту задачу происхождения человека как процесса очеловечения обезьяны разрешил до конца.

Здесь Дарвин естественно проявил свою ограниченность идеолога буржуазии, не сумевшего осознать специфические черты социальной эволюции человека и тем раскрыть роль труда и биосоциальную природу факторов этой эволюции.

Наиболее характерны и наиболее знаменательны для нас те колебания, которые Дарвин проявил в смысле распространения выводов из своих построений на последовательное антирелигиозное материалистическое мировоззрение, на разрешение проблемы о месте творческого акта, о роли «бога» в системе природы.

В этом существеннейшем пункте, в котором должна была определиться степень последовательности и логической продуманности теоретических воззрений, Дарвин в своих интимных высказываниях останавливался на полпути между стыдливым агностицизмом и атеизмом, а в своих печатных и более официальных выступлениях открывал все возможности для отступления с позиций агностицизма на чисто деистические позиции. Именно эта двусмысленность в высказываниях Дарвина давала неоднократно повод поповщине изображать Дарвина как активного защитника религиозных мировоззрений.

Опубликованное год назад письмо Дарвина к Марксу, в котором он, скромно отклоняя от себя предложение Маркса прочесть корректуру двух глав «Капитала», в которых Маркс упоминает о дарвиновских концепциях, — достаточно ясно дает понять о своих атеистических тенденциях в следующих словах: «Будучи решительным сторонником свободы мысли во всех вопросах, я все-

таки думаю (правильно или неправильно — все равно), что прямые доводы против христианства и теизма едва ли произведут какое-либо впечатление на публику и что наибольшую пользу свободе мыслей принесет постепенное просвещение умов, наступающее в результате прогресса науки. Поэтому я всегда сознательно избегал писать о религии и ограничил себя областью науки. Впрочем возможно, что тут на меня повлияла больше чем следует мысль о той боли, которую я причинил бы некоторым членам моей семьи, если бы стал так или иначе поддерживать прямые нападки на религию» [1].

Гораздо менее известны широким кругам советской общественности те материалы, которые были опубликованы в свое время в воспоминаниях сына Чарльза Дарвина — Френсиса — и которые на общем фоне тех же атеистических (про себя) концепций Дарвина раскрывают одновременно его колебания и отсутствие мужества открыто и до конца сформулировать эти свои мысли. Френсис Дарвин приводит выдержки, написанные его отцом в 1876 г., но не вошедшие в официальный, опубликованный текст дарвиновской автобиографии.

«На борту «Бигль», — пишет Дарвин, — я был еще совершенно ортодоксален, и я помню, как некоторые офицеры надо мной смеялись, — хотя и сами были ортодоксальны, — что я считаю библию бесспорным авторитетом в некоторых пунктах морали. Я думаю, что их занимала новизна аргументов. Я же постепенно пришел к этому времени, т. е. между 1836 и 1839 гг., к тому выводу, что «Ветхому завету» можно верить не больше, чем священным книгам индусов...»

«Путем таких размышлений, которые я не считаю ни новыми, ни особо ценными, но которые имели на меня влияние, я постепенно перестал верить в христианство, в божественное откровение... Таким образом неверие подкрадывалось ко мне медленными шагами и в конце концов полностью овладело мной. Оно пришло так постепенно, что я не почувствовал никакого огорчения».

Из тех же воспоминаний Френсиса Дарвина мы можем видеть, что в своей интимной переписке Дарвин умел иногда формулировать свои атеистические воззрения и несколько более агрессивным образом. Так в письме к доктору Грею в июле 1860 г. Дарвин пишет: «Еще два слова «о предопределенных законах» и «непредопределенных результатах». Я вижу птицу, которая мне нужна для еды. Я беру ружье и убиваю ее. Я делаю это преднамеренно. И вот невинный хороший человек стоит под деревом, и его убивает молния. Верите ли вы, — и я действительно хотел бы это слышать, — что бог преднамеренно убивает его? Многие

[1] «ПЗМ» № 1—2, 1931 г.

или даже большинство этому верит. Я не могу и не верю. Если же вы верите в это, то думаете ли вы, что когда ласточка схватывает мушку, что бог предназначил, что эта данная ласточка должна поймать именно данную определенную мушку в данный определенный момент? Я полагаю, что человек и мушка находятся в одном и том же положении. Если смерть как человека, так и мушки не является предопределенной, я не вижу никакого основания верить, что их перворождение или создание должно быть необходимо предопределено».

И в то же время наряду с этими достаточно ясными формулировками мы видим, как тот же Дарвин топчется между определением своих позиций как атеистических и между позициями агностицизма, и как в то же время он пасует перед прямыми постановками вопросов со стороны своих многочисленных корреспондентов, не решаясь высказать им даже то, что он сумел до известной степени продумать для себя. Так в 1873 г. он отвечает одному голландскому студенту: «Невозможно кратко ответить на ваш вопрос, и я не уверен, что я смог бы это сделать, даже если бы я длинно написал об этом. Все же я скажу, что невозможность представить себе возникновение этого огромного и удивительного мира, а также и сознательных существ как результат случая, — является, мне кажется, главным аргументом того, что бог существует. Но действительно ли это достаточно веский аргумент, — я никогда не мог решить. Если мы даже допустим, что существует первопричина, наш ум все же будет пытаться понять, откуда она появилась и как она возникла. Я не могу также обойти другую трудность, — количество страданий, которое существует в этом мире. Я также принужден отмежеваться до некоторой степени от суждений, высказанных некоторыми достойными людьми, которые полностью верили в бога. Конечно это тоже очень слабый аргумент. Мне кажется, что лучше всего считать этот вопрос выше человеческого разумения. Но человек может выполнять свой долг».

В другом случае один из детей Дарвина отвечает на письмо немецкого студента в следующих словах: «М-р Дарвин считает, что теория эволюции вполне совместима с верою в бога, но надо помнить, что разные люди по-разному понимают то, что они разумеют под словом «бог».

И лишь на повторный запрос того же студента Дарвин более откровенно высказывает свое отношение к этому волнующему вопросу. Он пишет: «Наука не имеет никакого дела до христианства, кроме разве того, что научные изыскания научают быть осторожными к принятию вероятности. Что касается меня, то и я не верю, чтобы когда-либо было откровение. Что касается загробной жизни, то каждый должен сделать для себя выбор среди противоречивых туманных возможностей».

Из этих немногих цитат, взятых из краткой, но весьма поучительной главы воспоминаний Френсиса Дарвина, мы видим, что меньше всего в Чарльзе Дарвине, великом творце теории органической эволюции, мы в праве были бы искать представителя того боевого, воинствующего материализма, позиции которого уже были во время Дарвина со всей полнотой сформулированы в работах Маркса и Энгельса. Более того, в личной судьбе самого Дарвина мы видим одно из наиболее ярких подтверждений того сковывающего влияния и той печати буржуазной ограниченности, которые накладывались противоречиями капиталистической системы даже на крупнейшие умы буржуазного общества.

Те же элементы эмпиризма и эклектики мы обнаруживаем в трудах Дарвина при разрешении многих главнейших моментов его собственной теории. Так например, несмотря на ту огромную высоту, на которую Дарвин поднял понимание явлений органической природы по сравнению со своими предшественниками, сформулировавши идею развития как основу характеристики живой природы, Дарвин все же в отдельных местах вносит ряд таких ограничений, которые показывают, что он еще чрезвычайно далек от последовательного, диалектического понимания развития, движения и изменения как всеобщей категории и характеристики объективной действительности.

Он заявляет например: «Продолжительность времени сама по себе содействует и не препятствует естественному отбору. Заявляю это потому, что совершенно ошибочно утверждали, будто бы я придаю элементу времени всемогущее значение в процессе изменения видов. Как будто бы все жизненные формы неизбежно непрерывно изменяются в силу какого-то прирожденного им закона». (Подчеркнуто мной. — *Б. З.*)

На стр. 92 Дарвин пишет:

«Изменение жизненных условий крайне важно, так как вызывает изменение влияний на организм или непосредственно или косвенно через производительную систему. Невероятно, чтобы изменчивость была неизбежно присуща организму в каких бы то ни было условиях».

В другом месте он снижает диалектический смысл своего учения о естественном отборе как основного движущего и постоянно действующего фактора эволюции механическими условиями наличности или отсутствия свободных мест в природе. Так на стр. 136 «Происхождения видов» он пишет: «Я вполне допускаю, что естественный отбор действует с крайней медленностью. Он может действовать только тогда, когда в органическом строе страны открываются свободные места, которые могут успешно быть заняты видоизмененными

формами ее обитателей (подчеркнуто мной. — *Б. З.*). Положение таких свободных мест часто будет зависеть от изменения физических условий, на что обыкновенно нужно много времени, и от одновременного предотвращения эмиграции лучше приспособленных форм. Как только некоторые старые обитатели начнут изменяться, между остальными нарушается прежнее отношение, — а это создаст новые места для лучше приспособленных форм».

И далее (стр. 137): «Но я полагаю, что естественный отбор будет действовать очень медленно, только через длинные промежутки времени и только на небольшое число обитателей данной страны одновременно. Я полагаю далее, что эти медленно перемежающиеся действия отбора хорошо согласуются с тем, чему учит нас относительная продолжительность этого образа изменения бывшего населения земли».

С этими грубо эмпирическими формулировками вполне вяжется та настойчивость, с которой Дарвин отстаивал медленность и постепенность развития эволюционного процесса, где он заслуженно получил упреки со стороны своего друга и соратника проф. Гексли, упрекавшего его в недооценке возможных скачкообразных изменений. Тот же эклектизм и отсутствие самостоятельной строго продуманной точки зрения на систему мира в ее целостном восприятии объясняет и ту уступчивость, с которой Дарвин дополнял свои в основном правильные установки ламаркистскими принципами прямого влияния внешней среды и наследования приобретенных признаков. И совершеннейшим диссонансом и прямой уступкой мещански обывательским сантиментальным настроениям, напору окружающей его среды приходится рассматривать мысль Дарвина, которой он заканчивает свой блестящий, хотя и построенный на эмпирико-позитивистских основах анализ борьбы за существование. «Размышляя об этой борьбе, мы можем утешать себя мыслью, что эта война, которую ведет природа, имеет свои перерывы, что при этом не испытывается никакой страх, что смерть обыкновенно разит быстро и что сильные, здоровые и счастливые выживают и размножаются»(18).

Мы видим таким образом в Дарвине одного из крупнейших творцов и создателей идей, включенных в систему нашего мировоззрения, но мы были бы глубоко разочарованы, если бы ждали в нем найти того бойца, того воинствующего материалиста, который до конца сумел сделать все выводы из своего собственного учения.

Задумываясь над тем, в чем же основные причины, источники этой нерешительности, этих колебаний, этого эклектизма, этих противоречий Дарвина, мы должны сказать, что методологически эти ошибки проистекают из того глубокого пренебрежения, которое Дарвин проявлял к теоретической мысли, ко всяким задачам широкого обобщения, несмотря на то, что через его эмпирию, через

огромное многообразие фактов, которыми он оперирует в своих трудах, стихийно пробивается объективная диалектика природы. И действительно, когда вы берете работы Дарвина, то вы чувствуете, как этот эмпиризм, этот позитивизм, эта боязнь хотя бы несколько подняться над фактами, если только эти факты не настолько физически убедительны, что они обязывают сделать уже все необходимые выводы, довлеют над трудами Дарвина. И конечно это и вина и беда Дарвина, ибо Дарвин является сыном своей эпохи. Он был плодом тех исторических условий, при которых капитализм в момент своего полнокровного развития предъявлял естествознанию свой основной социальный заказ — накопление фактического технического материала, необходимого для углубления, для продолжения той промышленной и аграрной революции, на почве которой вырастал и которую в свою очередь питал этот промышленный капитализм.

Мы видим, с другой стороны, что здесь Дарвин был жертвой того положения, которое и по сию пору типично, характерно для представителей буржуазного естествознания и которое к сожалению еще не преодолено, не переоценено и представителями известной части нашей советской научной общественности, — это то, о чем прекрасно сказал Энгельс:

«Естествоиспытатели воображают, что они освобождаются от философии, когда игнорируют или бранят ее. Но так как они без мышления не могут двинуться ни на шаг, для мышления же необходимы логические определения, — а эти определения они неосторожно заимствуют либо из ходячего теоретического достояния так называемых образованных людей, над которыми господствуют остатки давно прошедших философских систем, либо из крох обязательных университетских курсов по философии (что приводит не только к оторванности, но и к мешанине из воззрений людей, принадлежащих к самым различным и по большей части к самым скверным школам), либо из некритического и несистематического чтения всякого рода философских произведений, — то в итоге они все-таки оказываются в плену у философии, но к сожалению по большей части самой скверной. И вот люди, особенно усердно бранящие философию, становятся рабами самых скверных, вульгаризированных остатков самых скверных философских систем» [1].

С этой именно стороны интересно отметить, что ни в трудах, ни в автобиографии Дарвина мы не находили никаких указаний, чтобы он когда-либо проявлял интерес к философии, к общим вопросам гносеологии и мировоззрения... если разве не считать его признания по поводу встречи с сэром Д. Мокинтошем

[1] Энгельс, Диалектика природы, стр. 25.

в 1827 г. «...я был невежествен, как поросенок, в тех вопросах истории, политики и нравственной философии, которые он развивал».

И наряду с этим огромная жадность к эмпирическим фактам, характерная для позитивиста, стойко стоящего на позициях — «наука сама себе философия». Поистине только объективная диалектика самой природы вещей и ясность мысли Дарвина способствовали тому, что Дарвину удалось с такой убедительностью сформулировать основные материалистические положения своего учения, разрывая оковы той вульгарной философии позитивистского эмпиризма, которому он старался служить всю свою жизнь.

Но совершенно понятно, что мы не усвоим действительных причин этих внутренних противоречий, характеризующих творения Дарвина, если не вскроем социально-экономические предпосылки и историческую обусловленность как самого открытия Дарвина, так и той обстановки, в которой развивалось в дальнейшем это эволюционное учение. Вопреки метафизическим традициям организаторов юбилеев, рассматривающих своих крупнейших представителей как нечто случайное, богом данное, возникающее как «вещь в себе» вне всякой связи и взаимодействия с окружающей социально-исторической средой, — мы не можем не рассматривать Дарвина и дарвинизм иначе, как необходимый продукт тех социально-экономических условий и классовых отношений, которые характеризовали его эпоху.

Открытие и быстрое восприятие дарвиновского учения в руководящих кругах буржуазной общественности было подготовлено всем развитием и ростом капиталистических отношений и промышленности именно и в особенности в Англии как передовой стране того времени. Не только внутренние стимулы, идущие из самого естествознания в виде накопления огромного количества фактов, не укладывающихся в рамки старых канонов, и сказки о шести днях творения, но и связанная с развитием этого естествознания техническая революция и борьба буржуазии как передового класса того времени против остатков феодализма и клерикализма, пытающихся утверждать предустановленность порядка вещей как в природе, так и в человеческом обществе, превращали идею органической эволюции не только в результат всего предшествующего исторического развития, но и в непосредственное орудие классовой борьбы.

Вот почему теория Дарвина, несмотря на первоначальное сопротивление со стороны клерикальных и научно-консервативных кругов, нашла себе столь быстрое признание и была даже подхвачена прогрессивными кругами буржуазии как идеологическое обоснование и оправдание капиталистической конкуренции и фритредерства. С другой стороны, связанная с развитием капитализма

аграрная революция в Англии, приведшая к созданию капиталистических фермерских хозяйств и к огромным успехам в области племенного животноводства и выведения новых растительных пород, подготовила и снабдила самого Дарвина богатейшим материалом для построения его теории искусственного и естественного отбора. В этом смысле слова дарвинизм в том виде, в каком он был сформулирован Дарвином со всеми его противоречиями, отражающими идеологические противоречия буржуазного сознания, являются не чем иным, как концентрированным выражением идеологической революции в буржуазном обществе в период относительного расцвета и полнокровного развития капитализма.

Историческая обусловленность основных концепций учения Дарвина наилучшим образом раскрывается тем фактом, что независимо от Дарвина те же основные положения были сформулированы его более молодым современником и сподвижником Альфредом Уоэллесом. Та же печать социально исторической обусловленности учения Дарвина раскрывается и тем применением, которое было намечено в трудах у самого Дарвина в смысле механического перенесения принципов борьбы за существование на жизнь человеческого общества. Эти идеи были впоследствии и притом чрезвычайно скоро развернуты в целое учение, получившее название социал-дарвинизма, долженствующее служить идеологическим обоснованием, якобы воспринятым из объективных законов природы, для социального неравенства и расового угнетения. Относительно менее решительно, но в достаточной мере ясно намеки на такое развитие своих идей даются самим Дарвином в его книге «Происхождение человека». Довольно ярко эти же мысли были сформулированы Дарвином в письме к Грехему от 3 июля 1881 г.

«Наконец я мог бы показать, — пишет Дарвин, — что естественный отбор дал и дает больше для прогресса цивилизации, чем, как мне кажется, вы склонны допустить. Вспомним, какой опасности избежало население Европы не так много столетий назад, избежавши турецкого ига, и насколько странна сейчас мысль о такой возможности! Более цивилизованные так называемые кавказские расы побили турок в борьбе за существование. Оглядываясь на мир за это довольно значительное время, — какое бесконечное количество низших рас было устранено более цивилизованными расами во всем мире». Эти формулировки Дарвина с гораздо большей классовой обнаженностью были развиты в 1892 г. Геккелем: «Дарвинизм, или теория подбора, является целиком аристократической, она основана на победе наиболее приспособленных». Дальнейшие шаги эволюционной теории чрезвычайно характерно раскрывают нам эту теснейшую связь и

взаимозависимость, которая пронизывает всю судьбу эволюционного учения, с судьбой капиталистического общества.

Не случаен тот факт, что еще в течение некоторого времени именно в Германии эволюционная теория получает свое дальнейшее наиболее глубокое развитие, где мы имеем Геккеля, который на волне растущего рабочего движения в Германии возглавляет антирелигиозное движение радикальных мелкобуржуазных слоев и в этом отношении выполняет прогрессивную роль, дополняя и развивая те идеи, на развитие которых у Дарвина нехватало личной смелости. Но из-за этого не надо забывать, что тот же Геккель как истинный сын своего класса в дальнейших своих выступлениях по мере обострения классовой борьбы выступает как один из идеологов социального дарвинизма, провозгласивши лозунг, что дарвиновская идея борьбы за существование является аристократическим принципом и говорит против социалистического движения.

Не случаен тот факт, что именно в Германии в работах Вейсмана мы имеем попытку высвободить дарвиновскую идею эволюции от эклектических наслоений, проистекающих из объединения дарвинистских и ламаркистских положений в трудах самого Дарвина. Но не случайно и то, что Вейсман эту работу производит на метафизической основе, и, развивая односторонне одну из идей Дарвина, он приходит к тому, что отрывает организм от окружающей его среды, метафизирует принцип самодвижения внутренних факторов, определяющих собой эволюцию организма, и в конечном итоге превращает дарвинизм в его собственную противоположность, т. е. дарвинизм теряет свое значение как целостная система раскрытия факторов, определяющих собой единство организма и окружающей его среды как единственно возможных факторов эволюции организма.

Мы видим, как все дальнейшие попытки, возникающие в пределах буржуазной науки и преследующие цель поправить, дополнить или двинуть дальше эволюционную идею, неизбежно оказываются обреченными на фактическое отступление даже от тех принципов учения Дарвина, которые были сформулированы в работах Дарвина. Мы видим, как на почве того соображения, что Дарвином не были достаточно раскрыты причины изменчивости, а с другой стороны — как на почве нарастающей угрозы рабочего движения, которая переполняла буржуазию страхом перед тем же самым принципом борьбы за существование, который был сформулирован Дарвином, — вырастают попытки исправить Дарвина, уничтожив элиминировавший его основной принцип борьбы за существование, и мы видим, как на неоламаркистских позициях делается попытка сохранить еще эволюционную идею, но на антидарвинистских основах.

То, что здесь мы имеем несомненно социально-исторический процесс, обусловленный обострением классовой борьбы, это особенно разоблачается в том новейшем выступлении нашего советского антидарвиниста — проф. Берга, по поводу работ которого нужно раскрыть яснее скобки, ибо к сожалению опять-таки не всем кругам советской общественности достаточно ясны те мотивы, которые подсказали проф. Бергу его выступление с теорией моногенеза. Ведь нашей общественности больше известен большой, капитальный труд проф. Берга, в котором он с высоты книжной учености пытается опровергнуть дарвинизм на основе того внешне убедительного и обманувшего к сожалению даже кое-кого из марксистской среды аргумента, что теория эволюции Дарвина построена на принципе случайности, между тем как это подлинно научное объяснение природы требует объяснения эволюции на основе закономерности. Но меньше всего еще известно советской общественности, что проф. Берг в Берлине издал небольшую брошюру, посвященную проблеме эволюции, в которой он, ссылаясь на свой большой толстый труд, утверждает, что поскольку в этом большом труде якобы доказано, что борьба за существование уже перестала быть опорой для революционных идей и перестала уже быть фактом и фактором эволюции, то следовательно и в человеческом обществе следует уничтожить борьбу, а строить человеческие отношения на взаимопомощи и на факторе любви к ближнему.

Мы видим, как под флагом книжной учености буржуазный ученый выполняет социальный заказ своего класса, как он эти антидарвинистские, псевдонаучные выступления фактически сознательно рассматривает как орудие классовой борьбы, как орудие против наступления пролетариата.

Но отвлечемся на минуту от классового смысла этих антидарвинистских, откровенно контрреволюционных концепций и постараемся проанализировать и понять, в чем обреченность и несостоятельность неоламаркизма, оцениваемого с точки зрения материала и проблематики самой биологической науки.

В чем основные тезисы ламаркизма?

Наряду с отрицанием роли естественного отбора как основанного на якобы ненаучном понятии случайности изменений в природе, неоламаркизм выдвигает три основных положительных тезиса: 1) групповой и адекватный характер изменений организмов в ответ на тождественное влияние внешней среды; 2) приспособленность и целесообразность этих изменений и 3) зеркальное наследование приобретенных соматических признаков.

Мы не будем здесь останавливаться на том обстоятельстве, что в последнее время идея наследования приобретенных признаков, одинаково разделяемая как психо-, так и механоламаркистами, потеряла всякую экспериментальную базу, хотя мы и наблюдаем еще то тут, то там повторяющиеся попытки подтвердить факты и возродить идеи Каммерера в работах Мак-Брайда или в работах И. П. Павлова и Дугала с наследованием приобретенных навыков у белых мышей, недоказанность которых была вскоре признана самим Павловым. Мы остановимся здесь на методологической оценке всей концепции ламаркизма. Это тем более необходимо, что только недостаточной теоретической и методологической вооруженностью представителей современного эмпирического естествознания можно объяснить повторные и безнадежно неудачные попытки найти положительное решение идеи наследования приобретенных признаков.

Существует глубоко ошибочное представление, будто материалистическое мировоззрение на природу вещей обязывает нас упрощенно сводить все многообразие явлений и закономерностей природы к простейшим явлениям физики и механики, и в частности якобы материалистические позиции в биологии требуют объяснения сложных явлений биологии в физико-химических терминах. Исходя из этой ложной предпосылки, механико-ламаркизм, ссылаясь на свой принцип «физико-химического влияния среды» как на универсальную причину явлений изменчивости и как на основной движущий фактор эволюции, претендует на роль монопольного представителя последовательного материализма в области биологии. В противовес представлениям вульгарных материалистов, диалектический материализм Маркса, Энгельса и Ленина, утверждая объективную реальность и единство изучаемого нами мира, подчеркивает в то же время со всей силой чрезвычайное многообразие этой действительности и качественное своеобразие всех тех материальных процессов и связывающих их закономерностей, которые характеризуют различные стадии развития материи. Именно с этой диалектико-материалистической точки зрения биологические явления не только не сводимы к физико-химическим или механическим закономерностям неорганической природы, хотя и включают их в себя как слагающие элементы, но и в собственных пределах биологических процессов дают тысячи разнообразных и качественно отличных друг от друга закономерностей, не сводимых друг к другу и тем более к простым законам механики. Если в пределах одних только химических явлений неорганической природы кислород и водород, образуя единую молекулу воды, теряют свои собственные характерные для этих элементов физические и химические закономерности и на их основе вырастают качественно новые физические и химичес-

кие свойства воды, то тем более жизнь, возникшая в процессе исторического развития материи из неорганической природы, представляет собой не просто сумму физических закономерностей, но качественно новую своеобразную систему закономерностей и свойств. «У естествоиспытателей, говорит Энгельс, движение всегда понимается как = механическому движению, перемещению. Движение в применении к материи — это изменение вообще. Из этого же недоразумения вырастает яростное стремление свести все к механическому движению, — уже Грове сильно склонен думать, что прочие свойства материи являются видами движения и в конце концов будут сведены к ним, чем смазывается специфический характер прочих форм движения. Этим не отрицается вовсе, что каждая из высших форм движения связана всегда необходимым образом с реальным механическим (внешним или молекулярным) движением, подобно тому как высшие формы движения производят одновременно и другие виды движения: химическое действие невозможно без изменения температуры или электричества, органическая жизнь невозможна без механических, молекулярных, химических, термических, электрических и т. д. изменений. Но наличие этих побочных форм не исчерпывает существа главной формы в каждом случае. Мы несомненно сведем когда-нибудь экспериментальным образом мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но исчерпывается ли этим сущность мышления». А между тем из этой ложной предпосылки необходимости сведения более сложных биологических явлений к более простым физическим законам вытекают все дальнейшие логические и методологические ошибки ламаркизма. В самом деле, настаивая на групповом характере изменений данной популяции в ответ на влияние внешней среды, ламаркист перестает видеть за фетишем физических процессов внешней среды всю сложность тех внутренних столь же материальных, но качественно своеобразных закономерностей, которые присущи самому организму как таковому, забывает наконец, что эта живая органическая система имеет свою собственную историю развития.

Организм нельзя представлять себе как аморфную систему, пассивно плывущую в волнах физических влияний внешней среды: жизнь обладает и собственным движением независимо от непосредственных толчков, полученных извне. Организм постоянно изменяется, и следовательно то или иное воздействие внешней среды на находящийся в постоянном развитии организм должно определяться не столько характером этого действующего физического фактора, сколько теми сложными внутренними материальными условиями, которые существуют в самом организме.

Продолжая ту же нить мыслей, мы легко поймем также логическую и методологическую несостоятельность идеи наследо-

вания приобретенных признаков. Эта идея включает в себя молчаливое допущение тождественности реакций соматического футляра и развивающейся зародышевой клетки в ответ на одно и то же влияние среды. Этим сразу «снимается» всякое понимание того глубокого различия, которое существует между яйцом, лишь несущим в себе потенциальные возможности дальнейшего развития в сложный организм, и развившимся организмом в его реальном осуществлении. Отождествляя яйцо будущего организма и его осуществление, не понимая качественного своеобразия и взаимоотличия этих двух исторически связанных между собой систем, допуская возможность тождественности реакций их на одно и то же воздействие внешней среды или в зависимости от «физиологического» фактора упражнения органа — ламаркизм приходит к отрицанию самого факта развития, предполагая, что яйцо является не чем иным, как уменьшенной моделью будущей морфы, а процесс развития сводя фактически к функции роста. Не спасает здесь и попытка прикрыться соображениями физиологического преломления влияний внешней среды в системе организма через посредство соматического футляра. К столь же неверным результатам приходит попытка ламаркистов разрешить проблему органической целесообразности, минуя принцип отбора и противопоставляя факту закономерности и случайности изменений — идею адекватности и приспособительности изменений организма в ответ на влияние внешней среды. Если в первых своих положениях, разобранных выше, ламаркизм во имя фетиша внешней среды забывает специфическое своеобразие и сложность «биологического», то здесь проблема целесообразности из области рационального изучения сложных взаимоотношений, устанавливающихся между организмом и внешней средою, его обитания, — переносится внутрь самого организма, причем свойство или способность целесообразно реагировать на влияние внешней среды в выгодную для организма сторону рассматривается как изначальное физико-химическое свойство живого вещества». Совершенно очевидно, что за этой внешнематериалистической теорией целесообразности стыдливо скрывается малоприкрытая виталистическая идейка об имманентно присущем жизни свойстве целесообразно, т. е. продуманно и сознательно, реагировать на влияние внешней среды. Этим проблема целесообразности ни в какой мере не разрешается, но лишь совершается некий словесный трюк, при котором именно то, что еще требуется объяснить, берется как предпосылка для всего объяснения. Мы видим, что механоламаркизм смыкается в своем логическом развитии с собственным формальным антиподом, т. е. с явно идеалистическими и виталистическими концепциями психоламаркистов. С этой стороны мы склонны рассматривать психоламаркизм как логически более последовательную и

стройную систему, сознающую свои цели и знающую свой путь, хотя эта система и расходится диаметрально с позициями диалектического материализма.

Критика неодарвинистских теорий

Итак мы видим, что ламаркистские концепции как в своей явно идеалистической форме психоламаркизма, так и в форме вульгарноматериалистических попыток свести «биологическое» в процессе органической эволюции к физическому влиянию внешней среды или к «механико-физиологическим» свойствам жизни, не выдерживают силы фактов и методологического анализа. Совершенно очевидно, что истинное решение проблем органической эволюции должно быть дано через дарвинизм, исходя из позиций диалектического материализма. Вместе с тем нельзя не видеть также те глубокие противоречия, в которые зашли сторонники неодарвинистских направлений, начиная от его основателей Вейсмана и кончая современными генетиками, воспринявшими идеи Вейсмана в наши дни. Вейсман безусловно выполнил и положительную историческую роль своей четкой постановкой идеи «независимости» зародышевой плазмы и самостоятельности зародышевого пути указав на специфичность условий, требующих своего учета при изучении законов индувидуального развития сомы в отличие от процессов видообразования. Однако ему оказалось не под силу разрешить проблему взаимоотношения «физического» и «биологического», в результате чего он, меняя свои формулировки, то метафизически противопоставлял организм внешней среде, ища источник новообразований исключительно во внутренних перегруппировках наследственных биофоров или амфимиксисе, приписывая зародышевой плазме свойство абсолютного постоянства и устойчивости по отношению к влияниям внешней среды, то, наоборот, довольно широко допускал вмешательство внешней среды в виде параллельной индукции, фактически уничтожая этим глубокий методологический смысл и значение им же выдвинутой идеи о качественном своеобразии и отличии, существующем между строением яйца и полученной из него морфы. То же отсутствие твердой методологической базы привело к тому, что первые неудачи генетиков с их попытками экспериментального получения мутаций укрепило их на метафизических позициях абсолютирования идеи независимости зародышевой плазмы, рассматривая эволюцию как результат спонтанно-возникающих мутаций, истинные причины которых лежат вне влияния внешней среды и остаются еще пока неизвестными и недоступными исследованию.

«Подводя итоги, — пишет один из наиболее ярких русских представителей буржуазной генетики проф. Филипченко, — можно

сказать, что, согласно данным генетики, основным фактором эволюции приходится признать явление мутации (разрядка автора), ибо только этим путем и возникают новые наследственные свойства. Когда изменения уже совершились, начинают действовать и факторы второго порядка: образование новых комбинаций и подбор». И далее: «Каким же образом произошли характерные признаки родов, семейств, отрядов, классов и типов, этого мы совершенно не знаем, и вообще вся эта и притом наиболее важная сторона эволюционного процесса является для нас совершенно открытым вопросом, разрешение которого есть дело будущего».

Так мы видим, что, взяв в основу своих построений теоретические соображения неодарвиниста Вейсмана, современная генетика возвращается к той же идее автономных сил мутационной изменчивости, отводя всемогущему отбору Вейсмана роль подсобного фактора и заканчивая признанием собственного банкротства в отношении основной проблемы эволюции, поскольку для нас остается открытой проблема образования родов и других высших классификационных групп.

Логическим завершением того тупика, в котором оказалось эмпирическое естествознание, игнорирующее методологические установки, отказавшись от философии якобы за ее ненадобностью, являются те позиции полной безнадежности, которые звучат в высказываниях Иогансена: «Таким образом проблема эволюции представляет в действительности совершенно открытый вопрос... И пока мы совершенно не имеем отвечающей современным запросам теории эволюции».

Выводом из всего этого является ярко и откровенно занятая Филипченко и рядом других буржуазных ученых-идеалистов позиция агностицизма и дальнейшее скатывание на позиции антогенеза.

Что касается участия внешней среды в процессах видообразования, то Филипченко полагает, что «в своей наиболее общей форме учение эктогенеза относится скорее к области веры, чем точного знания».

Мы видим таким образом, как позиции вейсманизма, утверждающие абсолютную независимость зародышевой плазмы и тем самым метафизически противопоставляющие «биологическое» «физическим» свойствам внешней среды, в своем логическом развитии смыкаются с автогенетическими позициями ламаркизма, для опровержения которых они были первоначально призваны к жизни.

Лишь дальнейшим развитием той же линии идей является позиция родоначальника неодарвинизма Уоллеса, который сознательно пытался включить в процесс органической эволюции вмешательство некоего высшего начала, или позиции Бетсона, склонявшегося к той же виталистической точке зрения, непосред-

ственно смыкаясь тем самым с фидеизмом и телеологией. Нам кажется, что трудно указать более яркие образчики того безысходного кризиса, который переживает современное буржуазное естествознание, чем беспомощные попытки разрешить эту проблему физического и биологического как в применении к общей проблеме органической эволюции, так и в применении к более частным проблемам эмпирического естествознания.

Буржуазная ограниченность и классовая природа этой научной теории раскрываются перед нами во всей силе в дальнейшей судьбе эволюционного учения после Дарвина. Если уже в трудах самого Дарвина внутренние противоречия капиталистической экономики и та угроза, которая назревала самому существованию капиталистического строя в лице пролетариата, подсказывали Дарвину его постоянные оговорки и уступки требованиям буржуазного общества, — то эти противоречия еще больше сказываются по мере обострения и загнивания капитализма в наши дни. Общий смысл и направление мысли, которые были даны Дарвиным даже и его незаконченных и несовершенных с точки зрения требований диалектического материализма формулировках, оказываются тем не менее слишком революционными и слишком опасными для существования капиталистического общества. Вот почему мы видим в современной буржуазной науке многочисленные попытки подправить и извратить учение Дарвина в нужном для буржуазии направлении. Общим признаком всех этих попыток является стремление разными путями выхолостить революционное содержание дарвинизма, сохраняя внешне позиции полного уважения и пиэтета к науке и ее правам, или же (и эти последние тенденции оказываются тем разнузданнее и тем откровеннее, чем глубже идут процессы загнивания капитализма) прямого отрицания и преследования эволюционной идеи в самых ее первоначальных корнях, ибо для многих защитников существующего порядка даже малейшие факты против библейских сказок являются уже угрозой для устойчивости и незыблемости капиталистической системы.

Наиболее наглые и ярко выраженные формы эти симптомы всеобщего загнивания капитализма получили в проскрипционных актах против эволюции, принятых в ряде американских штатов, и в знаменитых «обезьяньих процессах», осудивших ряд педагогов и ученых, осмелившихся преподавать в школах и университетах «просвещенной» Америки элементарные положения эволюционной теории Дарвина.

Не повторяя уже ранее освещенные нами факты, раскрывающие классовую подоплеку этих «обезьяньих процессов» [1], отметим здесь лишь основные моменты, характеризующие глубокий идео-

[1] См. мою брошюру «Моисей или Дарвин», изд. «Безбожник», 1926 г.

логический кризис и классовую буржуазную природу науки, буржуазного общества, знание которых должно получить самое широкое распространение в кругах советской пролетарской общественности и которые необходимо упомянуть в частности в связи с отмечаемым нами юбилеем.

Основные установки и мотивировки запрещения эволюционной теории с полной откровенностью и ясностью сформулированы в билле, подписанном 23 марта 1925 г. губернатором штата Тенисси. «Должно считаться незаконным для всякого преподавателя университетов, нормальных школ и всех других общественных школ штата, которые содержатся целиком или частью за счет его школьных фондов, преподавать теорию, которая отрицает историю божественного происхождения человека, как она излагается в библии, и учит вместо этого, что человек происходит от животных низшего порядка».

Еще более обнаженно сформулирован был социальный заказ буржуазных мракобесов в заявлении одного из «экзекуторов», выступавшего по делу д-ра Фокса: «Чего приблизительно хотят баптисты Георгия,— заявил этот «моральный экзекутор»,— так это следующее: после того как профессор отметит предположение науки по тому или иному вопросу, он должен взять экземпляр библии, прочесть то, что по этому поводу имеет сказать библия, и заявить, что библии принадлежит последнее и решающее слово».

Явно классовая подоплека всего этого движения нашла свое хотя и несколько смягченное признание в статье такого, даже ярко буржуазного естественно-научного журнала, каким является английский «Nature»: «Дело против дарвинизма,— говорится в этом журнале,— находит себе поддержку с той стороны, что встречают возражения ее выводы об общности предков негров и белой расы. Влияние этого аргумента не так определенно, но характерно, что все шесть штатов, предпринявши активные меры против эволюционной теории, находятся на юге».

Те позиции, которые хотелось бы отстоять американским буржуазным шовинистам, выражены в следующей формуле: «Негры — животные без души, и они образуют верхушку в семье обезьян. Верящие в ноев потоп, утверждают, что негры не могли ни в коем случае изменить свой первоначальный белый цвет кожи так быстро, как это было бы необходимо для объяснения их раннего появления после потопа в истории Египта. Если же негры не произошли от Ноя, то свидетельство библии о всех людях не может относиться к неграм».

Еще более оголтелым национализмом и расовым шовинизмом является обида, провозглашенная главнейшим идеологом всего антиэволюционного движения, известным Брайном, который не

может примириться с тем, что предком человека была обезьяна и к этому прибавляет еще горшее оскорбление в том, что, «согласно мнению дарвинистов, человек произошел не от американской обезьяны, а от африканской».

Попытки выступать против дарвиновских концепций под флагом библии производились и при жизни самого Дарвина. В этом отношении наибольшую славу снискал себе знаменитый английский архиепископ Вильберфорс.

Сам Дарвин при всей своей общественной пассивности и отсутствии смелости в высказываниях тем не менее нашел в себе достаточно сильные слова, чтобы выразить свое возмущение выходками клерикалов. Вот что пишет он в 1859 г. в частности своему другу ботанику Гукеру по поводу одной рецензии на свою книгу в одном из английских журналов: «манера, с которою автор рецензии притягивает сюда бессмертие, натравливает на меня духовенство и отдает на их растерзание — эта манера подлая. Он, правда, не стал бы жечь меня на костре, но принес бы хворосту и указал бы черным бестиям, как меня поймать». Не менее резки и решительны были реплики друга Дарвина проф. Гексли на знаменитом оксфордском диспуте против выступлений архиепископа Вильберфорса.

В сопоставлении с этим чрезвычайно яркой иллюстрацией убожества «профессоров философии» в буржуазном обществе и их роли как «дипломированных лакеев поповщины», — являются те выступления в защиту преподавания эволюционной теории, которые были сделаны крупнейшими представителями американской науки в связи с этими «обезьяньими процессами». Так комиссия из 9 профессоров, президентов главнейших университетов штата Калифорнии во главе с профессором Кемпбелом, президентом Калифорнийского университета, и Вильбуром, президентом Станфордского университета, — дает следующее осторожное заключение о допустимости и научной ценности 12 учебников, представленных на их рассмотрение: «Теория эволюции, — пишут эксперты, — действительно упоминается в той или иной форме в этих книгах. Было бы весьма трудно совершенно избежать упоминания о ней в какой-либо книге по биологии, геологии или астрономии. В немногих из этих книг представлены некоторые доводы в поддержку эволюционной теории. По нашему мнению, — продолжают они, — эти книги трактуют вопрос с умеренностью и осторожностью. Не видно ни одного утверждения, оспаривающего библию. А во многих местах, где мог бы быть поднят вопрос о возможности точек соприкосновения теории эволюции и религии, авторы употребляют специальные усилия, чтобы убедить читателей, что нет никакого конфликта между наукой и религией. Эволюция излагается как теория, но не как установленный факт, хотя там или здесь упоминается, что теория эво-

люции пользуется всеобщим признанием среди людей науки и что это правильно».

Из того же заключения почтенных экспертов можно видеть, что авторы изученных ими учебников не гнушаются прямого извращения и фальсификации учения Дарвина во имя исполнения социального заказа своего класса и своей эпохи разлагающегося капитализма. Так например «Биология для начинающих» А. Муна (стр. 389—393) перечисляет некоторые вещи, которым эволюционная теория не учит. К таким вопросам, по изложению А. Муна, относится, во-первых, что человек произошел от обезьяны, а во-вторых, что бог мог бы быть устранен из системы творения. В-третьих, хотя мы не можем здесь входить в подробную аргументацию, остается достоверным, что, по мнению крупнейших ученых и философов, нет никакого конфликта в выводах науки и религии. Справиться у Давенпорта: «Таким образом творец все еще остается у своей работы, и не только силой природы, но и сам человек работает вместе с богом в деле дальнейшего улучшения земли и живых существ, на ней обитающих».

Другой автор В. Гагер, автор «Основ ботаники», не моргнув глазом, изрекает следующие истины: «Опубликованное Дарвиным «Происхождение видов» сперва возбудило бурю возражений. Теологи возражали против этой науки, так как они думали, что она устраняла бога. Немыслящие и неосторожно думающие обвиняли Дарвина в том, якобы он учит о происхождении человека от обезьяны. Однако ни одно из этих обвинений неверно. Дарвин и не устраняет бога и не учит, что обезьяны были предками человека».

Не менее характерны выступления знаменитого американского биолога Конклина, выступавшего в 1925 г. в защиту д-ра Генриха Фокса, удаленного с кафедры Мерчеровского университета. Основным моментом, вызывающим с его стороны протест против «волны религиозной нетерпимости, которая пронеслась через ряд учебных заведений нашей страны», является не основной факт той бессовестной и подлинной личины брайанизма, за которой скрывалась звериная боязнь умирающего класса перед растущей силой революционного движения, переплавляющего как экономику, так и сознание людей, — а то обстоятельство, что баптисты штата Георгия, что называется, «своих не познаша», ибо, по свидетельству проф. Конклина, «частные теологические воззрения профессора Фокса отличаются лишь не столь же кристальной ясностью, как мнение большинства баптистов штата Георгия».

Согласно свидетельствам президента самого Мерчеровского университета д-ра Уивера, особое достоинство д-ра Фокса заключается в том, что он «никогда не считал теорию эволюции за уста-

новленный факт, но всегда отмечал в классной комнате ее гипотетический характер».

Наконец, по свидетельству Конклина, доктор Фокс, будучи подвергнут допросу по вопросам чисто теологического характера, как например о его воззрении на бога, о вдохновении и авторитетности священного писания, о божественности Христа, о девственном зачатии и др., дал письменные ответы, представляющие удивительные образчики религиозных воззрений почтительного, но свободомыслящего ученика Христа.

Казалось бы логическим антиподом этим животным классовым проявлениям буржуазного невежества и мракобесия являются попытки буржуазных идеологов найти в дарвиновской теории борьбы за существование опору для классового угнетения. Так например на состоявшемся год назад международном конгрессе по истории науки и техники один из вождей английской консервативной научной общественности проф. А. Хилл пытался найти в построениях современной генетики и теории Дарвина разрешение борьбы между аристократизмом и социализмом. И не случайно тот же проф. Конклин в своем выступлении в январе 1931 г. на страницах одной из американских газет высказывает свое убеждение, что с биологической точки зрения современный экономический и финансовый кризис и сопровождающие их безработица и вымирание рабочего класса — должны рассматриваться как благодетельный положительный факт.

Так идеологи буржуазии в страхе перед грядущей расплатой ищут выход из нарастающих противоречий на противоположных путях: с одной стороны, на путях оголтелого преследования эволюционной теории в самом ее зародыше, а с другой стороны, — в попытках найти в ней научное объективное оправдание этим разоблаченным самой историей противоречиям капиталистической системы. Но они забывают только об одном: что все это блуждание буржуазной мысли с еще большей силой разоблачает основное диалектическое правило о том, что крайности сходятся и что, несмотря на все противоречия и различия в этих формально взаимоисключающих концепциях, в них имеется свое диалектическое единство, а именно — наиболее яркое выражение безысходности и неспособности капитализма найти разрешение постигших его противоречий в пределах самой капиталистической системы. Мы видим, что судьбы эволюционной теории в капиталистическом обществе являются зеркалом судеб капитализма.

Столь же ясно и отчетливо на фоне их блужданий выполняются обреченность и тот тупик, в который попадает буржуазное естествознание и полная бесперспективность его дальнейшего развития. Поистине, мы имеем все основания сказать, что к нашим дням все возможности, представлявшиеся в свое время буржуазии,

буржуазным строем для развития идей естествознания, полностью исчерпывают себя. Все существующие более тонкие формы выхолащивания революционного содержания эволюционной теории в виде неодарвинистических и неоламаркистских течений, находящих еще свое применение в западных странах, лишь односторонне развивают отдельные моменты, вырванные из целостной системы дарвиновского учения, и потому, являя в своих отдельных чертах признаки прогрессивного движения вперед, в основном являются не чем иным, как шагом назад по сравнению с учением самого Дарвина.

Дальнейшее развитие эволюционного учения, дальнейшее развитие дарвиновского наследства невозможно в условиях буржуазной науки, в условиях капиталистического общества. Буржуазная наука исчерпала себя. Она загнивает вместе с загниванием капитализма в целом. Она может только односторонне развивать частные стороны учения Дарвина, она еще способна в некоторых частях накапливать эмпирический фактический материал, но она не способна подняться до подлинных высот цельного восприятия идей эволюции и дальнейшего развития эволюционного учения. И мы видим, как лучшие представители буржуазной науки в лице американского ученого проф. Меллера, внесшего в наши дни наиболее существенные вклады в теорию эволюции, отходят от буржуазии и приближаются к нам. Это видно из письма проф. Меллера, опубликованного в журн. «Под знаменем марксизма» полгода назад.

Только у нас, в стране строящегося социализма, на основах марксизма-ленинизма дарвинизм способен расти вперед и развиться в действительно диалектическую теорию эволюции органического мира как составляющую момент единственно научного диалектико-материалистического мировоззрения. Пересматривая наследство Дарвина и отбрасывая те наслоения буржуазной ограниченности, которые наложили свою печать на великие творения Дарвина, мы ни в какой мере не умаляем и не ограничиваем то огромное значение, которое имеют для нас основные моменты в учении Дарвина. Но мы имеем перед собой грандиозную задачу поднять это учение на более высокую ступень, поставить его в уровень с теми задачами, которые стоят перед нами — активными строителями социализма. Именно для нас, но не для стран умирающего капитализма, теория органической эволюции является не только существенным элементом нашего целостного антирелигиозного мировоззрения, но и руководством к действию в нашей борьбе и практике социалистического строительства, и в частности в социалистической реконструкции животноводства и растениеводства. Именно нам в условиях крупных форм социалистического сельского хозяйства суждено использовать, развить и применить в плановом порядке замечательные идеи Дарвина о взаимозависимости и пользе сочетания теоретической мысли с опытом практика.

В условиях той напряженной борьбы, которую ведет пролетариат СССР за полное построение социализма, проблемы организации сельского хозяйства, растительных и животноводческих культур имеют огромное значение. Именно в интересах этих практических задач перед нами одинаково остро и актуально встают задачи как преодоления вульгарно-материалистических концепций, стихийно разделяемых еще до сих пор большинством животноводов-практиков, так и автогенетических позиций меньшевиствующего идеализма, убежденного, что разрешение проблем социалистической пятилетки исчерпывается применением методов современной генетики и селекции наиболее ценных растительных и животных пород. Первая — механо-ламаркистская позиция сводит всю проблему социалистического животноводства к усиленному кормлению скота или к проблеме удобрения почвы, смазывая далеко не безразличный для всей экономики страны вопрос о том, кого же целесообразнее кормить и какие сорта растений надлежит сеять на удобренной земле, т. е. проблему качественного отбора, и не учитывая биологическую значимость тех животных пород и растительных сортов, которые должны быть предпочтительно перед всеми другими взяты к культурному обслуживанию и использованию в социалистическом хозяйстве. Вторая позиция, стремясь сосредоточить все внимание пролетариата на задачах селекции и изучении генофонда как универсального фактора, стоящего вне зависимости от воздействий физических факторов внешней среды, — ограничивает тем самым роль человека и плановых экономических мероприятий в деле преодоления трудностей сегодняшнего дня, неправильно питая представление о якобы бесплодности или по меньшей мере малой эффективности этих внешних для организма воздействий, для судеб особи и его потомства.

В противовес этому диалектическое миропонимание, учитывающее единство противоположностей внутреннего и внешнего, обязывает нас в равной мере, но в соответственно диференцированных подходах бороться как за целесообразный подбор наследственно здоровых и доброкачественных производителей во имя улучшения качественного состава будущих поколений растительных и животных форм, так и за использование тех доступных и научно проверенных мероприятий, направленных к созданию оптимальных условий для развития особи из расчета на максимально эффективное использование ее фенотипических признаков.

Не менее существенно для нас и значение теории Дарвина как естественно-исторической основы для теории классовой борьбы пролетариата, о которой говорил Маркс. Но эту сторону дарвиновского учения мы принимаем не в порядке механического, некритического переноса отношений, существующих в природе, на отношения в человеческом обществе, — но с полным учетом тех

качественно своеобразных специфических условий производственных отношений и классовой структуры человеческого общества, которые определяют собой исторический процесс развития человечества. Вместе с тем самая идея эволюции органического мира рассматривается нами с высоты тех воззрений на идею развития, которые сформулированы в гениальных словах Владимира Ильича:

«В наше время идея развития, эволюции вошла почти всецело в общественное сознание, но иными путями, — не через философию Гегеля. Однако эта идея в той формулировке, которую дали Маркс и Энгельс, опираясь на Гегеля, гораздо более всесторонняя, гораздо богаче содержанием, чем ходячая идея эволюции. Развитие, как бы повторяющее пройденные уже ступени, но повторяющее их иначе, на более высокой базе (отрицание отрицания), развитие, так сказать, по спирали, а не по прямой линии, развитие скачкообразное, катастрофическое, революционное; перерывы постепенности; превращение количества в качество; внутренний импульс к развитию, даваемый противоречиями, столкновениями различных сил и тенденций, действующих на данной стадии или в пределах данного явления, или внутри данного общества; взаимозависимость и теснейшая неразрывная связь всех сторон каждого явления (причем история открывает все новые и новые стороны); связь, дающая единый закономерный мировой процесс движения, — таковы некоторые черты диалектики как более содержательного (чем обычное) учения о развитии».

В этих словах Ленина мы имеем не только всеобъемлющую формулу нашего диалектического миропонимания и не только определение того места и значения, которое занимает дарвиновская теория эволюции в общей системе мировоззрения пролетариата, но вместе с тем и программу действия, руководство в нашей дальнейшей работе.

На основе этих ленинских положений мы должны приступить к разработке и дарвиновского наследства. Вместе с тем, следуя лучшим заветам, которые были сформулированы тем же Дарвиным, мы должны искать «от самой земли», от непосредственной практики социалистического строительства, в процессе непосредственной борьбы за техническую реконструкцию социалистического животноводства и растениеводства — дальнейших оплодотворяющих стимулов для углубления и дальнейшего развития теории органической эволюции. Ряд очередных задач встает перед нами как активнейшие задачи сегодняшнего дня и может быть формулирован уже в настоящий момент.

Во-первых — действительное диалектическое разрешение проблемы соотношения организма и среды, определение всех тех конкретных связей и взаимодействий, которые существуют между ними.

Во-вторых — раскрытие связи и взаимозависимости, существу-

ющей между онтогенетическим и филогенетическим развитием, которое безуспешно пытались разрешить представители буржуазного естествознания в виде ли биогенетического закона Эрнста Геккеля, в виде ли вульгарно-материалистической концепции ламаркистов, приводящих к полнейшему смешению сложной системы организма с простыми физическими условиями внешней среды и к уничтожению специфических различий, существующих между развивающимся яйцом и окончательным результатом этого развития.

В-третьих — раскрытие конкретных специфических факторов видообразования на разных этапах эволюционного развития.

В-четвертых — раскрытие внутренних противоречий, определяющих характер и пути индивидуального развития, и конкретное изучение и вскрытие самой природы и морфохимической структуры генов и путей их выявления в индивидуальном развитии.

В-пятых — углубленный диалектический анализ и раскрытие роли ненаследственных изменений в процессе органической эволюции.

В-шестых — непосредственные пути использования факторов наследственного фенотипического и физиологического порядка в их комплексном взаимодействии для непосредственной практики социалистического строительства как в применении к задачам социалистического животноводства и растениеводства, так и в применении к задачам физической культуры, санитарии и гигиены человеческого тела.

В-седьмых — это разработка учения Энгельса о роли труда в эволюции человека, т. е. о биологической природе факторов очеловечения обезьян. Это наконец решительная борьба на два фронта со всякими попытками извращения или выхолащивания революционного содержания эволюционного учения как в форме вылазок механических группировок, так против меньшевиствующих идеалистов, превращающих ленинский диалектический процесс самодвижения в метафизическую оторванность организма и всего процесса видообразования от его единства и взаимодействия с внешней средой.

Отмечаемое 50-летие со дня смерти Дарвина должно быть стимулом для мобилизации внимания советской пролетарской общественности вокруг этих актуальных задач сегодняшнего дня. И если эти задачи будут нами осуществлены не на путях простых некритических перепевов и повторений всего того, что сказал Дарвин и тем более последующие эпигоны дарвинизма, но на основах решительного перевооружения наших рядов и переоценки дарвиновского наследства, то именно таким путем мы проявим максимум нашего уважения к памяти великого ученого, извлекая и очищая истинно-революционное содержание его учения из-под глубоких наносов буржуазной шелухи, нагроможденных на здоро-

вом революционном ядре этого учения последующим развитием и противоречиями капиталистической системы.

Не бесполезно нам в эти дни вспомнить те сопоставления и ту встречу представителей двух классов, которая имела место в первые же дни создания дарвиновского учения, — это те немногие документы переписки Маркса и Дарвина, которые были опубликованы в печати. Мы видим, как новый революционный восходящий класс — пролетариат, осознавший свою мощь, уже сумевший сформулировать свою теорию руководства к действию и сумевший уже проявить свою волю к жизни своими революционными выступлениями, сумел при первых своих шагах оценить все те ценности и все те новейшие достижения, которые создавались в недрах буржуазной науки. Мы видим, как Маркс и Энгельс, основоположники марксизма, уже при первом появлении книги Дарвина расценивали это учение как естественно-исторические основы классовой борьбы, и мы видим, с другой стороны, как крупнейший представитель буржуазной науки даже в период полнокровного развития капитализма, будучи связанным своими классовыми интересами, отступает перед прямым предложением Маркса ознакомиться, высказаться и составить свое суждение о той теории, которой со временем суждено было возглавить мировое движение пролетариата и стать господствующей на $^1/_6$ части земного шара. Этот факт глубоко символичен. Он характеризует всю ограниченность буржуазной науки даже среди представителей крупнейших умов и все превосходство пролетарской науки и пролетарской культуры, которой суждено уже в наши дни включить в систему своего единого мировоззрения все то ценное, что было в Дарвине, оставив для буржуазии все то наносное, все то мещански ограниченное, что лежало тяжелым грузом, сковывало полет мысли творца эволюционного учения.

ДАРВИНИЗМ И СЕЛЕКЦИЯ

«Я очень скоро убедился, что истинный ключ свода, на котором зиждется весь успех человека в производстве полезных пород животных и растений, кроется в отборе».

Чарльз Дарвин.

Мейстер и Верушкин.

Пятидесятилетие со дня смерти творца эволюционного учения — великого ученого Чарльза Дарвина в условиях победоносного строительства социализма в СССР и глубочайшего кризиса капитализма приобретает исключительно важное политическое значение.

Решительный удар, нанесенный дарвинизмом метафизике и теологии в естествознании, вызвал ожесточенную реакцию буржуазии. Борьба вокруг эволюционного учения Дарвина непрерывно продолжается и по настоящий день. На эту борьбу мобилизованы и церковь, и «наука», и философия. Теория Дарвина объявляется ненаучной и безнравственной; против нее организуются кампании в роде дейтонского «обезьяньего процесса»; она извращается и подменивается реакционными теориями, истолковывающими борьбу за существование как отбор наиболее приспособленных, одаренных людей, составляющих господствующий капиталистический класс.

С другой стороны, СССР, завершив построение фундамента социалистической экономики, ставит задачу построения во второй пятилетке социалистического общества. В Союзе открываются новые, еще невиданные возможности реконструкции науки и свободное широкое развитие ее на основах марксистско-ленинской методологии, а самое главное полное претворение научных достижений в практику социалистического строительства.

Активное сопротивление строительству социализма со стороны

враждебных классов находит свое выражение и на фронте естествознания в форме открытой проповеди или контрабандного протаскивания реакционных идеалистических теорий. Атаки представителей буржуазной науки естественно направляются и на материалистическое учение Дарвина, которое подменяется ламаркизмом или чуждыми нам идеалистическими теориями Берга, Соболева, Любищева и др.

Но, подчеркивая материалистический характер учения Дарвина, мы ни на минуту не должны забывать, что в чистом виде дарвинизм для нас неприемлем. Задача биологов, стоящих на позиции диалектического материализма, — переработать дарвинизм, поднять его на более высокую ступень на основе марксизма-ленинизма. С другой стороны, наша задача — непримиримо бороться с буржуазной наукой, пытающейся выхолостить материалистическое содержание дарвинизма и использовать его как средство угнетения пролетариата.

Роль и значение генетики и селекции в обосновании и дальнейшем развитии дарвинизма несомненно велики.

Экспериментальная генетика и селекция, очищенные от механистических и идеалистических идей, дают богатейший материал для научного обоснования дарвинизма и поднимают это учение на более высокую ступень.

Искусственный отбор человеком растений и животных дал Дарвину неопровержимый материал для обоснования изменчивости и эволюции животного и растительного мира.

Яркие примеры, глубоко обосновывающие эволюционное учение Дарвина об изменчивости происхождения видов, несомненно дают многолетние и ценные работы Саратовской селекционной станции.

Так с самого своего основания, широко используя индивидуальный метод отбора с оценкой отбираемых отдельных растений по их потомству, Саратовская селекционная станция широко развертывает изучение местных сортов пшеницы, подсолнечника и проса. В результате этого систематического отбора станция пришла к выпуску целого ряда сортов.

Такие сорта яровой пшеницы, как «лютесценс 62», «альбидум 604», «хордеиформе 432» и др., быстро пробивают себе дорогу в практику социалистического хозяйства, превышая урожай старых сортов на 25%, а иногда и выше. По урожайности сорт «лютесценс 62» получает громадное размножение — от Украины до Дальнего Востока и от юга Нижневолжского края вплоть до Татреспублики. Указанные сорта в основном на своих плечах выносят впервые организованное советской властью плановое семеноводство, завоевывая в засушливой зоне то колоссальнейшее значение, которое селекционные сорта должны сыграть в деле обновления социалистических полей как более засухоустойчивые и урожайные. В то же время и из озимых пшениц была выделена и введена в посевы

«лютесценс 329», до сих пор не знающая себе во всем Союзе ССР конкурентов по холодостойкости.

Основываясь на этой пшенице, Нижневолжский край даже в суровых условиях своего континентального климата смело пошел на значительную замену посевов озимой ржи пшеницей. Саратовский «гостианум 237» при своей засухоустойчивости, урожайности и скороспелости завоевал себе первое место в целом ряде районов Украины, ЦЧО и Северного Кавказа. Не меньшие, если не большие успехи выпали и на долю выведенного сорта подсолнечника под названием «семья 169». Этот сорт, именуемый «раса А», устойчивый к поражению подсолнечной молью, по своей скороспелости, урожайности и выходам масла во всей наиболее засушливой зоне — от Украины до Казакстана — не знает себе конкурента. Мало того, этот сорт благодаря своей скороспелости постепенно проникает и в семеноводство Западной Сибири, завоевывая под культуру подсолнечника более северные районы. Такие саратовские сорта проса, как «пониклое 853» и «развесистое 721», во многих районах Союза выделяются не только своей урожайностью, но и очень высокими выходами и качеством пшена.

Хотя в настоящее время некоторым из приведенных выше сортам на смену идут уже другие, более совершенные, все же значение указанных сортов в ближайшие годы будет велико и в то же время за ними навсегда должно остаться то их громадное историческое значение, которое сыграли они в деле реконструкции социалистического земледелия и построения советского семеноводства.

Еще в 1918 г., в самый разгар революционной бури, саратовские селекционеры одни из первых твердо и определенно выдвинули идею построения социалистического семеноводства и при полной поддержке правительства приступили к организации под Саратовом первого семенного рассадника, питающего селекционными семенами и до сего времени не только Нижневолжский край, но и целый ряд других областей. В то же время предвидение сложнейших проблем социалистического земледелия побудило селекционеров использовать в широком масштабе межвидовую гибридизацию и создать на полях Саратовской станции богатейший фонд форм пшеницы и подсолнечника. В 1918 г. организуется гибридизация твердой пшеницы с мягкой. Используя далее обнаруженное в 1918 же году естественное скрещивание ржи с пшеницей, ставится проблема ржано-пшеничных гибридов. В прошлом году после неоднократных неудачных попыток устанавливаются наконец те виды пырея, которые легко скрещиваются с пшеницей, и вместе с этим возникает идея выведения многолетней пшеницы.

Наконец впервые в Союзе широко развертываются работы по гибридизации и инцухту подсолнечника. Ставится задача построить работу с подсолнечником на принципе изоляции потомства гибрид-

ных растений с той целью, чтобы в последующем отборе выделить наиболее ценные доминантные и скрытые рецессивные формы. Параллельно возникает задача переконструировать подсолнечник таким образом, чтобы из чужеопыляющегося растения он обратился в способного к самоопылению, и этим добиться возможности выведения константных нерасщепляющихся сортов.

Какие же результаты имеются в итоге развернутых работ?

Из межвидового скрещивания мягкой пшеницы с твердой уже выведены новые сорта — саррубра и сарроза, быстро распространяющиеся на Нижней Волге. Эти сорта прежде всего безостые, с прекрасным стекловидным зерном, почти не уступают в урожайности линии 62. В то же время эти сорта выдерживают длительный перестой в поле (приспособлены к комбайну) и легко обмолачиваются, а по мукомольным и хлебопекарным свойствам значительно превышают прославленные в этом отношении твердые пшеницы. Помимо этого в процессе размножения имеются другие, более ценные сорта, и наконец близок к выпуску совершенно новый сорт безостой твердой пшеницы.

Скрещивание ржи с пшеницей прежде всего безусловно устанавливает филогенетическую связь между мягкими пшеницами и рожью. В результате гибридизации синтетически получены почти все эндемические формы пшениц, установленные академиком Вавиловым на основании его мировых изысканий, начиная от грубых ригидных азиатских форм и форм типичных инфлятных и спельтовидных до форм высококультурных — сверхэдов Западной Европы. В то же время выделен совершенно типичный, 28-хромозомный вид диккокум (полба), что безусловно доказывает филогенетическую связь мягких пшениц с этим последним видом. Наконец получен новый 56-хромозомный вид пшеницы, названный нами секалотрикум, и в процессе постепенного уравновешивания устанавливается новый 28—29-хромозомный вид, по облику промежуточный между пшеницей и рожью. Направлен к размножению гибрид, незначительно уступающий по холодостойкости пшенице 329, но превышающий последнюю не только по урожайности, но и по мукомольным и хлебопекарным свойствам. Другой гибрид из этой же семьи стихийно размножается в Московской области и за ряд лет не только не уступал в урожайности ржи, но иногда и превышал ее. В отборе находятся значительно более холодостойкие формы по стекловидности и хлебопекарным качествам не уступающие «кооператорке».

В результате инцухта подсолнечника получены способные к самоопылению формы этого растения и в то же время совершенно константные. Свыше 10 подобных сортов во избежание генетического загрязнения поступают в текущем году для предварительного размножения на изолированных участках семхозов Нижневолжского сортсемтреста. Помимо этого отобраны высоко масличные формы.

во время цветения покрывающиеся как бы комом снега, что получается вследствие свойственного им белого цвета пыльцы (обычно — желтая). Далее получены декоративные формы различных цветных окрасок лепестков, формы, цветущие не обычной корзинкой, а имеющие громадные шарообразные махровые соцветия, и наконец получен совершенно новый вид подсолнечника, характеризующийся своеобразными листьями с густой сетчатой первацией.

Все эти факты указывают на то, что на полях селекционной станции в Саратове, на маленьком изолированном участке творческими силами селекционеров был развернут по важнейшим растениям засушливой зоны широкий формообразовательный процесс, обеспечивающий на долгие годы отбор высокоценных культурных сортов для социалистического хозяйства.

Дарвин доказал, что новые виды животных и растений образуются благодаря тому, что особи, составляющие популяцию этих видов, постоянно образуют наследственные вариации. Эти наследственные вариации, количественно накапливаясь, в конечном счете переходят в качественно новые формы или новые виды. Выживают те виды, которые в своих свойствах и органах оказываются более или менее соответствующими условиям их обитания. Так в течение многих миллионов лет существования жизни на земном шаре постепенно образовывались все новые и новые виды — от простейших до первобытного человека.

Изучая биологию растения и экспериментируя с ним, человек все более и более подходит к овладению формообразовательным процессом, получая в результате своей работы не только новые сорта, но и новые виды. Дарвин заимствовал идею происхождения видов из практики. После Дарвина человек, уже вооруженный знаниями, использует идеи Дарвина для сознательного творчества новых растений.

Социалистическое строительство открыло широкие перспективы во всех отраслях знания. В то время как селекция в буржуазных странах за последнее время зашла в тупик, селекционеры СССР сумели самостоятельно нащупать новые пути, открывающие широкие перспективы в работе, и они имеют основания гордиться своими достижениями перед буржуазными исследователями.

Неизбежная грядущая реконструкция селекционного дела покажет всему миру, что может сделать человек в социалистическом обществе.

ДАРВИНИЗМ, РАСОВЫЙ ШОВИНИЗМ, СОЦИАЛ-ФАШИЗМ

«Когда натуралисты превращаются в социологов, они забывают о разных силах, действующих в мире, а помнят лишь одну: соперничество за жизнь, борьбу за существование. Они кастрируют свою науку ради прославления капиталистического общества».

Поль Лафарг.

С. Левит.

Нет сомнения в том, что международный пролетариат и в первую очередь его ударная бригада — рабочий класс и трудящиеся СССР с должным вниманием отнесутся к знаменательной годовщине, к 50-летию смерти Дарвина, одного из величайших естествоиспытателей мира. Следуя заветам своих учителей, Маркса, Энгельса и Ленина, пролетариат воздаст должное мировому ученому, который своими трудами нанес смертельный удар религии и дал исчерпывающие научные доказательства эволюции органического мира.

Рабочий класс, единственный прогрессивный класс современного общества, класс, которому принадлежит будущее и который на одной шестой части света это будущее уже превращает в настоящее, — этот класс в связи с нынешней годовщиной еще и еще раз обратится к многочисленным трудам великого биолога. Еще и еще раз он продумает вопрос о лучшем использовании этих работ для исторической классовой борьбы, для борьбы за революционное преобразование мира, для борьбы против религии, поповщины и обмана трудящихся масс.

Откликнутся и они там, за рубежом, где все чаще и чаще ставится вопрос о запрещении преподавания и распространения дарвинизма. Судя по опыту прежних дарвинских юбилеев, нетрудно предвидеть, что там будут изданы многочисленные томы,

где будет даваться «всесторонняя» оценка деятельности Дарвина, вплоть до значения дарвинизма для оправдания классового гнета, империализма, расового шовинизма и... религии.

И нужно прямо поставить вопрос: во всем ли они будут врать? Во всех ли случаях будет иметь место излюбленный метод буржуазной науки, — извращение действительности, извращение истины? Короче говоря, вопрос ставится так: должны ли мы сражаться за всего Дарвина, за все, что им написано, верно ли еще недавно имевшее широкое хождение по СССР положение, сформулированное некоторыми механистами и меньшевиствующими идеалистами о том, что дарвинизм и есть марксизм в биологии? На этот вопрос следует со всей решительностью ответить: нет. Не весь Дарвин должен войти в сокровищницу реконструктируемой пролетариатом науки, не все им написанное — научное, а следовательно — наше, ибо часть оставленного им наследства (правда, небольшая) по праву принадлежит им, тем, из среды которых он вышел, дань которым он, не ставши на позиции пролетариата, неизбежно вынужден был заплатить. Эта дань не может не быть антинаучной. Одной из форм этой дани является постановка и решение Дарвиным расовой проблемы.

Взоры всех трудящихся устремлены теперь к штату Алабама САСШ, где со стороны американской буржуазии готовится очередное преступление против семи невинных мальчиков — негров. Это преступление будет совершено, если могучий протест международного пролетариата не вырвет невинные жертвы из кровавых рук буржуазных хищников. Случай этот далеко не единственный — ни в САСШ, ни в капиталистическом мире в целом. Это частный случай целой цепи зверств — линчевания негров, погромов над туземными народами и других методов насаждения «цивилизации», являющихся неизбежными спутниками империалистической и колониальной политики буржуазии. Квинтэссенция этой политики (в новейшей фазе развития последней) недавно в цинично-откровенной форме была изложена в речи по радио небезызвестным Инджем, деканом лондонской церкви святого Павла (речь была передана по радио и в Америку). Заглавие речи — «Что я сделал бы с миром». Вот краткие выдержки из этой речи.

«Будучи диктатором, — заявил Индж, — я бы принял меры к немедленному разоружению России. В противном случае цивилизация Европы и Азии может быть разрушена новыми сериями татарских нашествий». Далее Индж сообщил, что он бы объединил все нации в лигу по образцу Соединенных штатов Америки. Было бы произведено всеобщее разоружение, но проектируемая им лига должна сохранить право пользоваться вооруженной силой для подавления восстаний. «Я бы, — продолжал вещать святой

отец, — посылал сотни общин в Канаду, где бы они сами добывали себе пищу и другие средства существования. Необходимые при этом очистку местности и прокладку дорог слишком дорого производить белым трудом, поэтому я бы использовал для этой цели труд азиатов» [1]. В заключение Индж декларировал программу евгенических мероприятий, которые проводила бы проектируемая им лига» [1].

Советский читатель не нуждается в пояснениях к речи этого святого погромщика. Важно лишь указать, что эта ссылка Инджа на евгенику и на улучшение расы отнюдь не случайна. Она логически вытекает из всей расовой теории, которая создана буржуазной биологией для обоснования и оправдания колониальной политики господствующих классов, классовый смысл которой частично разболтал Индж (вопрос о цене белого и цветного труда). Сущность этой «теории» до «гениальности» проста: существуют в мире «высшие» и «низшие» по своим природным биологическим (и психическим) свойствам расы. Критерием биологической ценности расы является степень развития ее богатства, техники и культуры. Иначе говоря, понятие «низшая» в экономически-культурном и в биологическом смысле совпадает. «Высшая» раса заняла господствующее положение благодаря естественному отбору и выживанию наиболее приспособленных. Ужасающее положение колониальных народов, их нищета и рабский труд получают таким образом свое биологическое «обоснование»: по своей природе, дескать, они ничего другого и не заслуживают. А так как эти «низшие» расы еще и в нравственном отношении крайне низки (NB! нравственные качества они тоже объясняют свойствами наследственной субстанции человека), то отсюда — оправдание и всех тех зверств и насилий, которые «цивилизованные» народы «вынуждены» предпринимать в отношении этих «безнравственных варваров». Негры с этой точки зрения конечно низкая, очень низкая раса. Отсюда вся политика «джим-кроуизма» (система крайне жестоких законодательных положений и обычаев, существующих в САСШ, в особенности в Южных штатах, против негров). Частным случаем этой политики являются и процесс, и исход процесса в Скоттсборо.

Этот процесс во времени почти совпадает с юбилеем Дарвина. И поднимая свой голос протеста против зверской расправы над невинными жертвами буржуазной юстиции, пролетариат в праве поставить вопрос: а вооружают ли нас произведения самого Дарвина в этой борьбе, могут ли они служить одним из орудий в этой борьбе, орудием, при помощи которого мы могли бы разоблачить теории о биологической и моральной «неполноценности» «низших»

[1] Цитировано по «New York Times» от 4 декабря 1931 г.

рас (в том числе следовательно и негров) и тем самым лишить буржуазию «научного» обоснования своей палаческой деятельности? На вопрос этот надо иметь смелость ответить: нет, не вооружают. Но сказать это мало: необходимо добавить, что — хотел этого Дарвин или нет — небольшая часть из того, что написано им, прямо способствует вооружению наших врагов, явившись в известной мере пунктом всех бесчисленных современных теорий расового шовинизма, представляющих собою частный случай теорий социального дарвинизма.

Бессмертны произведения Дарвина. Бессмертна и его книга «Происхождение человека и половой подбор» (1871). В этой книге впервые в развернутом виде приведены основные научные доказательства происхождения человека из нижестоящих форм животного мира. Эта книга явилась логическим продолжением «Происхождения видов», где мысль о животном происхождении человека была высказана лишь попутно, намеком. И Дарвин, на основании вероятно опыта своей первой книги, предчувствовал бешеную травлю, которой будет встречен его новый труд. Так незадолго до выхода последнего, в 1870 г., он пишет своему другу Селивану (капитану того самого корабля «Бигль», на котором он совершал свое известное путешествие): «Этой весной я издам другую книгу, в части своей касающуюся человека, которую, я убежден, многие охарактеризуют как безбожную» [1]. Опасения Дарвина целиком оправдались. Бурей негодования встретила реакционная и клерикальная буржуазия (в противоположность восторженным отзывам ее небольшого левого крыла) новый труд великого ученого. Чрезвычайно в этом смысле характерна рецензия «Edinburg Review» (июль 1871 г.), в которой между прочим читаем: «Во всех кругах общества эта книга вызывает бурю смешанных чувств — негодования, удивления и восхищения». А сам Дарвин писал известному биологу Дорну: «Мое «Происхождение человека»... нашло широкое распространение в Германии и Америке... Но, насколько мне известно, едва ли хоть один естествоиспытатель отозвался о ней одобрительно».

И подходя исторически к оценке этой, как и других работ Дарвина, нельзя не отдать должного этому великому ученому, осмелившемуся бросить вызов клерикализму и реакции.

Но вместе с тем в этой же книге (пожалуй больше, чем в каком-нибудь другом из его трудов) сказалась буржуазная ограниченность Дарвина, неизбежно приведшая его к ряду реакционных выводов. Основной из них — это идея социального дарвинизма, идея о том, что естественный отбор продолжает играть ту же ведущую роль в развитии человеческого общества, какую

[1] Life and letter of Charles Darwin, нем. изд. Victor Carusa, т. III, стр. 123.

он играет в растительном и животном мире. Книгой за семью печатями осталось для Дарвина учение Маркса и Энгельса о производительных силах и производственных отношениях, о классовой борьбе в человеческом обществе, о ведущей и определяющей роли этих факторов в развитии последнего. Отсюда невероятная слабость и классовая ограниченность Дарвина во всех тех случаях, где ему приходится трактовать проблемы социальные, в том числе применительно к расовой проблеме.

Уже в 1864 г. он пишет Уоллесу: «...вместе с вами я вижу, что борьба между человеческими расами зависит целиком от интеллектуальных и моральных (разрядка Дарвина. — *С. Л.*) свойств (последних)», а в 1869 г. он пишет Г. Тилю: «Поверьте, меня очень интересует... что вы применяете по отношению к моральным и социальным проблемам (разрядка наша. — *С. Л.*) воззрения, аналогичные тем, которые я применил в отношении изменчивости видов. Мне раньше в голову не приходило, что мои принципы могут быть распространены на столь различные и важнейшие области».

Продолжение и развитие этих мыслей мы неоднократно находим на страницах «Происхождения человека». «Не следует забывать, — пишет Дарвин, — что хотя высокий уровень нравственности дает каждому человеку в отдельности и его детям лишь небольшие преимущества над другими членами того же племени, тем не менее общее повышение этого уровня и увеличение числа даровитых людей несомненно дают огромный перевес одному племени над другим. Очевидно, что племя, заключающее в себе большое число членов, которые наделены высокоразвитым чувством патриотизма, верности, послушания, храбрости и участия к другим, — членов, которые всегда готовы помогать друг другу и жертвовать собой для общей пользы, — должно одержать верх над большинством других племен. Это будет естественным отбором. Во все времена и на всей земле одна раса вытесняла другую; а так как нравственность составляет один из элементов успеха, то ясно, что общий уровень нравственности и число выходящих из ряда людей должны постоянно стремиться к увеличению и нарастанию»[1].

Подобных мест можно найти в упомянутой книге немало. И нетрудно понять, почему именно эта сторона писаний Дарвина была немедленно подхвачена и стала евангелием для современной буржуазии, равно как для современного национал- и социал-фашизма, стала аксиомой для современной буржуазной биологии. Фактически в этом смысле почти нет разногласий среди буржуаз-

---

[1] Чарльз Дарвин, Происхождение человека и половой подбор, стр. 93, изд. О. Н. Поповой, 1896 г.

ных биологов вплоть до самых крупнейших. О естественном отборе в обществе пишут столпы науки, пишут газеты, пишут многочисленные популярные брошюры и книги. Приведем лишь несколько иллюстраций к сказанному.

Крупнейший биолог Вейсман пишет в предисловии к книжке Кидда[1]: «Всякий, прочитавший эту книгу, легко поймет, какое значение и какой интерес должна она представлять для науки о жизни: в ней сделана попытка свести развитие человеческого общества к тем же основным началам, которые, по мнению современных биологов, управляют развитием всех органических форм...» «В общественном развитии автор усматривает грандиозный всемирный процесс, везде стремящийся к одной и той же цели, которая выступает перед читателем лишь в неясной форме, окутанной туманом будущего. Движущие силы этого процесса он видит в том соревновании, которое со времени Дарвина известно в биологии под именем «борьбы за существование» и результатом которого является «выживание наиболее приспособленного» или «сохранение лучшего». И дальше: «Что же касается средств, имеющих решающее значение в общественной борьбе и обусловливающих общественный прогресс, то автор видит их не в разуме и его развитии, как можно было бы пожалуй ожидать, а в религии, или вернее в нравственности, которая одна только и способна осуществить подчинение индивидуального интереса интересу общественному. Это самый замечательный результат исследования, опирающегося на эволюционную теорию и усматривающего в борьбе за существование движущее начало прогресса...»

Вряд ли сказанное нуждается в комментариях. Важно здесь лишь подчеркнуть, что, развивая здесь в основном концепцию социального дарвинизма, Вейсман идет гораздо дальше самого Дарвина, скатываясь до апологии религии, чего, как это отчасти мы видели и выше, о самом Дарвине говорить не приходится.

Впрочем для Вейсмана характерно расширение роли естественного отбора не только в сторону общества. Не менее крупной, а принципиально той же его ошибкой (и методологической и конкретной) является распространение того же принципа на процесс наследственной изменчивости, на «жизненные единицы зародышевой плазмы». Здесь буржуазная ограниченность получила свое завершение: все многообразные формы движения органического и социального мира сведены к одной тощей формуле «естественный отбор», названный Вейсманом «всемогущим».

В приведенном выше отрывке не сказано ничего специально по интересующей нас расовой проблеме. Нетрудно все же видеть, что развитая в нем точка зрения лежит в основе писаний со-

[1] Кидд, Социальное развитие, пер. с английского, СПБ, 1897 г.

временных биологов, специально этой проблемой занимающихся. Предоставим слово некоторым из них.

Видный американский биолог-генетик Дэвенпорт, произведший исследование межрасовых гибридов на острове Ямайка, приходит к следующему выводу: «Существует у людей сильный инстинкт к гомогенности. Даже дети имеют тенденцию дразнить калек и уродов. Гомогенная группа белых, руководимая своими инстинктами, всегда будет изолировать себя от негров, китайцев и других групп, которые морфологически отличны от них. Мы должны принимать во внимание психологическую, инстинктивную основу этого чувства... Последнее имеет глубокий биологический смысл, и поскольку оно существует, постольку мы должны следовать за ним, как за путеводной звездой, если мы стремимся устроить государство, принципами которого является мир и единство идеалов» [1].

Отчасти базируясь на исследовании Дэвенпорта (кстати крайне тенденциозном и поверхностном), виднейший американский биолог Дженнингс приходит к следующему выводу: «Непосредственные следствия смешения рас... часто зависят от социальных систем этих рас. Если расы имеют чрезвычайно различные социальные системы (как например американцы и азиаты или европейцы и индейцы), то гибрид между ними не приспособлен будет ни к одной из этих систем. Он будет выброшен обеими системами, что поставит его в тяжелое положение» [2].

Итак раса (очевидно все в той же борьбе за существование) приспособилась или приспособила к себе некоторую социальную систему... Книга Дженнингса издана в 1930 г., когда пресловутое «просперити» дало уже серьезные трещины, когда миллионы безработных уже безрезультатно стучались в двери бирж труда, когда на шикарных улицах Нью-Йорка, Чикаго, Филадельфии и многих других городов САСШ уже стояли огромные очереди голодных рабочих за чашкой дарового супа, отпускавшегося ради рекламы крупных фирм филантропическими организациями, когда уже раздавались грозные раскаты массовых забастовок горняков и др., являвшихся лишь введением к ныне наблюдаемым гораздо более жестоким классовым боям. Остается лишь пожалеть, что маститый ученый не привел хотя бы часть этих фактов для иллюстрации приспособленности «американской расы» к американской социальной системе...

Если в приведенных выше высказываниях авторы довольно тщательно скрывают их экономический и политический смысл, то другие более откровенны. .

---

[1] «Race crossing in jamaica Scient. monthly», 1929, vol. XXVII, S. 239.
[2] «The biological basis of human nature», New York, 1930, стр. 287.

Чрезвычайно в этом смысле интересен программный доклад о расовой конкуренции, сделанный президентом американского общества натуралистов, известным евгенистом Гольмсом (Holmes) на последнем конгрессе общества в декабре 1931 г. [1]. Докладчик холодно и расчетливо ставит вопрос. Он жалуется на то, что «капиталисты, как правило, предпочитают наиболее дешевый труд, не заботясь при этом о будущем своей расы». Поэтому белые чувствуют особенно остро то обстоятельство, что негры постепенно якобы вытесняют их из их профессий. «Точно так же как худшие деньги вытесняют лучшие, население низкого уровня имеет тенденцию вытеснять население высокого уровня» (стр. 208). В заключение автор предупреждает своих хозяев: «Мы сделали очень много для того, чтобы помогать слабым (имеются в виду колониальные народы. — *С. Л.*) унаследовать землю, но когда эти слабые достаточно овладеют землей, они уже не всегда будут слабыми».

Есть однако другой тип расовых шовинистов, тип людей, которые не любят говорить намеками, которые свою науку (вернее — извращения последней) сознательно ставят на службу колониальной политике империализма. К числу таких людей относится виднейший ботаник-генетик Эдуард Ист (East). В целом его позиция в расовой проблеме не представляет собою чего-либо оригинального. И для него естественный отбор — ведущий фактор социологии. Говоря например о взаимоотношениях белых и негров в Америке, он приходит к следующему выводу: «Таким образом в конечном счете надлежит осуществлять экономическую борьбу между этими двумя типами, резко различающимися в смысле своих умственных способностей, причем эта борьба... ведет к выживанию наиболее приспособленных» [2]. Но он не останавливается на этом для него чересчур абстрактном выводе. Он пытается делать из него и п о л и т и ч е с к и е выводы. Говоря например о будущем белой расы, он приходит к заключению: «Глядя на Север, Восток и Запад, мы видим безоблачный горизонт. Только на Юге видно маленькое облачко, не превышающее по величине руку человека. Может быть это — и маленькая дымка, но она требует настороженности. От Mason-Dixon линии [3] до Константинопольского пролива, от Гибралтара до мыса Доброй Надежды — южный аванпост в опасности. Это есть то направление, где следует удвоить охрану». Здесь уже нетрудно увидеть сращивание расовой биологии с империалистическими генштабами...

Список подобных высказываний социальных дарвинистов можно без конца продолжить. В сравнении с ним совершенно меркнут

---

[1] См. «Seichee» от 19 февраля 1932 г.

[2] «Mankind of the crossroads», New York, 1928, S. 142.

[3] Линия, которой во время гражданской войны были разделены Север и Юг: южнее этой линии были рабовладельческие штаты, севернее рабство было запрещено.

имена отдельных биологов, осмеливающихся хоть робко, но все же поплыть против течения, против расового шовинизма (школа Franz Boas, Hogben, Garth и немногие другие). К тому же, не владея марксистско-ленинской методологией, не связав своей работы с классовой борьбой международного пролетариата, не осознав, что лишь диктатура пролетариата может положить быстрый и решительный конец проституированию науки, — эти отдельные одиночки естественно не могут дать действительный отпор научному мракобесию. Зато список социальных дарвинистов богат и количественно и качественно. Недавно вышедшая книга [1] известного шведского евгениста профессора Hermann Lundborg является своего рода энциклопедией по расовому отделу этой проблемы. Трудно в краткой статье хотя бы в сжатом виде остановиться на всем «богатом» содержании этой книги. Пожалуй лишь некоторое представление об этом «богатстве» дает следующее место из книги антрополога Фрича, сочувственно цитируемое Лундборгом: «Имеются два эксперимента, показывающие, насколько расы, происшедшие от смешения с неграми, могут являться носителями культуры: это Гаити и Либерия. В Гаити, где под руководством мулатов негритянское население является господствующим, происходят такие явления, что для этого несчастного острова днем освобождения явится тот, в который белая раса под руководством Соединенных штатов опять наложит на него руку. Еще более убедительным является эксперимент, который привел к образованию республики Либерии в Африке». Это писано в 1913 г. Здесь наука явилась прямым форпостом империализма: рука Соединенных штатов действительно вскоре была наложена на Гаити...

При чтении всего вышеизложенного естественно возникает вопрос: а есть ли какой-либо конкретный научный материал, хоть в малой мере подтверждающий тот поток «зоологических» умозаключений, свидетелями которых мы ныне являемся? На вопрос этот можно с уверенностью ответить отрицательно, ибо, во-первых, число подобных исследований сравнительно невелико; во-вторых, качественно значительная часть из них стоит на очень невысоком уровне, и, в-третьих, там, где исследование сделано действительно добросовестно, этот материал обращается п р о т и в расовиков.

Начать с того, что большинство этих исследований базируется на регистрации ответов, исследуемых на пресловутые психологические тесты (главным образом Бине — Симона), причем до сих пор остается совершенно невыясненным, какова соотносительная роль генотипа и среды (воспитания и др.) при выработке ответа на тот или иной тест. Что социальная среда при этом играет огромную роль, видно хотя бы из работы д-ра Клинеберга

[1] «Die Rassenmischung beim Menschen», reprint from «Bibliografhia genetica», VIII 1931 г.

(1928), доказавшего, что в пределах одной и той же расы (в частности, негритянской) жители городов дают гораздо лучшие показатели, чем сельское население. Аналогичные данные получил в отношении японцев Дарси (1926). Далее оказывается, что негры северных штатов САСШ дают лучшие ответы в сравнении с неграми, живущими на Юге, что конечно можно объяснить худшими условиями, в которых живут последние. Наконец в том же направлении говорит то обстоятельство, что коэфициент корреляции по указанным выше тестам между родителями и детьми лишь немного превышает таковой между приемными родителями и детьми (иногда же вовсе не превышает). Так, по данным разных авторов, первый коэфициент равен от 0,35 до 0,61, а второй — от 0,39 до 0,42 [1]. Из всего сказанного следует, что тесты Бине — Симона регистрируют не столько генотипические особенности, сколько то, что является нажитым под влиянием среды и что поэтому научная ценность подобной методики (в смысле доказательства генотипической отсталости или превосходства) ничтожна. Если к этому прибавить то обстоятельство, что такой опытный и добросовестный исследователь по данному вопросу, как Garth, серьезно предупреждает, что уже одно поведение исследователя в отношении к исследуемым может сильно отразиться на результатах и выводах работы и что в этом отношении белые дети находятся в лучших условиях, чем индейцы и негры, то вполне понятным становится его общий вывод, сделанный после просмотра всей литературы по этому вопросу и многочисленных собственных исследований: «Автор убежден... что мы ни в коем случае не имеем убедительных данных для утверждения наличия умственных различий, которые следовало бы трактовать как расовые» [2].

Приведенные справки делают понятным, к каким ухищрениям приходится прибегать расовым шовинистам для доказательства наличия подобных различий с обязательными при этом преимуществами белых перед цветными. В качестве примера подобных ухищрений небезынтересно привести уже вышеупомянутое «исследование» Дэвенпорта [3]. Когда на один из тестов (реконструкция в уме фигуры, получающейся при производстве некоторой вырезки в определенным образом сложенной бумаге) негритянские дети дали резко лучший результат, чем белые дети, а взрослые негры лишь слегка худший, чем взрослые белые, автор, не задумываясь, делает вывод: белые отвечают лучше, чем черные; что же касается того обстоятельства, что черные дети ответили лучше, чем белые, то автор безапелляционно это объясняет преждевремен-

---

[1] См. по этим вопросам книгу Garth': «Race psychology», New York, 1931.
[2] Ibid, стр. 24.
[3] „Human biology", vol. I, № 1, 1929.

ным созреванием черных детей. Он при этом даже не задается вопросом о возможности такого толкования приведенного выше факта, что различия в условиях жизни белых и черных приводят в конце концов к тому, что те дети черных, которые от природы более одарены, уступают, достигая зрелого возраста, в смысле развития своих способностей менее одаренным белым. Впрочем вопрос этот действительно излишен: уже при первом взгляде на приведенную им диаграмму бросается в глаза то обстоятельство, что в то время как 83% черных детей дают отметку «2» (самой лучшей является «3», затем следует «2», «1» и «0») и лишь 7% дают «0», — целых 40% (!) взрослых негров дают «0». По Дэвенпорту это обстоятельство следовало бы объяснить обратной инволюцией с возрастом умственных способностей негров. Скорее это однако свидетельствует об обратной инволюции буржуазной науки, не останавливающейся уже ни перед какими приемами в конкретных исследованиях для выполнения данного ей социального заказа.

Следует ли после всего сказанного удивляться тому, что социальный дарвинизм стал знаменем национал-фашизма, что такие столпы социал-дарвинизма, как Плате, Ленц, Сименс и др., увидели в фашизме блестящее логическое завершение всей их многолетней предыдущей черносотенной деятельности по проституированию науки? Следует ли удивляться тому, что на фашистском съезд фармацевтов и врачей (декабрь 1931 г.) наряду с «идеями» об уничтожении профсоюзов, этих «еврейских абстракций», о том, что все «марксисты должны быть повешены», одной из главных тем явилась проблема сохранения в чистоте северной расы, этого «прекрасного цветка на древе человечества», и насильственная стерилизация других, «низших» рас?

Однако от национал-фашизма не отстает другой его собрат, социал-фашизм, еще раз подтверждая, что эти два крыла международной буржуазии «не антиподы, а близнецы» (Сталин). Неправильно впрочем думать, что «зоологическая» деятельность социал-фашизма — продукт лишь недавнего прошлого. Корни ее уходят далеко к самому зарождению II Интернационала.

Эти корни являются общими как для социал-дарвинизма и расового шовинизма социал-демократии, так и для их современной ориентировки империалистической и колониальной политики. Напомним, что уже на Штутгартском конгрессе (1907 г.) II Интернационала в комиссии по колониальному вопросу «составилось оппортунистическое большинство, и в проекте резолюции появилась чудовищная фраза: «конгресс не осуждает в принципе и на все времена колониальной политики, которая может при социалистическом режиме оказать цивилизаторское действие». На деле это положение равносильно было прямому отступлению в сторону буржуазной

политики и буржуазного миросозерцания, оправдывающего колониальные войны и зверства»[1]. Напомним, что целых 108 голосов (против 128 и 10 воздержавшихся) было на пленуме конгресса подано за это предложение комиссии. Само собой разумеется, что солидное крыло социал-империализма не сразу родилось на конгрессе, что зарождение этого крыла следует искать в предшествующей истории социал-демократии, и действительно, просматривая протоколы предшествовавших Штутгартскому конгрессу партейтагов немецкой социал-демократии, мы неоднократно встречаем там речи по колониальному вопросу будущих социал-предателей Носке, Бернштейна, Давида и др., в которых империалистическая струнка уже тогда довольно отчетливо выделяется. И даже «левый» социал-демократ Ледебур, объясняя на Бременском партейтаге 1904 г. поведение социал-демократической фракции в рейхстаге, выразившееся в том, что она (фракция) воздержалась при голосовании кредитов на войну против гетеро (южноафриканская колония тогдашней Германии), между прочим заявил: «Правительство было обязано защищать жизнь переселенцев (немцев)»[2], — мотив, довольно знакомый теперь читателю, довольно часто звучащий в устах империалистов.

Параллельно эволюции социал-демократии в сторону социал-империализма шла ее эволюция в сторону социал-дарвинизма.

Одним из ранних и наиболее последовательных представителей социал-дарвинизма пожалуй следует считать Людвига Вольтмана, автора книг «Теория Дарвина и социализм» (1899), «Политическая антропология» (1903)[3] и др., основателя журнала «Politisch-anthropologische Revue». Последний по своему направлению ничем не отличался от несколько позднее возникшего и ныне продолжающего выходить черносотенного, расово-шовинистического «Archiv für Rassen und Gesellschaftsbiologie». Вольтман — законченный социал-дарвинист и расовый шовинист. По его мнению история культуры рода человеческого также совершается «на основании великих биологических принципов приспособления, наследственности и совершенствования в борьбе за существование»[4]. Правда, он находит и некоторые различия между борьбой за существование в природе и в обществе. Одним из этих различий является то, что у животных идет борьба за органическое воспроизведение и размножение, тогда как у людей идет конкуренция «из-за товаров и мест, борьба за выгоду». Вот это-то различие и толкает его в сторону социализма, задача которого — «снова превратить соперничество

---

[1] Ленин, т. XII, стр. 83.

[2] «Handbuch der soz.-dem. Parteitage». Bearbeitet von Wilhelm Schröder, München, 1910, S. 237.

[3] Имеются русские переводы.

[4] Вольтман Теория Дарвина и социализм, стр. 72, СПБ, 1900.

между людьми в естественный принцип», т. е. вернуть это соперничество к тем формам, каковые оно имеет в животном мире. Таков «животный социализм» Вольтмана.

Надо ли удивляться тому, что все «лучшие силы» расового шовинизма (Ammon, Lapouge и др.) дружно оплакивали этого «социалиста» после его смерти в специально посвященном этому событию номере «Politich-anthropologische Revue», справедливо считая его одним из своих вождей? Интересно пожалуй только то, что в числе «убитых горем» оказался и Эд. Бернштейн. У могилы умершего он счел своим долгом отпустить грехи последнему: «Его (Вольтмана) резкие выпады против официальной социалистической доктрины (в расовой проблеме) не были серьезным отклонением от социализма»[1], — вещал прожженный ревизионист, будущий социал-предатель...

Но Вольтман не был одинок.

Перелистывая старые номера теоретического органа, немецкого социал-демократического органа «Neue Zeit», мы находим в них много статей, написанных известными лидерами социал-демократов (Куновым, Каутским, Панекуком и др.), в которых трактуются вопросы дарвинизма и в частности отношения последнего к марксизму, трактуется и расовая проблема. Здесь в этих ранних статьях вождей II Интернационала еще нет того открытого черносотенства в науке, которое стало уже совсем не редкостью на страницах например современного социал-фашистского издания «Sozialistische Monatshefte». Но корни, зародыши (иногда далеко не только зародыши) будущего окончательного разрыва с революционным марксизмом уже чувствуются и в этих ранних статьях.

Та же «Neue Zeit» охотно предоставляла свои страницы для защиты махрового социал-дарвинизма таким «социалистам», как например известному махисту Пирсону, по мнению которого «мысль об уничтожении менее приспособленных, являющемся благодетельным фактором развития человечества, должна сделаться составной частью нашего миропонимания; мы должны смотреть на это уничтожение как на главную причину умственного и физического роста человечества в прошлом... как на главный источник всего того лучшего, что мы ценим в интеллекте и в телосложении человека теперешнего».

Надо впрочем отдать справедливость органу II Интернационала: время от времени этот журнал занимался «самокритикой» в своих собственных рядах. Так например случилось с книгой бывшего вождя итальянской социалистической партии, известного сторонника реакционного ломброзианства — Энрико Ферри, впоследствии видного фашиста, вешателя рабочих по должности министра

[1] «Politich-anthropologische Revue», т. VI, стр. 47.

юстиции кабинета Муссолини. В этой книге («Социализм и современная наука»), вышедшей в 1894 г., имеются между прочим такие перлы: «Я хочу подчеркнуть, что дарвинизм... является одной из основных научных предпосылок социализма и что последний... лишь логическое и необходимое следствие дарвинизма. Карл Маркс «венчает научную революцию, начатую Дарвиным и Спенсером...», «Карл Маркс имеет ту заслугу, что он логические выводы современного естествознания применил к политической экономии» [1]. Карл Каутский в статье «Дарвинизм и марксизм» [2] выступил против этих реакционных откровений махрового социал-дарвиниста. Но лицо будущего предателя рабочего класса уже довольно ясно вырисовывается даже в этой ранней работе. Каутский пишет: «Каждая из этих двух партий (речь идет о дарвинистах и о социалистах типа Ферри), если бы она была права, доказала бы своими аргументами только то, что существование общественной формации по крайней мере зависит еще от других факторов помимо фактора борьбы за существование» (стр. 710). Комментируя далее то место в брошюре Ферри, где последний заявляет, что социалистам нечего заниматься пропагандой атеизма, Каутский меланхолически замечает: «Наши партийные товарищи едва ли согласятся с подобным воззрением» (стр. 712). Замечательнее же всего конец статьи: «Как бы ни относиться к этой работе, каждый согласится, что она полна огня и духа... являясь блестящей защитой социализма» (стр. 716).

Дальнейшая эволюция Каутского от марксизма к социал-фашизму общеизвестна. Менее известна его одновременная эволюция в сторону социал-дарвинизма и расового шовинизма. Вот что например среди многих других перлов мы читаем в его книге «Еврейство и раса» (1914 г.): «Где расовые черты совпадают с профессиональными, там они разделением труда еще более обостряются и углубляются. С другой стороны, усиление приобретенного через профессию или классовую жизнь свойства может перейти в расовое свойство, если члены одного класса или профессии принуждены заключать браки исключительно среди своей группы. Отчасти это может быть следствием возвышения более благородного класса, презирающего другие, отчасти же по причине племенного отбора: господствующий класс желает свои выдающиеся качества, выдвинувшие его к власти, закрепить полностью и потому избегает всякого смешения с другими группами, не обладающими подобными свойствами» [3]. В этой безграмотной белиберде Каутский уже за-

---

[1] Цит. по ст. Каутского.

[2] «Die Neue Zeit», стр. 709, 1894—1895 гг.

[3] Цит. по русскому переводу под ред. Ю. Ларина, стр. 58, изд. „Книга", 1918 г.

ходит гораздо дальше многих буржуазных расовиков, поскольку последние часто (в зависимости впрочем от запроса господствующих классов в данный момент) склонны смотреть на расу как на биологически единый организм. Каутский же, базируясь в данном случае на ламаркизме, сразу бьет двух зайцев: «благородный класс» постепенно трансформируется в «благородную расу». В сравнении с изложенным ничего уже принципиально нового не удалось сказать Каутскому в его известном последнем двухтомнике («Материалистическое понимание истории»), где имеется такой букет расового шовинизма, что любой буржуазный расовик вряд ли найдет необходимым сделать какие-либо серьезные дополнения и исправления. Тут мы уже находим помимо откровенного признания наличия биологически «высших» и «низших» рас и излюбленное утверждение шовинистов-расовиков о наличии у некоторых рас таких «признаков, которые другим противны», и даже гнусный и пошлый тезис о том, что «запах лиц, принадлежащих чуждым расам, оскорбляет наше обоняние». Вся эта реакционная дребедень изложена местами у Каутского конечно в несколько завуалированной форме, во всяком случае в форме более прикрытой, чем это делают его собратья по оружию, национал-фашисты. Но это и понятно: ведь заказ, даваемый буржуазией социал-фашисту, этого именно и требует, — преподносить то же национал-фашистское содержание, но в форме не столь откровенной, не столь возмущающей рабочую массу.

Круг замкнулся. От клерикалов и настоятелей церкви, через Плате, Дэвенпорта до Каутского и социал-фашизма — таков единый фронт международной буржуазии, систематически, изо дня в день эксплоатирующей слабые стороны учения Дарвина, в обилии мобилизующей «ученых второго и десятого рангов, которые кормятся гением великих людей, как черви львиной шкурой» (Лафарг).

Но в то время как буржуазные и социал-фашистские эпигоны великого Дарвина, как жуки в навозной куче, копошатся вокруг универсализированного и «всемогущего» естественного отбора, — особенно актуальным становится в дни этого юбилея вспомнить замечательные слова основоположников марксизма, Маркса, Энгельса и Ленина, сказанные давно, однако не только не утратившие своей свежести, но имеющие пожалуй теперь еще более актуальное значение — и для борьбы пролетариата, и для интересов самой науки, чем в те дни, когда эти слова были написаны.

27 июня 1870 г. Маркс писал Кугельману: «Господин Ланге сделал большое открытие. Вся история должна быть подведена под один великий закон природы. Этот закон заключается во фразе «struggle for life», «борьба за существование» (выражение

Дарвина применительно к этому случаю есть простая фраза), а содержание этой фразы — закон Мальтуса о народонаселении или скорее о перенаселении. Таким образом, вместо того чтобы анализировать «struggle for life», как она проявляется исторически в различных определенных формах общества, дело сводится лишь к тому, чтобы подгонять всякую конкретную борьбу под фразу «struggle for life», а эту фразу — под мальтусовскую фантазию о народонаселении. Нельзя не признаться, что это очень глубокий метод — для надутого, прикидывающегося научным, высокопарного невежества и лености мысли»[1]. По поводу этого места Ленин пишет: «Основа критики Ланге заключается у Маркса не в том, что Ланге подсовывает специально мальтузианство в социологию, а в том, что перенесение биологических понятий вообще в область общественных наук есть фраза. С «хорошими» ли целями предпринимается такое перенесение или с целями подкрепления ложных социалистических выводов, от этого фраза не перестает быть фразой»[2].

Аналогичные мысли мы неоднократно встречаем у Энгельса. Он пишет: «Нельзя даже в растительном и животном мире видеть только одностороннюю борьбу». Но совершенное ребячество—подводить все многообразие исторического развития и усложнения жизни под одностороннюю и тощую формулу «борьбы за существование». Это значит ничего не сказать или и того меньше.

«...Животное в лучшем случае доходит до собирания средств существования, человек же производит их; он добывает такие средства существования (в широчайшем смысле слова), которых природа без него не произвела бы. Это делает сразу недопустимым всякое перенесение без соответственных оговорок законов жизни животных обществ на человеческое общество»[3].

Приведенные краткие отрывки наголову разбивают всех многочисленных буржуазных и социал-фашистских писак. Они камня на камне не оставляют от всей многолетней мышиной возни этих «ученых», наемных слуг капитала. Они вместе с тем блестяще демонстрируют, что лишь методологии марксизма-ленинизма по плечу задача очистки науки от авгиевых конюшен социального дарвинизма, в зловонной грязи которых она беспомощно барахтается.

В статье «Русские и негры» Ленин, приведя цифры неграмотности среди белых в бывших рабовладельческих и нерабовладельческих районах САСШ, писал: «В бывших рабовладель-

---

[1] Письма Кугельману, стр. 101, 1920 г.
[2] Ленин, т. XIII, стр. 269.
[3] Маркс и Энгельс, т XIV, стр. 434.

ческих районах вдвое выше процент неграмотных среди белых (разрядка Ленина.—*С. Л.*). Следы рабства лежат не только на неграх»[1].

Империализм сделал все возможное для того, чтобы создать нищету и рабство колониальных народов, для того, чтобы лишить их возможности культурного развития. Сделав это, он затем трудами продажных ученых создал теории увековечения этого рабства, теории «низших» рас. Но следы рабства лежат не только на этих последних, но и на тех национал- и социал-фашистских ученых и неученых писаках, которые с таким усердием выполняют социальный заказ своих хозяев.

Только СССР — страна строящегося социализма вырвала почву из-под ног расовых шовинистов и социальных дарвинистов. Было бы однако глубоко ошибочно думать, что расовый шовинизм у нас уже полностью искоренен, что классовая борьба по этой линии может считаться у нас ликвидированной. Еще сравнительно недавно на страницах «Русского евгенического журнала» ставился «академический» вопрос: от чего вымирают «некультурные народы» при столкновении с «современной европейской культурой», — не оттого ли в частности, что «расовые особенности этих племен делают их неспособными к восприятию культуры?» (Кольцов).

Совсем неразоблаченной остается у нас затасканная идейка о евреях, как о «нищих телом» и «сильных духом»[2]. Отдельные отзвуки этих расовых теорий подчас проникают и в нашу партийную среду. Так еще сравнительно недавно пошла гулять по Союзу клеветническая теория о том, что революция и «изменения хозяйственной структуры» являются факторами вымирания калмыцкого народа[3]. А совсем уже недавно «Правда» сообщала, что «среди работников управленческого аппарата Вахтстроя еще и сейчас имеет хождение «теория» о непригодности рабочих-националов, в частности таджиков, для выполнения земляных работ»[4]. Нечего доказывать вред, наносимый подобными теориями, являющимися отрыжками социального дарвинизма, нашему строительству. Нечего доказывать, что лишь в беспощадной борьбе с подобными теориями возможна действительно плодотворная работа по дальнейшему развитию, совершенствованию (вернее реконструкции) научного ядра дарвинизма, того ядра, которое нам необходимо, как воздух, для выполнения исторических решений

---

[1] Ленин, т. XVI, стр. 300, изд. 2-е.

[2] Отдельные под флагом этой идейки у нас недавно еще издавались сборники «Вопросы биологии и патологии евреев».

[3] «ТМЭ», статья т. Баткиса «Вымирание народов» и сборник изд. соц. гигиены «Калмыки», М.—Л. 1928 г.

[4] А. Давидюк, На вахте, «Правда» от 13 ноября 1931 г.

XVII партконференции, для нашего животноводства и растениеводства, для нашей атеистической пропаганды, для нашей культурной революции.

Пролетариат СССР, творец этой культурной революции, не отдаст Дарвина на съедение наемным псам международной буржуазии. В дни этого юбилея он скажет: несмотря на отдельные, порой очень грубые ошибки, ошибки, неизбежные в силу классовой ограниченности Дарвина, Дарвин все же в основном наш, основное ядро его учения — наше. И мобилизуя в связи с юбилеем свои силы для лучшего использования этого основного ядра в целях социалистического строительства, мы ни на минуту не должны забывать о тех сотнях миллионов цветных рабов, которые там, за рубежом, стонут под игом империализма и одним из орудий порабощения которых служит извращенный буржуазией и ее социал-фашистскими прихвостнями дарвинизм. Мы, советские биологи, сделали пока поразительно мало (если не сказать — ничего) для помощи им в этом деле. Пусть же этот юбилей послужит стимулом для организации наших собственных рядов в деле повседневной работы по разоблачению «научной» лжи и фальсификации.

Но эту ложь и фальсификацию мы тем плодотворнее и лучше будем разоблачать, чем более большевистской непримиримости и партийной бдительности мы проявим в своей работе, чем лучше и полнее мы используем богатейшее наследство основоположников марксизма-ленинизма, чем больше самокритики будет в наших собственных рядах. Необходимо со всей резкостью подчеркнуть, что этого до недавнего времени фактически не было, что бывшее естественно-научное руководство (в том числе и автор этих строк) не только не сумело должным образом оценить гениальность многих произведений Маркса, Энгельса и Ленина и использовать их для борьбы за реконструкцию естествознания и для практики социалистического строительства, но в трактовке этих трудов само скатывалось на позиции меньшевиствующего идеализма. Так случилось в частности с бессмертным фрагментом Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны». В этой работе впервые в истории науки дана гениальная концепция механизма происхождения человека от антропоидов, механизма, принципиально отличного от тех, которые имеют место в природе при эволюции любых других видов органического мира. В силу своей буржуазной ограниченности ни Дарвин и никто из его последователей не сумели подняться до этой концепции. Не сумел никто из многочисленных последователей Дарвина оценить эту гениальную работу после ее выхода в свет (1896 г.). Книгой за семью печатями остались для них бессмертные слова Энгельса: «Труд создал самого человека».

И даже в нашей собственной среде нашлись товарищи, ухитрившиеся не заметить основной идеи в указанном фрагменте. Односторонне увлекшись борьбой против положения, выставленного одним из отрядов буржуазной биологии, неоламаркизмом, положения о том, что, дескать, Энгельс в этой работе является защитником идеи наследования приобретенных признаков, меньшевиствующие идеалисты, оторвавшись от практики социалистического строительства, в течение ряда лет возились с этой идейкой, не найдя никакого другого противоядия ей, как зачисление Энгельса в разряд людей, «стоявших на уровне биологии своего времени». Объективно эта гнилая формула лила воду на мельницу классового врага: во-первых, Энгельс, низведенный до «уровня биологии его времени», становится совсем не опасным в руках пролетариата, призванного реконструировать буржуазную науку и пользующегося трудами Энгельса как одним из незаменимых орудий для этой реконструкции, а во-вторых, было выхолощено то главное, основное (и гениальное), что имеется в этом произведении и что на много голов возвышает Энгельса не только над биологами его времени, но и над всеми современными. Это основное и главное заключается в том, что не только невозможно закономерности общественные сводить к биологическим (мысль, ставшая теперь для более или менее грамотного советского читателя аксиомой), но и самый генез, процесс становления человека, процесс его трансформации от обезьяны нельзя рассматривать как процесс исключительно биологический, нельзя сводить к наследственной изменчивости и естественному отбору. В связи именно с этим Энгельс писал: «Даже материалистически мыслящие естествоиспытатели из школы Дарвина не могут себе составить ясное представление о происхождении человека, так как в силу влияния... идеалистического миросозерцания они не видят роли, которую играл при этом труд»[1]. Не мобилизовав внимания партийно-научной общественности на разработку этой главной идеи Энгельса, не использовав ее в борьбе против буржуазной биологии, бывшее естественно-научное руководство само заплатило дань этому «идеалистическому миросозерцанию».

Пусть же юбилей Дарвина послужит лишним моментом, мобилизующим силы широких масс научных работников (биологов и социологов) для творческой и всесторонней разработки гениальных идей основоположников материализма-ленинизма, высказанных ими в частности по линии проблем эволюционного учения. Ибо без этой разработки неизбежно топтание на месте, немыслима реконструкция дарвинизма, невозможна очистка его от буржуазных плевел.

[1] Маркс и Энгельс, т. XIV, стр. 459.

ЭВОЛЮЦИОННУЮ НАУКУ — НА СЛУЖБУ СОЦСТРОИТЕЛЬСТВУ

М. Мицкевич
Б. Токин

Советская общественность отмечает годовщину смерти Чарльза Дарвина не только с тем, чтобы отдать должное величайшему представителю науки, «положившему конец воззрению на виды животных и растений, как на ничем не связанные, случайные, «богом созданные» и неизменяемые, и впервые поставившему биологию на вполне научную почву» (Ленин), но и затем, чтобы мобилизовать внимание и силы научных работников на теоретическую разработку проблем социалистического животноводства, растениеводства, здравоохранения и т. д.

В ходе победоносного социалистического строительства выдвигаются все новые и новые теоретические задачи. Как и все области естествознания, биологию нужно на основе марксизма-ленинизма поднять на новую, высшую ступень, соответствующую нашей эпохе, великим задачам реализации исторических решений XVII партконференции, задачам построения бесклассового социалистического общества.

Об эпохе социализма Энгельс писал: «От нее будет датироваться новая историческая эпоха, в которой люди, а вместе с ними все отрасли их деятельности и в частности естествознание сделают такие успехи, что все совершенное до того покажется лишь слабой тенью».

Не отбрасывая все то великое, что создано предшествующим человеческим опытом, не отбрасывая достижений буржуазной науки и техники, мы должны реконструировать все естествознание на основе марксистско-ленинской теории.

Практика социалистического животноводства, растениеводства, здравоохранения, городского хозяйства и т. д. уже выдвинула такие

задачи, что мы по существу стоим перед неизбежностью новых революций в биологии, зоотехнике, растениеводстве.

Нужно уметь, вскрывая диалектику живого, вмешиваться в ход развития животного и растительного организма, в жизнь животных и растительных сообществ, — уметь управлять организмом.

На целом ряде научных совещаний, конференций, созванных Наркомземом СССР в 1931 г. (конференция по засухе, по повышению урожайности, совещания по животноводству и т. д.), были четко определены задачи, стоящие в этой области перед советскими учеными. Одним из руководителей наркомземовской работы в весьма яркой и образной форме было сказано, что ученые чересчур «вежливо» обращаются с животным и растением. Нужно быть менее «вежливыми». На основе познания диалектики живого нужно уметь вмешиваться в жизнь животных и растений, изменять ход их развития в желательном для нас направлении.

Нужна решительная борьба, разоблачение реакционных «теорий», отдельных научных работников, пытавшихся ограничить возможности вмешательства экспериментатора, исследователя в ход развития животных и растений, обосновывающих созерцательное, пассивное, любительское отношение к живой природе. Эта группа «теорий» достаточно разнообразна, приведем некоторые иллюстрации грубых и тонких «теоретических обоснований» этой линии. На одной из научно-плановых конференций, проведенной недавно в Ленинграде, нашелся «ученый», который, ссылаясь на известные мысли Энгельса (в статье «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны»), где Энгельс как раз говорит, что «мы, в отличие от всех других существ, умеем постигать и правильно применять ее (природы. — *М.* и *Т.*) законы», — привел выдержку: «Не будем однако слишком обольщаться нашими победами над природой. За каждую победу она нам мстит», и извратил эту мысль в угоду своей реакционной теории о невмешательстве человека в живую природу.

Находятся и такие научные работники, которые подобные реакционные теории прикрывают марксистско-ленинской фразеологией. Под предлогом борьбы с механистами, постоянно подчеркивая сложность, специфичность исторически сложившейся в течение тысячелетий системы сельскохозяйственных животных и культурных растений, эти горе-диалектики приглашают также к невмешательству экспериментатора в жизнь животных и растений. Как раз наоборот. Борьба с механистами, изучение например специфических сторон овцы в отличие от коровы, ржи в отличие от фасоли и т. д. — нам нужны именно для возможно более полного управления процессами, протекающими в живом организме. Но конечно никто не предлагает такой несуразицы, чтобы например из ромашки вырастить слона.

Только марксистско-ленински понимая линию научно-исследо-

вательской работы, можно действительно поставить биологию на службу соцстроительству.

Партия поставила задачей: «В области животноводства во второй пятилетке добиться такого увеличения стада и роста товарной продукции, которое соответствовало бы разрешению в основном животноводческой проблемы для СССР, как этого партия добилась в первую пятилетку по отношению к зерновой проблеме. По хлопку и льну — не менее чем удвоение, а по сахарной свекле — утроение валовой продукции. Зерновая продукция к концу второй пятилетки должна достигнуть не меньше чем 1 300 млн. *ц*».

Какую бы биологическую проблему мы ни взяли — биологические вопросы мясности, молочности, шерсти, проблемы акклиматизации животных и растений, проблемы осеверения земледелия, проблема биологической самоочистки водоемов, биологические вопросы строительства водопроводов, канализации, биологические вопросы промышленности, — все они не могут быть действительно глубоко и эффективно разрешены, если не будет по-новому форсированно поставлена разработка важнейшей главы биологии — проблемы развития, эволюционная проблема.

Дарвинизм родился в Англии, в стране мощного капитализма, уже в середине XIX столетия, когда бурный рост производительных сил, процесс внедрения капитализма в сельское хозяйство, создание капиталистических ферм и хозяйств, переход на интенсивные формы сельского хозяйства — породили великие открытия во всех областях естествознания. К этим великим открытиям принадлежит и дарвинизм.

Дарвин сумел создать эволюционную теорию, используя уже накопившийся к тому времени громадный материал по искусственному отбору, селекции домашних животных и культурных растений.

Дарвин писал: «В начале моих исследований мне казалось, что тщательное изучение домашних животных и растений, разводимых человеком, всего скорее может повести к разрешению этого темного вопроса. И я не ошибся: в этом и во многих других затруднительных случаях я постоянно находил, что наши сведения об изменениях органических существ, порабощенных человеком, при всей их неполноте, снабжают нас самою верною путеводной нитью. Я осмеливаюсь выразить мое убеждение в высокой важности исследований по этому предмету, хотя ими по большей части пренебрегают естествоиспытатели».

К сожалению эти мысли Дарвина приходится еще пропагандировать среди некоторых групп научных работников, продолжающих до сих пор пережевывать абстрактные «истины», не желающих и не умеющих изучать, осмысливать тот богатейший материал, который уже накоплен нашей практикой социали-

стического строительства в области животноводства и растениеводства.

Какой грандиозный простор, какие колоссальные возможности для научного творчества биологов имеются в условиях социалистического строительства, когда создаются мощные социалистические фабрики зерна и мяса, когда в невиданных доселе масштабах развертываются работы в области селекции, метизации и т. д.

Иллюстрацией этому может служить решение коллегии НКЗ СССР о завершении в ближайшее пятилетие сплошного охвата метизацией животноводства в следующие кратчайшие сроки: по крупному рогатому скоту: в совхозах — в 1933 г., в колхозах — в 1936 г.; по свиньям соответственно — в 1932 и 1935 гг.; по овцам — 1931 и 1937 гг.; по лошадям — 1933 и 1937 гг.

Такой же и еще больший размах работы имеется и в других областях животноводства и в области растениеводства. Достаточно напомнить специальные решения ЦКК и НК РКИ о развертывании селекционной работы и семеноводства, об ускорении темпов этой работы и т. д.

Несмотря на кажущуюся на первый взгляд отвлеченность ряда теоретических вопросов биологии, разработка их имеет актуальное значение в свете этих задач и должна сэкономить миллионы рублей.

Уже сейчас можно наметить ряд новых теоретических задач в области разработки эволюционных проблем. Для этого нужно правильно оценить сильные стороны в учении Дарвина, уяснить слабые стороны дарвинизма, нужно установить, какие стороны учения Дарвина следует подвергнуть критической переработке. Советские ученые, используя все достижения последарвиновской биологии, в частности все достижения генетики и селекции, обязаны создать узловую тематику, соответствующую нашей эпохе. Нужно ясно сознавать, что, только будучи реконструированным на основе марксизма-ленинизма, дарвинизм возвысится до действительной теории развития органического мира.

Характерно для современной буржуазной биологии, что эволюционисты принуждены так или иначе применять идею развития. Но они трактуют эволюцию вульгарно «эволюционистски», реформистски, покидая историческую точку зрения в отношении самого эволюционного процесса.

Это и понятно: проблема развития, возникновение нового — точка преткновения для метафизической мысли.

Действительное понимание проблем развития как человеческой истории, так и природы дает только революционное учение Маркса—Ленина. В гениальном фрагменте «К вопросу о диалектике» Ленин дал развернутую теоретическую концепцию эволюции развития.

«Тождество противоположностей (единство» их, может быть,

вернее сказать, хотя различие терминов тождество и единство здесь не особенно существенно. В известном смысле оба верны) есть признание (открытие) противоречивых, взаимоисключающих, противоположных тенденций во всех явлениях и процессах природы (и духа и общества в том числе). Условие познания всех процессов мира в их «самодвижении», в их спонтанейном развитии. в их живой жизни есть познание их как единства противоположностей. Развитие есть «борьба» противоположностей. Две основные (или две возможные? или две в истории наблюдающиеся?) концепции развития (эволюции) суть: развитие как уменьшение, и увеличение как повторение, и развитие как единство противоположностей (раздвоение единого на взаимоисключающие противоположности и взаимоотношения между ними). При первой концепции движения остается в тени самодвижение, его движущая сила, его источники, его мотив (или сей источник переносится вовне — бог, субъект etc.). При второй концепции главное внимание устремляется именно на познание источника «самодвижения»[1].

Первая концепция мертва, бедна, суха. Вторая — жизненна. Только вторая дает ключ к «самодвижению» всего сущего; только она дает ключ к «скачкам», к «перерыву постепенности», к «превращению в противоположность», к уничтожению старого и возникновению нового.

Единство (совпадение, тождество, равнодействие)противоположностей условно, временно, преходяще, релятивно. Борьба взаимоисключающих противоположностей абсолютна, как абсолютно развитие движения.

Взяв за исходную основу глубочайшие мысли В. И. Ленина о развитии, ленинскую концепцию эволюции, мы должны поставить разработку проблем эволюционного учения на службу социалистическому строительству и международной классовой борьбе пролетариата.

Актуальным в данный момент является вопрос о специфических закономерностях эволюционного процесса на разных этапах его развития.

Мы должны при разработке эволюционных проблем понять глубочайшую мысль Ленина: «обычное представление схватывает различие и противоречие, но не переход от одного к другому, а это самое важное»[2].

Эта постановка вопроса обязывает ко многому. По этой линии должен быть пересмотрен ряд основных положений, в частности учение об естественном отборе, и должно быть дано новое освеще-

---

[1] «Ленинский сборник» XII.
[2] «Ленинский сборник» IX.

ние нашему «обиходному» биологическому материалу. Если же взять вопрос в широком разрезе, учитывая, что в эволюции органического мира играл и играет роль целый комплекс факторов — геологические изменения, изменения почвенные и т. д., и т. д., то поставленная проблема приобретает очевидную аргументированность. С точки зрения задач социалистического строительства, животноводства и растениеводства именно такая разработка вопросов эволюции представляет наибольшую актуальность. Уже не фантазией является форсированная постановка вопросов управления не только индивидуальным развитием животного и растительного организма, но и вмешательство в жизнь животных и растительных сообществ, вмешательство в эволюционный ход. Но как раз здесь вскрытие общих моментов диалектики эволюционного процесса без вскрытия специфических закономерностей на разных этапах эволюции не может дать необходимого действенного эффекта.

Еще большую актуальность, особенно с точки зрения нашей работы в области социалистического животноводства и растениеводства, представляет следующий вопрос. Мы не можем, изучая эволюционный процесс, изучая изменения животного и растительного мира, игнорировать такой фактор эволюции, как человек. Мы берем не абстрактного человека, а конкретную деятельность человека в различные общественно-исторические формации. Человек, воздействуя на природу, изменяет ее. Но нашим современным метафизикам-эволюционистам и в голову не приходит мысль, что изменение животного и растительного мира со времени появления человека на земле представляет такое своеобразие, что по существу мы, вскрывая и впредь общие закономерности всего развития органического мира, должны создать новую главу в вопросах эволюции: «Человеческая деятельность как фактор эволюции». И в этом вопросе основоположники марксизма-ленинизма дали все основные линии исследования.

Особенно много указаний по интересующим нас вопросам мы находим у Энгельса. Энгельс писал: «Лишь человеку удалось наложить свою печать на природу: он не только переместил растительные и животные миры, но изменил также вид и климат своего местопребывания и изменил даже растения и животных до того, что результаты его деятельности могут исчезнуть лишь вместе с гибелью всего земного шара».

В другом месте: «... в природе ничто не совершается обособленно. Каждое явление воздействует на другое и обратно, и в забвении факта этого всестороннего движения и взаимодействия и кроется в большинстве случаев то, что мешает нашим естествоиспытателям видеть ясно самые простые вещи. Мы видели: козы сделали невозможным новое облесение Греции; на св. Елене козы и свиньи, привезенные первыми колонистами, сумели истребить

без остатка всю старую растительность острова и этим подготовили почву для распространения других привезенных позднее шкиперами и колонистами растений. Но если животные оказывают прочное влияние на окружающую природу, то это происходит без всякого намерения с их стороны и является по отношению к этим самым животным чем-то случайным. Чем более однако люди отделяются от животных, тем более их процесс воздействия на природу принимает характер преднамеренных, планомерных направленных к определенным, заранее намеченным целям действий. Животное уничтожает растительность какой-нибудь местности, не ведая, что творит. Человек же ее уничтожает, чтобы на освободившейся почве посеять полевые плоды, насадить деревья или разбить виноградник, которые — он это знает — вознаградят сторицей его труд. Он переносит культурные растения и домашних животных из одной страны в другую и изменяет таким образом флору и фауну целых частей света. Более того: при помощи разных искусственных приемов выращивания растения и животные так изменяются под рукой человека, что они становятся неузнаваемыми».

Наконец еще: «От природы Германии, — пишет Энгельс, — какой она была в эпоху переселения в нее германцев, чортовски мало осталось. Поверхность земли, климат, растительность, животный мир, даже сам человек бесконечно изменились с тех пор, и все это благодаря человеческой деятельности, между тем изменения, происшедшие за это время в природе Германии без человеческого содействия, ничтожно малы».

Некоторые могут сказать, что мы ломимся в открытую дверь, что в ходе развития биологической науки ученые ставили эти вопросы. Действительно можно указать ряд биологов, которые подходили к этой проблеме, но они в лучшем случае рассуждали абстрактно о человеческой деятельности. Не мешает напомнить в высшей степени интересные работы Веттштейна и Цингера. Цингер провел интересные исследования на рыжике — растении, засоряющем льняные посевы, и доказывал, что оно возникло сравнительно недавно на культурных площадях в связи с человеческой деятельностью. Также интересно его исследование о происхождении большого погремка. Имеется ряд других исследований в этом же направлении. Но мы не находим ни одного биолога, который бы возвысился до мыслей Энгельса. Нужно со всей отчетливостью подчеркнуть, что перечисленные выше задачи могут стоять и разрешаться только в условиях строительства социализма, при социалистическом способе производства.

В условиях планового социалистического хозяйства перед нами все более и более актуально выдвигаются задачи — суметь в каждом случае предвидеть и регулировать, суметь поставить на службу соцстроительству те последствия, которые оказы-

вают развитие социалистической промышленности, механизация сельского хозяйства и т. д. на животный и растительный мир. Возьмем совершенно конкретный вопрос: нужно знать, уметь управлять биологическими процессами, положим, в водоемах в связи с действием сточных вод, отходов такой-то промышленности и т. д.

Но Энгельс со всей отчетливостью подчеркивал, что все это невозможно сделать в условиях капитализма; ибо для того, чтобы это регулировать, практически осуществить, «требуется нечто больше, чем простое познание. Для этого требуется радикальное изменение господствующего доныне способа производства и вместе с ним всего нашего современного социального строя. Все существовавшие доныне способы производства стремились только к получению от процесса труда непосредственных полезных эффектов».

Мы сказали, что должна быть создана новая глава биологии. На самом деле мы стоим здесь по существу перед целым комплексом новых дисциплин, поднять которые мы сумеем, обязаны суметь! Проблема эволюции и та часть, о которой идет речь, не могут быть поняты биологами-эволюционистами, если они не покинут свой ограниченный «натуралистический» взгляд на природу. Эта область должна разрабатываться совокупными усилиями биолога-эволюциониста, экономиста, геолога, историка материальной культуры.

Этим ни в какой мере не дается повод для того, чтобы забрасывать задачу вскрытия общих закономерностей всего хода эволюционного развития, и тем более для возможных перегибов по линии выхолащивания самого б и о л о г и ч е с к о г о содержания научно-исследовательской работы биологов. Но для каждого эволюциониста должно быть ясно, что глубокое изучение этих закономерностей борьбы за существование в животном и растительном мире, естественного отбора и т. д. невозможно, если игнорировать такой фактор эволюции, как человек.

Качественное своеобразие эволюционного процесса на разных этапах развития органического мира не может быть глубоко понято, если биологи не поставят перед собой крупнейшую проблему современной биологии — взаимозависимости филогении и онтогении.

Это одна из основных узловых проблем современной биологии, одинаково важная и для наук, изучающих индивидуальное развитие организма и процесс видообразования. Познавать все более и более глубоко закономерности индивидуального развития организма и эволюционного процесса невозможно без вскрытия взаимозависимости онтогении и филогении. Здесь также необходима борьба на два фронта. Мы знаем, что некоторые механисты, вульгарные материалисты пытаются эволюционный процесс объяснить подступа-

ми исключительно наук, занятых индивидуальным развитием организмов. С другой стороны, известно, что меньшевиствующие идеалисты метафизически разорвали эволюционный процесс как «исторический» от процесса индивидуального развития как «физиологического».

Мы могли в настоящей статье остановиться лишь на некоторых теоретических задачах, выдвигаемых ходом социалистического строительства перед эволюционной наукой.

Основным лозунгом советских ученых биологов, животноводов, растениеводов должно стать: все силы на выполнение исторических решений XVII партконференции, на выполнение четвертого, завершающего года первой пятилетки и на выполнение грандиозных задач второй пятилетки!

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

От редакции 4
Биографическая справка 5
Э. КОЛЬМАН
О К. Марксе и Ч. Дарвине 8
П. ВАЛЕСКАЛН
Учение Дарвина в оценке Маркса, Энгельса и Ленина 12
П. БОНДАРЕНКО, В. БРАНДГЕНДЛЕР, П. ВАЛЕСКАЛН, Б. ТОКИН
К 50-летию со дня смерти Чарльза Дарвина (1882—1932) 21
Н. БУХАРИН
Дарвинизм и марксизм 34
Н. ВАВИЛОВ
Роль Дарвина в развитии биологических наук 62
Б. ЗАВАДОВСКИЙ
Дарвин и эволюционная теория 73
МЕЙСТЕР И ВЕРУШКИН
Дарвинизм и селекция 102
С. ЛЕВИТ
Дарвинизм, расовый шовинизм, социал-фашизм 107
М. МИЦКЕВИЧ, Б. ТОКИН
Эволюционную науку — на службу соцстроительству 126

Ответственный редактор С. Пичугин
Техредактор Г. Писманник
Обложка и супер-обложка худ. Велем.

Сдано в производство 28/IV 1932 г. Подписано к печати 13/VIII 1932 г. Уполн. Главлита В-30595. Партиздат № 344. Тираж 50 000 экз. Заказ 1378. 8¼ п. л. 46 000 зн. в печ. листе. Формат 82×110 в ¹/₃₂ д.

1-я типография Огиза РСФСР «Образцовая». Москва, Валовая 28.

Издательство ЦК ВКП(б) ПАРТИЗДАТ

НОВЫЕ КНИГИ

К МАРКС, Капитал. Критика политической экономии. Том I, книга 1-я. Процесс производства капитала. Печатается с русского изд., пер. И. Степановым. Изд. 8-е. 621 стр., ц. 4 р. 50 к.

К МАРКС, Капитал. Критика политической экономии. Том II, книга 2-я. Процесс обращения капитала. Издание, подготовл. Ф. Энгельсом, печатается с русского изд., пересм. И. Степановым. Изд 8-е. 384 стр., ц. 2 р. 50 к., пер. 40 коп.

К. МАРКС, Капитал. Критика политической экономии. Том III, книга 3-я. Процесс капиталистического производства, взятый в целом. Издание, подготовленное Ф. Энгельсом, печатается с русского изд., пересмотр. И. Степановым. Изд 8-е. 640 стр., ц. 5 р. 50 к., пер. 1 рубль.

МАРКС — ЭНГЕЛЬС, Письма. Сборник избранных писем. Пер., редакция и прим. В. Адоратского, изд. 4-е. 433 стр., ц. 2 р. 75 к.

Ф. ЭНГЕЛЬС, Анти-Дюринг. Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом, изд. 6-е. 304 стр., ц. 2 р. 75 к., пер. 80 коп.

Ф. ЭНГЕЛЬС, Происхождение семьи, частной собственности и государства. 187 стр., ц. 1 р. 15 к., пер. 35 коп.

«ЛЕНИНСКИЙ СБОРНИК» XIX, под ред. В. Адоратского, В. Молотова, Н. Савельева и Сорина. 481 стр., ц. 4 р. 30 к., пер. 70 коп.

Документы об аграрном вопросе периода 1899—1915 гг. Анализ капиталистического земледелия, классовой борьбы в деревне. Критика буржуазных и мелкобуржуазных теорий по этим вопросам. Документы о борьбе Ленина за революционную аграрную программу партии пролетариата.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ В ОТДЕЛЕНИЯ И МАГАЗИНЫ ПАРТИЗДАТА И КНИГОТОРГОВОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ОГИЗА